

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
Научный центр «Россия, Китай и мир»

Россия–Китай: отношения на рубеже 20-летия «Большого договора»

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 327(470+510)(091)
ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Кит)
Р76

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИКСА РАН

Рецензенты:

Каменнов Павел Борисович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. руководителя Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН;

Ставров Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Ответственные редакторы: к.и.н. А.С. Давыдов, к.и.н. С.В. Уянаев

Научные редакторы:

к.э.н. М.В. Александрова, к.и.н. А.О. Виноградов,

к.э.н. Т.М. Мамахатов, А.Ч. Мокрецкий

Редакторы: А.О. Виноградов, И.С. Виноградов

Авторы:

Александрова М.В. (разд. 3.2), Балакин В.И. (разд. 2.3.), Васильев Л.Е. (разд. 2.4), Виноградов А.О. (разд. 1.5), Давыдов А.С. (разд. 1.4), Исаев А.С. (разд. 2.5), Клименко А.Ф. (разд. 2.1), Куликова Г.В. (разд. 3.5), [Локшин Г.М.] (разд. 1.7), Ломанов А.В. (разд. 1.1), Мамахатов Т.М. (разд. 3.4), Матвеев В.А. (разд. 3.3), Мокрецкий А.Ч. (разд. 1.6), Островский А.В. (разд. 3.1.), Петровский В.Е. (разд. 1.2, 1.3), Сафронова Е.И. (разд. 2.2), Уянаев С.В. (Введение, Заключение, разд. 1.2, 1.3).

Р76 Россия—Китай: отношения на рубеже 20-летия «Большого договора» / отв. ред. А.С. Давыдов, С.В. Уянаев; Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М. : ИКСА РАН, 2022. — 208 с.

ISBN 978-5-8381-0439-7

DOI 10.48647/IFES.2022.15.52.005

В центре внимания находятся наиболее важные аспекты международного курса Китая, связанные, в частности, с американским, европейским, азиатским направлениями, а также характерные черты насыщенного российско-китайского диалога, который в 2021 г. проходил на фоне 100-летия Компартии Китая и 20-летнего юбилея двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Авторы предприняли попытку проанализировать приоритеты современной дипломатической активности КНР и проследить на этом фоне состояние и перспективы российско-китайского взаимодействия в политической, экономической и других областях, а также в сфере международной политики. Наряду с достижениями авторы обращают внимание и на «узкие места» двустороннего диалога, формулируют ряд выводов и предложений, основанных на рассмотрении российско-китайских отношений как фактора, способного содействовать внутреннему развитию Российской Федерации, как прагматичного рычага укрепления ее международных позиций.

Ключевые слова: Россия, Китай, внешняя политика, юбилей Большого договора, международные проблемы, Евразия, интеграция, сотрудничество, Центральная Азия, ШОС, торговля, инвестиции, Арктика, энергетика, кибербезопасность, гуманитарное взаимодействие, перспективы, национальные интересы.

УДК 327(470+510)(091)

ББК 66.4(2Рос)+66.4(5Кит)

© Коллектив авторов, 2022

© ИКСА РАН, 2022

ISBN 978-5-8381-0439-7

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia
(ICCA RAS)

**RUSSIA—CHINA:
RELATIONS AT THE TURN
OF THE 20-th ANNIVERSARY
OF THE “GRAND AGREEMENT”**

Moscow
ICCA RAS
2022

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences*

Reviewers:

P.B. Kamennov, I.V. Stavrov

Executive editors:

A.S. Davydov, Ph.D., S.V. Uyanaev, Ph.D.

Scientific editors:

M.V. Alexandrova, Ph.D., A.O. Vinogradov, Ph.D., T.M. Mamakhatov, Ph.D., A.Ch. Mokretsky

Technical editors:

N.A. Agapova, I.S. Vinogradov

Authors:

Alexandrova M.V. (section 3.2), Balakin V.I. (section 2.3.), Vasiliev L.E. (section 2.4), Vinogradov A.O. (section 1.5), Davydov A.S. (section 1.4), Isaev A.S. (section 2.5), Klimenko A.F. (section 2.1), Kulikova G.V. (section 3.5), Lokshin G.M. (section 1.7), Lomanov A.V. (section 1.1), Mamakhatov T.M. (section 3.4), Matveev V.A. (section 3.3), Mokretsky A.Ch. (section 1.6), Ostrovsky A.V. (section 3.1.), Petrovsky V.E. (section 1.2, 1.3..), Safronova E.I. (section 2.2), Uyanaev S.V. (Introduction, Conclusion, sections 1.2, 1.3.).

Russia—china: relations at the turn of the 20th anniversary of the “grand agreement”. — Moscow: ICCA RAS, 2022. — 208 p.

The monograph focuses on the most important aspects of China's international course, related, in particular, to the American, European, Asian directions, as well as to the characteristic features of a multifaceted Russian-Chinese dialogue, which in 2021 took place against the background of the 100-th anniversary of the Communist Party of China and the 20th anniversary of the bilateral Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation.

The authors made an attempt to analyze the priorities of the modern diplomatic activity of the People's Republic of China and, against this background, to examine the state and prospects of Russian-Chinese cooperation in political, economic and other fields, including the field of international politics. Along with the achievements, the authors draw attention to the “bottlenecks” of the bilateral dialogue, formulate a number of conclusions and proposals based on the consideration of Russian-Chinese relations as a factor capable to contribute to the internal development of the Russian Federation, as a pragmatic lever to strengthen its international positions.

Keywords: Russia, China, foreign policy, anniversary of the Great Treaty, international problems, Eurasia, integration cooperation, Central Asia, SCO, trade, investment, Arctic, energy, cybersecurity, humanitarian cooperation, prospects, national interests.

Оглавление

Введение	9
Глава I. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР И ОТНОШЕНИЯ РФ И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
1.1. Российско-китайские отношения на фоне изменений в политике КНР	13
1.2. «Большой российско-китайский договор»: значение 20-летнего опыта и текущий этап российско-китайских отношений	22
1.3. РФ—КНР: достижения и вызовы «пост-договорного» 20-летия	30
1.4. Между альянсом и соперничеством: геополитика во взаимоотношениях РФ и КНР	36
1.5. Основные проблемы китайско-европейских отношений на современном этапе и выводы для России	46
1.6. Позиции России и Китая по международным проблемам: общее и различия	55
1.7. Российско-вьетнамские отношения и Китай	63
Глава II. РОССИЯ И КИТАЙ В ЕВРАЗИИ	
2.1. Основные вызовы и угрозы на пространстве ШОС и сотрудничество государств — участников Организации по их нейтрализации	87
2.2. Влияние экономической дипломатии Китая на кооперационную среду и безопасность в Азии	94
2.3. Евразия — зона столкновения геополитических интересов России и «коллективного Запада»	103
2.4. Основные направления политики США, Китая и России в Центральной Азии	111

2.5. Противостояние в киберпространстве Восточной Азии и перспективы российско-китайского взаимодействия	122
Глава III. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ДВУСТОРОННЕГО ПАРТНЕРСТВА	
3.1. Основные проблемы развития российско-китайских торгово-экономических отношений в настоящее время	134
3.2. Российско-китайская межрегиональная торговля в 2020 г.	145
3.3. Особенности российско-китайского энергетического сотрудничества в условиях возрастающего климатического противостояния КНР и США	160
3.4. Российско-китайское сотрудничество в области освоения Арктики	167
3.5. Гуманитарное сотрудничество — одна из опор российско-китайских отношений	175
Заключение	200
Сведения об авторах	204

Contents

Introduction	9
Section I. CHINA'S FOREIGN POLICY AND RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA AT THE PRESENT STAGE	
1.1. Chinese Approach to Relations with Russia in the Context of Modern Politics of the PRC	13
1.2. The Great Russian-Chinese Treaty: The Significance of Twenty Years of Experience and the Current Stage of Russian-Chinese Relations	22
1.3. Russia-China: Achievements and Challenges of the “Post-contractual” 20 Years	30
1.4. Between the Alliance and Rivalry: Geopolitics in the Relations of the Russian Federation and the People’s Republic of China	36
1.5. The Main Problems of Chinese-European Relations at the Present Stage. Conclusions for Russia	46
1.6. Positions of the PRC and Russia on International Problems: Common and Differences	55
1.7. Russia —Vietnam Relations and China	63
Section II. RUSSIA AND CHINA IN EURASIA	
2.1. The Main Challenges and Threats in the SCO Space and the Cooperation of the Member States of the SCO to Neutralize Them	87
2.2. Impact of China's Economic Diplomacy on the Cooperation Environment and Security in Asia	94
2.3. Eurasia — a Zone of Geopolitical Interests Collision between Russia and “Collective West”	103

2.4. Key Policies of the United States, China, and Russia in Central Asia	111
2.5. The Confrontation in the Cyberspace of East Asia and the Prospects for Russian-Chinese Cooperation	122
Section III. PRACTICAL AGENDA OF THE RUSSIAN-CHINESE BILATERAL PARTNERSHIP	
3.1. Main Problems of Sino-Russian Trade and Economic Relations Nowadays	134
3.2. Russian-Chinese Interregional Trade in 2020	145
3.3. Features of Russian-Chinese Energy Cooperation in the Context of the Growing Climatic Confrontation between China and the United States	160
3.4. Russian-Chinese Cooperation in the Field of Arctic Exploration	167
3.5. Humanitarian Cooperation as One of the Pillars of Russian-Chinese Relations	175
Conclusions	200
About the authors	204

Введение

Внешняя политика КНР и отношения Китая с Россией как одно из важных ее направлений на рубеже первого и второго десятилетий текущего века были отмечены рядом особенностей, причем в 2020—2021 гг. реализация их происходила в необычных условиях.

С одной стороны, они продолжали осуществляться в русле знакомых концептуальных установок, сформулированных в партийных и государственных документах последних лет («державная политика китайской спецификой» и «междержавные отношения нового типа», «сообщество единой судьбы человечества», инициатива «Пояс и путь», «всеобъемлющее партнерство» и т. п.).

С другой — появились новые обстоятельства. Речь идет, в частности, об акцентированном развитии в КНР на рубеже первого и второго десятилетий текущего века концепции «новой эпохи» — «эпохи», которая «наступила в результате невиданных за столетие перемен». Наступившая «новая эпоха» имеет как внутреннее, так и международное измерение, в том числе применительно к оценке нынешних российско-китайских связей. В совместных документах российско-китайские связи определяются теперь как отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху».

Кроме того, Россия и Китай вместе со всем миром продолжают испытывать воздействие вызовов пандемии коронавируса. Еще в 2020 г. в международном плане это выразилось в целом ряде лимитов и ограничений, в том числе в сужении форм дипломатической работы, переместившейся в большой степени в онлайн формат. Для КНР такого рода вызовы стали особенно острыми, поскольку Пекину пришлось отвечать на дополнительное внешнее давление и различные обвинения, прежде всего со стороны стран Запада, выдвинувших тезис о «китайском происхождении» COVID-19. Надежды на то, что данные лимиты и ограничения существенно снизятся в 2021 г., оправдались весьма незначительно: несколько возросший перечень оч-

ных контактов, встреч и переговоров, проведенных как КНР, так и РФ, уже второй год подряд не включал личных встреч председателя КНР и президента России. Их личная встреча состоялась лишь 4 февраля 2022 г. в Пекине накануне открытия XXIV зимних Олимпийских игр.

Напомним, что в официальной повестке российско-китайских отношений термин «новая эпоха» впервые появился в Совместном заявлении, принятом главами двух государств по итогам официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в 2019 г. Как считают в российском внешнеполитическом ведомстве, этот термин отражает новое качество межгосударственных отношений, которые складывались на протяжении как минимум предшествующего десятилетия, причем в известной степени этот термин характеризует и результаты той работы, которая в нынешнем столетии велась по линии реализации и воплощения в жизнь Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, подписанного 16 июля 2001 г.

20-летний юбилей подписания этого важнейшего двустороннего документа (его часто называют Большим российско-китайским договором) явился важным событием, которое в заметной мере определяло в 2021 г. повестку двусторонних отношений. В честь юбилея в Москве и Пекине прошли официальные торжественные мероприятия, состоялся целый ряд научных и экспертных конференций. [О торжественном мероприятии.] В ряде случаев они прошли параллельно с празднованием другой даты — пришедшегося на начало июля 100-летия основания Коммунистической партии Китая.

В статейных материалах и научных выступлениях на форумах, посвященных той и другой дате, показательно отмечалась незримая связь двух юбилеев, поскольку в обоих случаях речь идет о тесной взаимоподдержке, взаимном влиянии и дружбе между двумя странами. Подчеркивалось, в частности, что за прошедшие 20 лет сформировалась новая модель связей между Россией и Китаем, отличительной особенностью которой является особый уровень политического доверия, в том числе и на самом высшем политическом уровне. Одновременно обращалось внимание на то, что восходящая динамика в российско-китайских отношениях имеет место давно и характеризуется достаточной плавностью. В связи с этим понятно, что в определенный момент (пусть его и нелегко привязать к конкретному году) можно говорить о переходе количественных изменений в качественные. Принятые двусторонние документы, включающие тезис о «но-

вой эпохе», как раз фиксируют очередные подвижки на этом направлении.

Как и всякие юбилеи, 20-летие Большого договора и 100-летие КПК стали хорошими поводами для подведения итогов.

Во внешнеполитической части торжественной речи по случаю партийного юбилея председатель КНР Си Цзиньпин, в частности, акцентировал внимание на задаче «прилагать неустанные усилия к формированию сообщества единой судьбы человечества», подчеркнул, что «мир, согласие и гармония — это концепции, которые китайская нация, не имеющая в своей крови генов захватчиков и гегемонов, наследует на протяжении более чем пяти тысячелетий». [Полный текст речи...] Это позволяет говорить о том, что КНР продолжает следовать утвердившимся к началу 2020-х гг. основным внешнеполитическим установкам, определяемым ныне как «внешняя политика и дипломатическая доктрина Си Цзиньпина». Узловыми тезисами продолжают служить положения о формировании «сообщества человечества с единой судьбой», продвижении «мультилатерализма» и «отсутствии» у возвышающейся КНР гегемонистских намерений. При этом Пекин умножает свои усилия с целью конвертировать несомненные экономические и иные достижения страны в рост ее международного влияния, в том числе за счет продвижения и пропаганды китайских успехов и китайского опыта борьбы с COVID-19, обеспечивших КНР более ранний и «мягкий» выход из кризиса пандемии.

Отношения с Россией Пекин продолжает декларировать как один из приоритетов своей внешней политики, называя российско-китайское партнерство «незыблемым и нерушимым». То, что отношения двух стран «достигли беспрецедентных высот, стали образцом межгосударственного сотрудничества в XXI веке», подчеркивают и в Москве. [Статья министра...]

В состоявшемся 25 августа 2021 г. телефонном разговоре между президентом РФ и председателем КНР констатировалось, что «российско-китайское стратегическое партнёрство поступательно и динамично развивается, стороны заинтересованы в дальнейшем углублении взаимодействия по всему комплексу вопросов двусторонней и международной повестки дня». [Телефонный разговор...]

Вместе с тем понятно, что благоприятное развитие отношений между двумя странами не означает отсутствия вызовов, проблем и нерешенных вопросов. Именно из такого понимания общей картины сегодняшнего взаимодействия России и Китая исходили эксперты Института Дальнего Востока РАН, которые, выступили авторами

данного исследования. В его основу были положены экспертные разработки последнего времени, включая материалы Круглого стола, прошедшего в ИДВ РАН 11 июня 2021 г. Участники заседания предприняли попытку оценить ключевые особенности сегодняшнего диалога между РФ и КНР, а также проанализировать основные тенденции текущей внешней политики КНР, в том числе на американском, европейском и азиатском (Вьетнам, ЮКМ) направлениях.

Большое внимание было уделено взаимодействию двух стран по международным вопросам, прежде всего в Евразии, где страны сотрудничают в широком спектре областей, включая вопросы безопасности и развития интеграционных проектов. Анализировалось и состояние дел в реализации повестки практического сотрудничества — в экономической, гуманитарной и других областях.

Общую цель коллективного монографического труда авторы видят в выявлении потенциала российско-китайского взаимодействия, который может быть реализован в интересах внутреннего развития России и укрепления ее позиций на международной арене. При этом в поле зрения остаются существующие для РФ вызовы и риски. Их учет универсально необходим в практике построения любой пары двусторонних отношений, тем более, когда речь идет о таких крупных и независимых державах, как Россия и Китай.

Глава I

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР И ОТНОШЕНИЯ РФ И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1.1. Российско-китайские отношения на фоне изменений в политике КНР

Подготовка к 20-летней годовщине заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем дала импульс концептуальному оформлению «новой эпохи» в их двусторонних отношениях, которую провозгласили лидеры двух стран летом 2019 г. В выступлениях китайских официальных лиц в первой половине 2021 г. появились новые характеристики отношений с Россией, отражающие динамику развития внешней политики КНР.

В опубликованном в первые дни 2021 г. интервью о российско-китайских отношениях глава МИД КНР Ван И заявил, что в 2020 г. связи двух стран прошли через «крещение эпидемией века» и через испытание «переменами столетия» (*бай нянь бяньцзюй* 百年变局). Летом 2018 г. на совещании по внешнеполитической работе Си Цзиньпин провозгласил наступление «перемен, не виданных за столетие», призвав учитывать новые внешние вызовы и вместе с тем активно использовать благоприятные для Китая возможности. За прошедшие три года тезис о «переменах столетия» прочно утвердился в китайской официальной лексике и в СМИ.

Многие характеристики, которые китайская сторона использует для описания взаимодействия с Россией, являются производными от внутривнутриполитических лозунгов. «Новая эпоха» в российско-китайских отношениях была провозглашена после того, как в 2017 г. XIX съезд КПК заявил о наступлении «новой эпохи» социализма с «китайской спецификой». Внутри Китая «новая эпоха» воспринимается как обоб-

щенное указание на перемены во внутренней и внешней политике, произошедшие после прихода к власти Си Цзиньпина. Применение к российско-китайским отношениям широко распропагандированных внутри Китая лозунгов «новой эпохи» и «перемен столетия» подчеркивает в глазах китайской аудитории важность и актуальность сотрудничества с Россией, косвенно указывает на общность проблем развития обеих стран.

Китайская сторона неизменно подчеркивает важность тесного общения лидеров двух государств, поскольку они «играют самую ключевую направляющую стратегическую роль в устойчивом продвижении вперед» двусторонних отношений. В январе 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И сообщил, что в 2020 г. два руководителя пять раз разговаривали по телефону, многократно направляли друг другу письма и телеграммы [Ван И: Чжун э чжаньлюэ...].

Тема взаимопомощи народов двух стран сосредоточена на противодействии эпидемии коронавируса. Ван И отметил, что Россия первой из зарубежных стран предоставила Китаю материалы для борьбы с эпидемией. Со своей стороны, Китай входит в число стран, оказавших России наиболее значительную противоэпидемическую поддержку.

Глава МИД КНР подчеркнул, что практическое сотрудничество двух стран «продвигается вперед вопреки обстоятельствам» (*ниши цяньсин* 逆势前行). Эта способность проявилась в возобновлении экономической активности после эпидемии, обеспечении функционирования производственных и сбытовых цепочек, осуществлении крупных совместных проектов.

Ван И указал, что 2021 год имеет для российско-китайских отношений «особый смысл» и обе страны выйдут на новый этап развития. Появилась новая важная формулировка, согласно которой у стратегического сотрудничества России и Китая «нет конца, нет запретных зон, нет верхнего предела» (*мэйю чжицзин*, *мэйю цзиньцюй*, *мэйю шансянь* 没有止境, 没有禁区, 没有上限).

Прежний подход в форме «трех нет» подчеркивал, что две страны не будут создавать союз, вступать в конфронтацию и действовать против третьих стран. «Три отсутствия» призывают видеть в отношениях России и Китая огромное пространство для инициативы. Слова главы МИД КНР прозвучали как приглашение к совместному поиску новых форм взаимодействия в меняющейся глобальной ситуации.

Ван И предложил использовать празднование 20-летия Договора как возможность освежить в памяти «изначальные помыслы к заклю-

чению договора» (*диюэ чусинь* 缔约初心): передача дружбы из поколения в поколение, сотрудничество и взаимный выигрыш. В этой формулировке можно найти еще один пример проникновения внутривнутриполитической лексики в сферу отношений с Россией. Лейтмотивом подготовки к 100-летию юбилею КПК стал лозунг «Не забывать изначальные помыслы, крепко помнить о миссии» (*бу ван чусинь, лаоцзи шимин* 不忘初心、牢记使命), требовавший не забывать идеалы и цели, с которыми китайские коммунисты вступили на путь революции. На фоне широкомасштабной кампании пропаганды «изначальных помыслов» КПК появился призыв хранить «изначальные помыслы относительно договора» с Россией.

Ван И подчеркнул, что две страны должны воспринимать друг друга в четырех качествах — как стратегическую опору, как дипломатический приоритет, как шанс на развитие и как глобального партнера. Он призвал продвигать двустороннее сотрудничество «на более высокой отправной точке, в более широких рамках, на большую глубину» (*гэн гао цидянь, гэн гао фаньвэй, гэн шэнь цэнцы* 更高起点, 更大范围, 更深层次). Внешнему миру Россия и Китай должны подавать пример добрососедства и дружбы между крупными державами, придавать импульс восстановлению мировой экономики, создавать опору для глобальной стратегической стабильности [Ван И: Чжун Э чжаньлюэ...].

В начале января 2021 г. газета «Жэньминь жибао» отмечала, что в новом году дипломатическое руководство внешней политикой КНР будет по-прежнему осуществляться первым лицом. При перечислении важных внешнеполитических событий года 20-летие российско-китайского Договора было упомянуто на первом месте. После этого были названы 20-летие ШОС, 30-летие диалога Китай — АСЕАН, предстоящий очередной форум сотрудничества «Китай — Африка» [Ташан даго...].

Новый штрих в трактовке отношений с Россией прозвучал на пресс-конференции Ван И в дни работы сессии ВСНП в марте 2021 г. в формулировке «“объединение Китая и России” монолитно как гора» (“*Чжун э цзу хэ*” *туаньцзе жу шань* “中俄组合”团结如山). Использование понятия «комбинация» позволило заявить о выходе на более высокий уровень партнерства без создания альянса. Также было сказано, что две страны стали «надежной опорой» (*чжун лю Дичжу* 中流砥柱, букв. «утесом Дичжу посреди течения реки Хуанхэ») мира и стабильности во всем мире. Эти образы из выступления министра широко использовали в марте 2021 г. в предверии 20-летия Договора

китайские СМИ и комментаторы, желавшие подчеркнуть сближение двух стран и их способность противостоять внешнему давлению.

На пресс-конференции Ван И сообщил, что стороны договорились продлить Договор и «добавить в него новое содержание эпохи» (*синь дэ шидай нэйхань* 新的时代内涵). Он конспективно обрисовал будущее развитие двустороннего сотрудничества как создание «четырех образцов»:

- Россия и Китай должны являть **«образец стратегического взаимного доверия»** (*чжаньлюэ хусинь дэ дяньфань* 战略互信的典范) благодаря взаимоподдержке в защите важных коренных интересов, совместному противостоянию «цветным революциям» и противодействию ложной информации, защите суверенитета и политической безопасности.
- **«Образец взаимовыгодного сотрудничества»** (*хули хэцзо дэ дяньфань* 互利合作的典范) двусторонние связи обеспечат благодаря углублению стыковки «Пояса и пути» с ЕАЭС, повышению качества торгово-инвестиционного сотрудничества, взаимодействию в новых областях научно-технических инноваций и цифровой экономики.
- Развитие традиционной дружбы и продвижение гуманитарных обменов позволят России и Китаю создать **«образец соединения людских сердец»** (*миньсинь сянтун дэ дяньфань* 民心相通的典范).
- Совместная защита мультилатерализма, авторитета ООН, международного права и глобальной стратегической стабильности поможет двум странам показать внешнему миру **«образец справедливости»** (*гунпин чжэньи дэ дяньфань* 公平正义的典范) [Ван И цзай шисань цзе...].

Глава МИД КНР сообщил, что в 2020 г. перед лицом «эпидемии века» обе страны стояли вместе плечом к плечу, спиной к спине, тесно сотрудничали, рука об руку сдерживали новый коронавирус», совместно отражали «политический вирус». Тезис о совместной борьбе Китая и России против исходящего от США «политического вируса» (*чжэньчжи бинду* 政治病毒) лжи и клеветы не является новым, впервые он прозвучал в мае 2020 г. на пресс-конференции Ван И во время сессии ВСНП.

Формулировки из выступлений главы китайской дипломатии многократно повторялись в официальных характеристиках двусторонних отношений. В связи с предстоящим визитом С.В. Лаврова 22 марта 2021 г. спикер МИД КНР Хуа Чуньин заявила, что чем более спокоен мир, тем увереннее должно продвигаться сотрудничество

между Китаем и Россией. Она подчеркнула, что отношения двух стран успешно выдержали испытания: их ценность еще больше возросла (букв. «золотое содержание» *ханьцзинь лян* 含量), дружба стала еще крепче [Вайцзяобу: Шицзе юэ ши дундан бун нин...]. 26 мая 2021 г. пресс-секретарь МИД КНР Чжао Лицзянь заявил, что благодаря длительной закалке партнерство двух стран «превратилось в золото» и «стало прочным как скала» (*бай лянъ чэн цзинь, цзянь жу пань ши* 百炼成金, 坚如磐石) [Чжао Лицзянь шо...].

23 марта 2021 г. на встрече с российским министром иностранных дел С.В. Лавровым Ван И сказал журналистам, что в исторический период «перемен столетия» мир с особым вниманием наблюдает за действиями больших стран. Их способность поладить друг с другом, выбрать между диалогом или конфронтацией, сотрудничеством или расколом существенно повлияет на судьбу человечества.

Ван И использовал тезис из выступления Си Цзиньпина на дебатах на ГА ООН в сентябре 2020 г. Тогда китайский лидер отметил, что крупная страна должна иметь «видный облик» (*да дэ янцзы* 大的样子), ей следует предоставлять больше глобальных общественных благ, брать на себя и демонстрировать ответственность крупной державы. Ван И пояснил, что «облик крупной страны» не означает, что у крупного государства «руки сильнее» (*гэбо би бе жэнь цу* 胳膊比别人粗), более высокий статус или больше власти. Это значит, что большие страны должны проявлять больше заботы о других, брать на себя более трудные обязанности. В частности, они призваны вести за собой в осуществлении международного равноправия, соблюдении доверия, обретении общего выигрыша, соблюдении международного права. Эти устремления несовместимы с попытками ставить себя выше других, диктовать условия с позиции силы, с вмешательством во внутренние дела других стран, политикой односторонних санкций и созданием узких группировок.

Ван И подчеркнул, что отношения России и Китая выдержали испытание международными бурями и стали оплотом стабильности в современном мире потому, что обе стороны неизменно придерживаются политики отказа от создания союза, от конфронтации и от действий против третьих стран [Ван И: даго индан...]. Из этих слов следовало, что «три отсутствия» из январского интервью министра не отменяют прежнюю политику «трех нет».

На встрече с главой российского МИД Ван И отметил, что красота ставшего площадкой для общения Гуялиня «лучшие в мире» (*цзя Тянься* 甲天下). Высокий уровень всестороннего стратегического парт-

нерства и сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху также является «лучшим в мире». По его словам, как бы ни менялась международная ситуация, всестороннее стратегическое сотрудничество между обеими странами будет лишь крепнуть, а не слабеть, лишь расширяться, но не сокращаться. После испытания пандемией практическое сотрудничество России и Китая стало еще более стойким и прочным.

На первое место среди направлений совместных усилий Ван И поставил оказание друг другу «мощной тыловой поддержки» (*цзянь-цян хоудунь 坚强后盾*) по вопросам ключевых интересов: «Общность устремлений и путей» (*чжи тун дао хэ 志同道合*), взаимопомощь в дозоре и охране (*шоу ван сян чжу 守望相助*) — вот яркие особенности китайско-российских отношений» [Ван И тань чжун э сы дянь...].

Необычная для современного дипломатического языка фраза «помощь друг другу в дозоре и охране» (перевод П.С. Попова) пришла из древнего конфуцианского текста «Мэн-цзы» (III А, 3. 18). В изначальном контексте она является частью описания дружной жизни крестьян, которые помогают друг другу в дозоре и охране, поддерживают друг друга в случае болезни, живут как родственники и добрые соседи. Укорененные в традиционной культуре позитивные образы добрососедства были применены к описанию партнерских отношений между соседними странами.

«Взаимопомощь в дозоре и охране» появилась у китайской стороны для описания «новой эпохи» в отношениях России и Китая в 2019 г., с ней соседствовали еще три характеристики: «глубокая согласованность» (*шэньду жунтун 深度融通*), «открытие инноваций» (*кайто чуансинь 开拓创新*), «всеобщее благо и взаимный выигрыш» (*пухуэй гунбин 普惠共赢*). В итоге наиболее востребованной оказалась «взаимопомощь в дозоре и охране». В 2020 г. образ был использован для описания совместных усилий в борьбе с коронавирусом. Унаследованная из конфуцианской классики формулировка удачно вписалась в современный контекст как указание на соседскую поддержку в «дозоре и охране» в условиях внешней враждебности без создания формализованного военно-политического союза.

Глава МИД КНР подчеркнул, что две страны должны стать важными партнерами друг друга на пути развития и возрождения (*чжэнсин 振兴*). В международных делах они призваны стать прочной опорой («скалой Дичжу») в деле защиты справедливости в международных делах [Ван И тань чжун э сы дянь...].

В апреле 2021 г. состоялся очередной раунд диалога правящих партий — «Единой России» и КПК. В обращении к форуму Си Цзиньпин использовал нормативные китайские характеристики глобальных тенденций современной эпохи. Он отметил, что «эпидемия века» и «перемены столетия» переплетаются и накладываются друг на друга, мир вступил в период бурных изменений. Китайский лидер подчеркнул, что как «важные силы с глобальным влиянием» две страны должны проявить свою роль в обеспечении международной справедливости, поддержании мира и стабильности во всем мире, в содействии совместному развитию и процветанию [Си Цзиньпин тун Элосы цзунтун Пуцзин фэньбе сян...]. В совместный документ по итогам межпартийных консультаций вошло заявление о том, что две страны создали «образец отношений крупных государств в современном мире» [Чжун э чжичжэндан...].

В День Победы 9 мая 2021 г. агентство Синьхуа опубликовало материал о российско-китайских отношениях, объединивший тезисы о демонстрации миру «облика крупного государства» с рассказом о ведущей роли двух лидеров в продвижении двустороннего сотрудничества. Было отмечено, что Россия и Китай все более тесно сотрудничают на международной арене. Они несут «ответственность за стабильность» (*вэньдин дандан 穩定担当*) дабы ослабить глобальную турбулентность, «ответственность за энергию» (*нэнлянь дандан 能量担当*), способствующую мировому развитию, а также «ответственность за справедливость» (*чжэньйи дандан 正义担当*), позволяющую внешнему миру увидеть «облик крупного государства». Когда отдельные страны попирают многостороннюю международную систему и вмешиваются во внутренние дела других государств, Россия и Китай «имеют смелость обнажить мечи и храбро сражаться» (*гань юй лянцзянь, юн юй доучжэнь 中俄敢于亮剑, 勇于斗争*) [Жан шицзе каньдао...].

В мае 2021 г. в журнале «Цюши» вышла статья члена Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи, обобщившая столетний опыт внешней политики КПК. Публикация подтвердила руководящее положение дипломатических идей Си Цзиньпина и ведущую роль стратегии дипломатии первого лица. Неизменный китайский акцент на важности вклада лидеров двух стран в развитие отношений Москвы и Пекина является производной от внутренних политических приоритетов, провозглашающих единое централизованное руководство внешнеполитической работой со стороны ЦК КПК и указывающих на огромную значимость личного участия Си Цзиньпина в ключевых международных мероприятиях [Ян Цзечи, 2021].

25 мая 2021 г. в телефонной беседе с В.В. Путиным Ян Цзечи, находившийся тогда в Москве на консультациях по стратегической безопасности, отметил, что личное планирование (*цинъцзы бохуа* 亲自擘画) и стратегическое руководство со стороны двух глав государств позволяют российско-китайским отношениям сохранять высокую динамику развития. Ян Цзечи предложил «преобразовать политическое взаимное доверие на высоком уровне между Китаем и Россией в еще большие результаты стратегического сотрудничества» [Элосы цзунтун...].

Обращение Ван И к состоявшейся в начале июня 2021 г. российско-китайской конференции аналитических центров, организованной РСМД и КАОН, содержало тезис о «синхронном продвижении к великому возрождению (*вэйда фусин* 伟大复兴) двух стран». Эта формулировка отличалась от распространенного высказывания о взаимной поддержке «возрождения» (*чжэнсин*) другой стороны. Отсылка к нормативному лозунгу о «великом возрождении китайской нации» и указание на «синхронизацию» движения двух стран служат очередным примером проекции китайских внутренних позитивных целей на сферу отношений с Россией [Чжун э вайчжан...].

4 июня 2021 г. в телефонном разговоре Ван И с С.В. Лавровым с китайской стороны прозвучал призыв добиваться, чтобы в отношениях двух стран действительно не было «верхнего ограничителя» (*шан бу фэн дин* 上不封顶) и чтобы они опирались на народ (букв. «впитывали земную энергию-ци», *ся цзе ди ци* 下接地气), становились образцом отношений нового типа между крупными странами [Ван И тун Элосы...]. В этой формулировке можно увидеть как отсылку к теме «трех отсутствий», так и озабоченность давней проблемой недостаточной широты базовой базы двусторонних отношений.

На состоявшемся в видеформате российско-китайском саммите 28 июня 2021 г. Си Цзиньпин отметил, что ныне двусторонние отношения являются зрелыми, стабильными и прочными, они способны выдержать испытание любыми международными неурядицами. Китайский лидер призвал обобщить успешный опыт двусторонних отношений, которые никогда «не отклонялись от курса», а их «динамика не ослабевала». По его словам, через «планирование на высшем уровне» (*динцэн шэцзи* 顶层设计) следует установить новые цели и задачи для всех областей сотрудничества. Понятие «планирование на высшем уровне» является неотъемлемой характеристикой современных китайских реформ и указывает на необходимость систематической разработки стратегии преобразований, отличающейся от прежнего

эмпирического поиска методом проб и ошибок («переход через реку по нащупанным камням»). Подразумевается, что сходное системное планирование необходимо для дальнейшего продвижения российско-китайских отношений.

Си Цзиньпин повторил озвученный ранее главой МИД КНР тезис о необходимости привести в Договор «новое содержание эпохи». Он заявил, что, следуя духу Договора, на сколько бы склонов ни предстояло подняться (*на до шао по* 爬多少坡) и сколько бы ям ни пришлось преодолеть (*го до шао кань* 过多少坎), две страны продолжают объединять свои усилия и решительно двигаться вперед [Си Цзиньпин тун элосы цзунтун Пуцзин цзюйсин...].

Сконцентрированным отражением официального подхода стала статья Ван И, опубликованная в «Жэньминь жибао» 16 июля 2021 г. в день 20-летия подписания Договора. Глава МИД КНР образно охарактеризовал ключевые особенности «новой эпохи» в двусторонних отношениях:

- Оба главы государств «стоят у руля и ведут по курсу» (*чжандо линхан* 掌舵领航), они установили между собой теснейшие рабочие отношения и глубокую личную дружбу: «Родственники со временем становятся роднее, а друзья становятся ближе» (*Циньци юэ цзоу юэ цинь, пэнъю юэ цзоу юэ цзинь* 亲戚越走越亲, 朋友越走越近). Частое взаимодействие между главами России и Китая обеспечивает прочное стратегическое руководство в развитии двусторонних отношений.
- «Действовать в согласии едино, братское единство помыслов» (*хэчжун гунци сюнди тунсинь* 和衷共济兄弟同心). В обеих странах люди говорят, что «друг познается в беде», примерами поддержки в трудную минуту стали взаимное содействие в борьбе с коронавирусом и сдерживание «политического вируса».
- «Сотрудничество и общий выигрыш, стимулирующая движущая сила». Речь идет о росте двусторонней торговли, совершенствовании ее структуры.
- «Забота обо всем мире, демонстрация ответственности» (*синь хуай тянься чжансянь даньдан* 心怀天下彰显担当) определяют сотрудничество двух стран в решении глобальных проблем.

В публикации Ван И была воспроизведена с исправлениями схема «четырех образцов», представленная в марте на пресс-конференции в ходе сессии ВСНП.

Россия и Китай должны, прежде всего, создать «образец взаимопомощи в дозоре и охране» (*шоу ван сян чжу дэ дяньфань* 守望相助的典范).

Эта формулировка заменила прежнее требование «создать образец стратегического взаимного доверия». Необходимость прочного овладения направлением российско-китайских отношений требует твердо придерживаться отказа от создания союза, от конфронтации и от нацеленности против третьих стран и одновременно — развивать новаторский дух отсутствия преград и запретных зон.

Второй пункт был сформулирован как **«образец взаимной выгоды и общего выигрыша»** (*хули гунбин дэ дяньфань 互利共赢的典范*) вместо прежнего — «образец взаимовыгодного сотрудничества». Третий пункт — «образец соединения людских сердец» — остался неизменным, но в его трактовке появились новые требования: поощрять молодежь двух стран к взаимной учебе (*хусюэ хуцзянь 互学互鉴*), добиваться того, чтобы дружба двух стран еще прочнее опиралась на народы («впитывала земную энергию-ци»), становилась обычаем (*чэн вэй фэншан 成为风尚*). Изменение четвертой формулировки с прежнего «образец справедливости» на **«образец защиты справедливости»** (*хань-вэй чжэнъи дэ дяньфань 捍卫正义的典范*) привносит новый акцент в поведение России и Китая на международной арене, требуя от обеих стран не только показывать пример следования нормам справедливости, но и выступать против нарушений справедливости другими странами [Ван И, 2021].

Глубокое понимание китайских характеристик отношений с Россией требует учитывать внутренние китайские политические лозунги и формулировки. Основным течением ныне являются укрепление авторитета и власти КПК, реидеологизация общественной жизни и «рекитаизация» политического дискурса. Можно предположить, что акцент на ведущей роли первого лица во внешней политике КНР в целом и, в частности, во взаимодействии с Россией, останется неизменным. Мировая нестабильность будет способствовать углублению трактовки российско-китайского взаимодействия как глобального фактора, призванного оказывать позитивное влияние на международные процессы.

1.2. «Большой российско-китайский договор»: значение 20-летнего опыта и текущий этап российско-китайских отношений

Российско-китайские отношения за 30 лет становления в современном формате (РФ — КНР) характеризуются неуклонным поступательным развитием, нарастанием уровня и интенсивности контактов,

охватом самого широкого спектра областей, стабильностью, которая практически исключает риски заметных перепадов. Стороны постоянно и солидарно декларируют, что их двусторонние отношения находятся в числе главных внешнеполитических приоритетов обеих стран.

Знаковым признанным событием в этом процессе стало заключение 16 июня 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, который часто называют «Большим российско-китайским договором» [Договор о добрососедстве...]

Принятие этого важнейшего документа опиралось на ряд объективных предпосылок.

Во-первых, нашла финальное воплощение тенденция поэтапного улучшения и развития двусторонних связей, которая была задана еще советско-китайской нормализацией 1989 г.

Во-вторых, вызрели возможность и необходимость закрепить отношения, где одной из сторон являлось формально новое государство — Российская Федерация.

И наконец, в-третьих, нужно было оставить в прошлом этап, когда к началу XXI века между двумя странами в течение 20 лет — с момента прекращения действия советско-китайского Договора 1950 г. — вообще отсутствовал какой-либо действующий базовый двусторонний юридический документ.

Уместно отметить, что свой вклад в работу над Договором внесли представители академического сообщества, в том числе ученые Института Дальнего Востока РАН. Идея его заключения была сформулирована, в частности, в крупном монографическом исследовании, опубликованном в 1996 г. академиком В.С. Мясниковым, а также в докладе, который академик, будучи вице-председателем российской части двустороннего Комитета дружбы, мира и развития, сделал в октябре 2000 г. в Пекине [Мясников В.С. ..., С. 545, 570—573]. Фундаментальная заслуга академика Мясникова, отметившего недавно свое 90-летие, заключается в контексте Договора и в том, что в своих более ранних работах по многовековой истории отношений он сделал системный вывод, что национальные и государственные интересы России и Китая никогда не противоречили друг другу, два государства никогда не находились в состоянии войны [Интервью...].

Образно говоря, Договор-2001 был «обречен» стать знаковым событием для связей обеих стран и исторической вехой в отношениях

между ними. Его принятие ознаменовало новый, принципиально важный этап в развитии российско-китайских связей.

Прежде всего, появилась международно-правовая основа отношений. Но не только. Как говорят многие специалисты, была зафиксирована принципиально новая модель, новый тип двусторонних связей. Не требующие вступления в союз и не направленные против третьих стран, деидеологизированные и прагматичные, долговременные и равноправные, добрососедские и базирующиеся на общепризнанных принципах международного права — именно такие узловые характеристики чаще всего употребляются, когда речь идет о новой российско-китайской модели.

Делая небольшое отступление от хронологии событий, заметим, что эта новизна стала уже почти аксиомой, не требующей особой аргументации. Ни в коей мере не посягая на такое положение вещей, попытаемся последовательно ответить на два вопроса. В чем состоит новый тип отношений, который в Договоре был определен как «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие» (ст. 10), а затем был дополнен и термином «всеобъемлющее партнерство»? В чем их отличие от других договоренностей, в том числе союзнического характера?

Новый тип отношений видится в четырех особенностях.

Во-первых, это не союз. В этом смысле стороны не только не жертвуют частью суверенитета, но и не направляют отношения против третьих стран. Однако по интенсивности, масштабу охватываемых сфер эти отношения как минимум не уступают связям, которые универсально понимаются как союзнические. А, как объявлено в последних двусторонних заявлениях (об этом подробнее будет сказано ниже), — и превосходят их.

Во-вторых, это отношения, основанные на договорно закреплённых между сторонами универсальных нормах международного права — взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, равенстве, невмешательстве во внутренние дела, отказе от конфронтации и произвольного применения силы (ст. 2).

В-третьих, это отношения долговременного, закреплённого на длительную историческую перспективу (то есть стратегического) характера. Они имеют не секторальный, а комплексный, всеобъемлющий формат, включающий и оборонные компоненты.

В-четвертых, это системная нацеленность на позитивную повестку, на конструктивное и взаимовыгодное сотрудничество. Стороны называют такое сотрудничество прагматичным и деидеологизирован-

ным, имея в виду, что оно основано на объективных интересах и свободно от концептуальных догм. Не споря с этой очевидной констатацией, следует заметить, что сама по себе деидеологизированность вряд ли означает автоматические плюсы. И наоборот — прочное и неконкурентное идеологическое единство вполне может служить хорошим «ветром в паруса» сотрудничества. Но вряд ли будет большой натяжкой сказать, что своя идеология у российско-китайской модели все же просматривается и заключается, как уже было отмечено, в системной приверженности позитивной повестке. Более того, зафиксированное в Договоре взаимное намерение передавать такой подход «из поколения в поколение» имеет вполне осязаемое идейно-концептуальное наполнение.

Иными словами, суть заключенного в Договоре новаторства — это наличие в «несоюзной» по форме модели полноформатного содержания, имеющего комплексный характер и нацеленного на неуклонное взаимовыгодное сотрудничество в длительной исторической перспективе.

Подобная эта «инновационная» характеристика проявляется на фоне таких известных примеров, как японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности [Treaty of Mutual...], документы НАТО, англо-американское Соглашение о безопасности (1958). Для них, как и для многих других схожих договоров и моделей, характерны либо вполне понятная ограниченность суверенитета, либо явная внешняя направленность, либо секторальный характер, либо сочетание нескольких таких компонентов. Кроме того, есть основания говорить и о выходе российско-китайской модели за пределы двусторонних отношений. В этом смысле показательны Декларация ШОС-2001 и Хартия ШОС-2002, совместные заявления БРИКС и РИК с тезисами о «ненаправленности», «несоюзности» и «неконфронтации» [Декларация, принятая...]. На это же указывают, например, и некоторые китайско-индийские документы, где прослеживается нацеленность на комплексный и долговременный характер отношений с упором на позитивную повестку [Чжунго хэ...].

Возвращаясь к тексту Договора, нельзя вновь не отметить значение ряда других принципиальных характеристик и положений. В частности, один из наиболее важных универсальных принципов двусторонних отношений — взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности — был подкреплен в документе пунктом о том, что Россия и Китай поддерживают друг друга в деле защиты государственного единства и других подобных вопросах (ст. 4).

Столь же значимым тезисом Договора стал пункт об уважении выбора каждой из сторон пути политического, экономического, социального и культурного развития, сделанного в соответствии с ее внутренними условиями (ст. 3). Трудно переоценить появление в Договоре принципиально важной формулировки по пограничному вопросу, в соответствии с которой стороны, «с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий», заявили о «решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия» (ст. 6).

В ст. 9 Договора сформулировано положение, свидетельствующее о высокой степени взаимного доверия. В ней говорится: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из договаривающихся сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из договаривающихся сторон договаривающиеся стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы».

В Договоре также сформулированы принципы, формы и направления внешнеполитического взаимодействия двух стран. Отправное значение при этом имеет пункт о том, что стороны прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности (ст. 12).

Особо подчеркнута ненаправленность договорных отношений РФ и КНР против третьих стран (ст. 7).

Важным стал пункт относительно совершенствования механизмов согласования позиций как «по вопросам двусторонних отношений», так и «важным и актуальным международным проблемам» (ст. 10). На фоне финансово-экономического кризиса, охватившего мир в конце 2000-х гг., других глобальных экономических проблем, включая хозяйственный и финансовый спад периода пандемии коронавируса, прозорливым взглядом в будущее представляется сегодня пункт о важности сотрудничества в международных финансовых и экономических структурах (ст. 17).

В ходе последнего по времени государственного визита председателя КНР в Россию в 2019 г. было отмечено, что российско-китайские отношения, вписанные в широкий исторический контекст, обретают все большую значимость для мира и вступают в новый период

своего развития. Стороны заявили о развитии российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, «вступающих в новую эпоху», содержание которых будет формироваться в русле стратегической поддержки и взаимопомощи, глубокой интеграции и сближения, опоры на инновационный подход, всеобщей пользы и взаимной выгоды. [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии...]

Это касается и вопросов формирования нового международного порядка, укрепления международной безопасности. Стороны подписали Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху, которое отражает общее видение Россией и Китаем проблем и перспектив международных режимов контроля над вооружениями и разоружения.

В главном совместном документе, подписанном по итогам визита, есть важный пункт о том, что российская сторона поддерживает инициативу «Один пояс — один путь», а китайская сторона поддерживает продвижение интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Россия и Китай активизируют согласованные усилия по сопряжению формирования ЕАЭС и «Одного пояса — одного пути».

Китайская сторона заявила о том, что поддерживает инициативу формирования Большого Евразийского партнерства. Стороны решили, что инициатива «Один пояс — один путь» и идея Большого Евразийского партнерства могут развиваться параллельно и скоординировано, будут способствовать развитию региональных объединений, двусторонним и многосторонним интеграционным процессам на благо народов Евразийского континента.

Оценивая значение Договора в 2021 г., министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что Договор закрепил новый формат двустороннего взаимодействия и сформулировал концептуальные основы его расширения на долгосрочную перспективу. На базе Договора сформирована и продолжает развиваться оптимальная модель межгосударственных отношений, отвечающая коренным национальным интересам России и Китая. [Лавров С.В. Вступительное слово...]

Договор, по мнению президента Российского совета по международным делам (РСМД) И.С. Иванова, требует постоянного изучения, творческого развития его положений, открывающих широкие возможности для построения между нашими странами отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратеги-

ческого взаимодействия. [Игорь Иванов. Выступление на конференции...]

Предполагает ли это целесообразность и возможность изменения текста Договора по мере изменения реальности, которую он фиксирует?

Этот вопрос был одним из главных для обсуждения в среде российского и китайского экспертного сообщества по мере приближения его 20-летия — формальной даты завершения действия Договора. Одной из активных площадок дискуссий при этом являлся РСМД.

Высказывались разные предложения. Практически все участники дискуссий считали необходимым продлить Договор на очередной 5-летний срок (в соответствии со ст. 25) при необходимости его некоторой редакционной правки. В частности, было предложено внести в ст. 1 Договора формулировку о «российско-китайских отношениях всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» как «вступающих в новую эпоху», что было зафиксировано в Совместном российско-китайском заявлении от 5 июня 2019 г. [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии...]

Также было предложено отредактировать текст Договора с учетом произошедших событий в российско-китайских отношениях. В октябре 2004 г. было подписано Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части, что ознаменовало окончательное решение пограничного вопроса между КНР и РФ.

В связи с этим отмечалось, что целесообразно изъять из приведенной выше ст. 6 Договора как устаревшее следующее положение: «Договаривающиеся Стороны в соответствии с Соглашением между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 г. продолжают переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках. До разрешения этих вопросов они соблюдают статус-кво на еще не согласованных участках границы между ними». Вместо этого предлагалось добавить упоминание об исторической роли Договора в процессе окончательного разрешения пограничного вопроса.

Участники дискуссии рекомендовали обновить положения тех статей Договора, которые касаются оценки современной международной ситуации, добавив в его текст упоминание о Концепции еди-

ной судьбы человечества. Также, по их мнению, нуждаются в обновлении оценки роли России и Китая в современном мире.

Ст. 8 Договора предлагалось дополнить положением о том, что российско-китайские отношения конструктивного партнерства и всеобъемлющего взаимодействия не являются союзническими, хотя и превосходят их по объему, структуре и интенсивности в некоторых ключевых областях.

Предлагалось также «усилить» формулировки ст. 9 Договора и изложить ее второй абзац в следующей редакции:

«В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы, а также выработки совместного ответа на общие вызовы и угрозы».

Тем не менее, летом 2021 г. было принято решение об автоматическом продлении Договора (в прежней редакции) на очередной пятилетний срок.

В целом это решение вполне обосновано и логично. Во-первых, Договор фиксирует новую модель развития российско-китайских отношений, которая показала свою устойчивость и, по оценке сторон, будет востребована и в дальнейшем. Во-вторых, стороны согласны в том, что и мир, и двусторонние отношения вступают в новую эпоху, истинное значение которой еще предстоит оценить.

И, пока этого не произошло, нет смысла редактировать текст Договора, тем более что всегда будет существовать соблазн добавлять все новые и новые поправки в соответствии с меняющейся конъюнктурой, «перегружая» текст Договора излишними подробностями.

Тем более, что сохраняется значение основной сути Договора, которая состоит именно в том, что зафиксирована действующая модель двусторонних стратегических отношений. Главная особенность российско-китайской модели сформулирована в Совместном заявлении РФ и КНР к 20-летию подписания Договора следующим образом:

«Не являясь военно-политическим союзом, подобным союзам, сложившимся в период холодной войны, российско-китайские отношения превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия. Они не носят конъюнктурного характера, свободны от идеологизации, предполагают всеобъемлющий учет интересов партнера и не-

вмешательство во внутренние дела друг друга, самодостаточны и не направлены против третьих стран, являются международными отношениями нового типа». [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к 20-летию...]

1.3. РФ—КНР:

достижения и вызовы «пост-договорного» 20-летия

Комплиментарность подходов России и Китая к двусторонним отношениям, отраженная в большом российско-китайском Договоре, далеко не случайна, поскольку у них имеются объективные встречные, практически зеркальные заинтересованности в сотрудничестве, из которых, на наш взгляд, стоит выделить три:

- заинтересованность в сохранении мира в районе совместной границы, история которой знала и не самые спокойные периоды;
- реально существующая, пусть и не самая оптимальная ныне для РФ, взаимодополняемость экономик (российские ресурсы — потребность в них в КНР);
- схожие или параллельные подходы к вопросам международной жизни, что позволяет координировать усилия и добиваться большего итогового результата.

Следуя изложенным в договоре подходам, Россия и КНР за два десятилетия существенно продвинули отношения по всем азимутам. Причем прослеживается прямая связь с положениями Договора. Развивая и продолжая анализ такой связи, обратимся к нескольким фактам и положениям.

Одним из несомненных достижений прошедших лет является создание многоярусного и многопрофильного механизма отношений, который венчают регулярные встречи высших руководителей. С 2013 г. президент РФ Путин и председатель КНР Си Цзиньпин провели не менее 30 личных встреч. Именно о задаче развития таких механизмов, обеспечивающих укрепление стратегического взаимодоверия, говорится в ст. 10 Договора [Договор о добрососедстве...]. И именно на эту уникальную особенность новой модели двусторонних отношений через 20 лет обратил внимание В.В. Путин, который отметил, что стороны создали «не имеющий аналогов в мировой практике многоуровневый механизм двусторонней координации». Эта координация включает «регулярные контакты лидеров и встречи

глав правительств, пять межправительственных комиссий на уровне вице-премьеров, форматы диалога между парламентами и объединениями регионов, что позволяет эффективно решать возникающие в ходе взаимодействия сторон вопросы и планировать их совместную работу на перспективу. [Беседа с председателем..]

Другим оправдавшим себя направлением сотрудничества признается оказание друг другу взаимной поддержки по вопросам защиты национального суверенитета. Тайвань, Синьцзян, Северный Кавказ, совместные выступления против санкционной политики — эти примеры хорошо известны. Именно о такого рода поддержке стороны договорились 20 лет назад в ст. 3—5 Договора, предусматривающих в том числе и взаимное уважение выбора модели развития.

И ныне и впредь будет трудно, повторим, переоценить значение ст. 6, где стороны зафиксировали отсутствие взаимных территориальных претензий и обоюдное стремление превратить границу между двумя государствами в линию «вечной дружбы, передаваемой из поколения в поколение».

В добавление упомянутому выше (октябрь 2004 г.) Дополнительному соглашению между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части напомним, что к 2008 г. состоялось протокольное завершение оформления последних ранее не демаркированных участков, что формально поставило юридическую точку в вопросе, являющемся наиболее важным в отношениях государств-соседей. При всей неизбежности компромиссного характера тех или иных точечных решений итоговый результат в виде договорного «снятия» наиболее болезненной и долговременной проблемы вряд ли стоит воспринимать иначе, чем крупное достижение.

Со ст. 16 Договора, предусматривающей развитие сотрудничества в широком спектре практических областей, прямо перекликаются реальные результаты истекших лет.

С 2001 г. объем торговли товарами между РФ и КНР вырос в 13 раз — с 8 до 107 млрд долл. За первые 4 месяца 2021 г. товарооборот вырос почти на 20 % в сравнении с таким же периодом затронутого пандемией 2020 г. Китай остается крупнейшим торговым партнером России даже в условиях пандемии коронавируса и связанных с ней ограничений. За 20 лет на порядок возрос объем накопленных и реализованных взаимных прямых инвестиций, превысивший 12 млрд долл. В двустороннем инвестиционном портфеле ждут осуществления несколько десятков проектов на сумму свыше 100 млрд долл. Сотрудничество охватывает энергетическую, научно-техническую, авиа-

ционно-космическую, культурно-гуманитарную и многие другие сферы.

Как подчеркивают официальные российские эксперты, у России в диалоге с КНР фактически нет запретных тем. В связи с пандемией к лету 2021 г. Китай ввел ряд ограничений в сфере торгово-экономического сотрудничества. Это ограничения на работу пограничных пунктов пропуска, на пропуск грузового автотранспорта и ограничение приема рыбной продукции и морепродуктов из России в китайских портах, из-за чего эта статья экспорта заметно упала.

Тем не менее, Москва и Пекин считают, что эти вынужденные ограничения и тот ущерб, который ими наносится двустороннему сотрудничеству, не могут снизить уровень взаимодействия (в 2020 г. на пике пандемии торговый оборот сократился лишь на 3 %). Как говорят в МИД РФ, «можно с уверенностью говорить, что доля Китая во внешней торговле России будет и дальше расти, в том числе в сравнении с европейскими странами, на которые традиционно приходится основная часть российского внешнеторгового оборота» [Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч., Уянаев С.В. ...].

Отдельно стоит упомянуть такое важное направление взаимодействия как формирование энергетического сотрудничества. Свежим примером стала состоявшаяся в мае 2021 г. закладка нескольких новых атомных энергоблоков, сооружаемых в КНР с помощью России. Запуск работы в режиме видеосвязи провели главы двух государств.

Выше уже говорилось об особом внимании экспертов с момента подписания Договора к его ст. 9, предусматривающей вступление в незамедлительные консультации в случае возникновения угрозы территориальной целостности одной из сторон. Отражая изначально новую, глубокую модель тесных партнерских отношений, эта статья актуализируется в нынешних условиях, когда часто говорят о гипотетическом создании российско-китайского формального союза. Характер этой статьи, с одной стороны, уже делает отношения де-факто союзническими, снимая, таким образом, потребность в формальном альянсе; с другой (в случае непредсказуемого обострения внешней обстановки) — может служить основой повышения отношений до союзнического уровня. Не случайно среди экспертов звучат предложения дополнить со временем статью уточнением, что в определенных условиях стороны будут не только вступать в консультации, но и «вырабатывать совместный ответ на общие вызовы и угрозы».

Связь Договора с текущей позитивной практикой двустороннего стратегического взаимодействия можно проследить практически по

всем статьям. Ограничимся упоминанием ст. 11—14, а также ст. 20, регулирующих взаимодействие двух стран по широкой глобальной и региональной повестке. Сотрудничество и кооперация РФ и КНР по вопросам международной стратегической стабильности, урегулирования в горячих точках, региональной безопасности и борьбы с терроризмом; итоговые усилия, в том числе на площадках международных форумов, по отстаиванию «ООНо-центричной» модели нового справедливого миропорядка — все это прочно вошло в текущую повестку российско-китайского партнерства в качестве ее важного и неотъемлемого элемента.

Все указанное выше свидетельствует о том, что Договор уже сыграл и продолжает играть важную роль в развитии российско-китайского партнерского диалога. Важно, что такая оценка имеет не только эмоциональный характер, но закреплена в официальных документах, прежде всего в совместном российско-китайском заявлении от 28 июня 2021 г., где стороны, в том числе официально, заявили об автоматическом продлении Договора (в соответствии с отсчетом от даты ратификации оно произойдет в начале 2022 г.) [Полный текст...]. Сам факт такого продления — лишнее доказательство жизнеспособности и большого «морального запаса», заложенного в Договоре, что не делает актуальным его обновление или корректировку.

Тем не менее, в Совместном заявлении зафиксирован ряд положений, которые можно расценивать как фиксацию некоторых новых акцентов, сопровождающих двусторонние отношения через два десятилетия после подписания Договора.

Новые (в сравнении не только с Договором, но и с недавними документами) тезисы и акценты видятся в следующем.

В части непосредственно двусторонней повестки:

- констатировано, что нынешние отношения, не являясь союзом, превосходят союзническую форму межгосударственного взаимодействия, а пограничная линия «вечной дружбы» отныне рассматривается как «краеугольный камень» двусторонних отношений;
- четко воспроизведен и суммирован ранее высказывавшийся сторонами отдельно и на различных уровнях тезис о том, что «Россия заинтересована в стабильном и процветающем Китае, а Китай заинтересован в сильной и успешной России», при этом их отношения «не носят конъюнктурного характера, они самодостаточны»;

- официально подчеркнуто определяющее значение устоявшегося механизма регулярных встреч в верхах — «дипломатии лидеров», в том числе с использованием предварительных контактов («прямой диалог») между Администрацией Президента РФ и Канцелярией ЦК КПК;
- заявлено о намерении обеспечивать «подлинно стратегический характер» торгово-экономического сотрудничества, в том числе расширять «доверительное взаимодействие в финансовой сфере, поддерживать расширение взаиморасчетов в национальных валютах»;
- отмечено, что стороны будут укреплять «взаимодействие по использованию Северного морского пути на основе взаимной выгоды и уважения интересов прибрежного государства»;
- подтвержден совместный тезис последних лет (и это важно в контексте Договора) о «скоординированном формировании Большого евразийского партнерства и развитии инициативы «Один пояс — один путь», о сопряжении строительства ЕАЭС и ЭПШП.

В части взаимодействия по международным вопросам:

- на высшем уровне констатирован факт, что «с усилением глобальной турбулентности возрастает актуальность российско-китайского стратегического взаимодействия»;
- впервые в публичном правительственном документе уточнены особенности позиций по базовым концепциям миропорядка: Россия отмечает позитивное значение китайской «концепции о построении сообщества единой судьбы человечества»; Китай аналогично оценивает «усилия РФ по формированию справедливой многополярной системы международных отношений». При этом стороны показательно проявили «единое понимание необходимости формирования более справедливого демократического миропорядка»;
- вновь (впервые — в 2019 г.) стороны прямо упомянули США в качестве виновника рисков для стратегической стабильности.

Перечисленные новые констатации, на ряд из которых обратили внимание и китайские эксперты [Ли Цзябао...], носят естественный характер. Несмотря на то, что Договор остается достаточной для отношений юридической базой, практика отношений в ряде случаев не могла не выйти за его рамки. Кроме сказанного выше, уместно также обратить внимание на то, что гораздо насыщенней, чем 20 лет назад, стало военное и военно-политическое сотрудничество. В этой части

Договора говорилось, по сути, лишь о мерах доверия (взаимное не нацеливание ракет и отказ от использования своей территории во враждебных целях и т. п.). Ныне сотрудничество РФ и КНР в военной области измеряется не только регулярными совместными маневрами и обменами, но редкой степенью общего взаимодоверия, проявившегося, в частности, в предоставлении Россией помощи Китаю в создании системы раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

Но, характеризуя сам Договор и связанный с ним текущий этап отношений, было бы неверно говорить лишь о достижениях. Есть и менее позитивные примеры, которые отражают реально существующую проблемную часть двусторонней повестки.

Так, сторонам не всегда и не полностью удавалось и удается реализовать положения Договора относительно взаимной поддержки «по вопросам суверенитета и территориальной целостности». Китай занял достаточно сдержанную позицию в момент событий на Южном Кавказе в августе 2008 г. и во время «крымской весны» 2014 г. В лучшем случае речь идет о позитивном нейтралитете — при признании территориальной целостности Грузии и Украины в границах на начало упомянутых событий КНР не только уклонилась от участия в антироссийских санкциях Запада, но и официально выступила с их осуждением. В свою очередь, Россия оказалась в затруднительном положении в китайско-вьетнамском (и отчасти китайско-индийском) территориальном споре.

Имеются и иные сферы расхождения интересов по ряду региональных вопросов. Они связаны, прежде всего, с объективной конкуренцией в ЦАР, что сказывается и на работе далеко не полностью реализующей свой потенциал ШОС. Отнюдь не консенсусный характер носит вопрос о взаимодействии базовых евразийских проектов обеих стран (российский проект ЕАЭС и китайская инициатива «Пояса и пути»). Справедливости ради стоит заметить, что по всем упомянутым вопросам стороны уходят даже от минимального риска и находят известные и работающие компромиссы.

Кроме того, раздражителем для РФ является продолжение подспудного муссирования в КНР (в музейных экспозициях, школьных учебниках, в достаточно широкой блогосфере) таких «прошлых» вопросов, как «неравноправные договоры» и некая «историческая вина России» за когда-то утраченные Китаем территории. Текущее взаимодействие по американской повестке в известной степени осложняется тем, что в КНР не отходят от тезиса об оправданности китайско-американского альянса против СССР в 1970—1980 гг. По-преж-

нему в КНР говорят и об особой ответственности СССР за разрыв с КНР в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Особняком стоит коренящаяся в «китайских трех условиях» и назидательном (с китайской стороны) тоне двусторонней нормализации 1980-х весьма болезненная, но объективно ощутимая тема «реактивности» текущей китайской политики РФ, ее частой роли «ведомого». Результатом чего могут служить «пришедшие от соседей» тезисы о «лучшем периоде в истории», о малопонятной пока «новой эпохе», универсальной благодати инициатив типа «Пояс и путь» и т. п.

Есть и застарелые узкие места в экономическом сотрудничестве — весьма скромные объемы инвестиционного сотрудничества, более весомые по объему, но далеко не совершенные для РФ по структуре отношения в сфере торговли товарами.

Нерешенные вопросы текущих российско-китайских отношений безусловно должны присутствовать в фокусе постоянного мониторинга, учитываться при выстраивании китайской политики России. Но неперенное отсутствие у сегодняшней России «розовых очков» не должно умалять для нее значение поддержания прочных дружеских, партнерских отношений с крупнейшим и продолжающим свое восхождение дальневосточным соседом. Ключ к наполнению всеобъемлющего диалога с Китаем содержанием, которое наиболее оптимально отвечало бы национальным интересам РФ и строилось бы на гарантированном равноправии и взаимной выгоде, видится в прорывах во внутреннем развитии самой России, в сохранении и развитии ее традиционных естественных преимуществ.

1.4. Между альянсом и соперничеством: геополитика во взаимоотношениях РФ и КНР

Высказывание президента РФ В.В. Путина 22 октября 2020 г. на заседании клуба «Валдай» о сотрудничестве России с Китаем трактовалось многочисленными СМИ как гипотетическая возможность создания военного союза двух государств, хотя президент России прямо заявил, что такой задачи стороны пока не ставят, но «в принципе исключать не собираются».

Главный вопрос, на наш взгляд, в том — рационально ли это? Станет ли в результате создания такого альянса безопаснее, спокойнее, лучше и надежнее в мире? Или и без того напряженная ситуация еще более усугубится, и скатывание в пропасть новой «холод-

ной» (а за ней, возможно, и «горячей») войны примет необратимый характер?

То, что современный миропорядок еще не сформирован окончательно, порождает нестабильность и турбулентность нынешнего мироустройства, что, в свою очередь, вызывает неудовлетворенность у трех ведущих мировых держав — США, КНР и России. У каждой из них свои цели, коренным образом различающиеся между собой.

США стремятся монополизировать однополярность под своим лидерством на перманентной основе. Китай, исходя из постулата «китаецентризма», но внешне опираясь на собственную концепцию «единой судьбы человечества», по существу, хочет создать под своим патронажем отдельный полюс из лояльных развивающихся стран. Россия, полагаясь на солидарность с КНР в отношении многополярности как якобы единственной приемлемой системы будущего мироустройства, но будучи правопреемницей СССР, фактически мечтает о воссоздании утраченного в результате распада биполярности сверхдержавного статуса.

Учитывая положение России в мировой экономике с ее 2 % глобального ВВП в сравнении с 18—19 % китайскими и 24 % американскими, претендовать на роль одного из мировых полюсов она сегодня не в состоянии — даже на пространстве бывшего СССР, где у нее, по существу, враждебные отношения едва ли не с половиной прежних союзных республик.

Поэтому в конфигурации нового миропорядка, если таковой сформируется на стабильной основе, ей предстоит занять место «под чьим-либо флагом» — западным или восточным, поскольку первоначально речь может идти, скорее всего, о воссоздании некой «новой биполярности». Казалось бы, вполне естественно, что в этих условиях определяющую роль должно сыграть тяготение России к Китаю. Тем более что между РФ и КНР на протяжении 20 лет действует договор, регламентирующий дружественный характер их взаимоотношений.

И хотя, по утверждениям правительств КНР и России, они продолжают придерживаться политики стратегического партнерства, а вопрос о создании союза не стоит в приоритете, министр иностранных дел КНР Ван И, реагируя на дискуссии валдайского клуба, вместо привычного заявления о нежелании Китая вступать в союзы, отметил, что «для развития стратегического партнерства между двумя государствами нет областей, по которым они не могут сотрудничать» [Чжао Хуашэн].

Филигранная нюансировка в риторике придает вопросу создания союза актуальность [Чжао Хуашэн]. Ведь если о такой гипотетической возможности фактически объявлено, не означает ли это, что Китай, по существу, готов отойти от категоричной позиции невступления с кем бы то ни было ни в какие объединения, тем более военные? Как свидетельствует история, именно с Россией он заключил за все время наибольшее количество альянсов.

Многие эксперты полагают, что союз между Россией и Китаем, даже при всей маловероятности такого развития событий, окончательно исключать не следует, но на его создание необходимо идти только в крайнем случае, ибо это означает, что США становятся открытым врагом для обеих наших стран. В то же время опыт прежних союзнических связей СССР с КНР показывает, что события могут повернуться в непредсказуемом направлении.

Из мифов, окутывающих ныне российско-китайские отношения, самым распространенным является тот, который гласит, что они сейчас «самые лучшие за всю их историю». Если считать «всей историей» период с распада СССР до нынешних времен, то на «исторический» он никак не тянет. Если же говорить об отношениях двух стран во всей их временной протяженности, то, безусловно, лучшим для них был период 1950-х гг., когда русский с китайцем были объявлены «братьями навек».

При этом не следует забывать, что по Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. Китай приобретал существенно больше, чем СССР, с помощью которого в КНР была создана мощная и передовая по тем временам индустриальная база, а многие тысячи высококлассных в будущем китайских специалистов бесплатно получили в советских вузах высшее и специальное образование.

По словам бывшего председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, в КНР поставлялось тогда такое передовое оборудование, которого в Советском Союзе еще не имелось. Китай же зачастую уклонялся от выполнения некоторых союзнических обязательств, особенно от реализации совместных проектов в оборонной области, считая их посягательством на свой суверенитет и идет, в частности, о предложении СССР по созданию с Китаем так называемого совместного флота и строительству на территории КНР военной РЛС для управления советскими подводными лодками, действовавшими в акватории Тихого океана. [Кудашев Р.Ш. С. 74—75].

Все помнят, что советско-китайское «братство» завершилось в 1969 г. выстрелами на Даманском и очередным «братанием» КНР, но

уже с США. К концу 1960-х гг. Китай и СССР фактически стали врагами друг для друга, причем гораздо более опасными, чем те, для защиты от которых этот союз создавался изначально.

Примечательно, что сегодня, несмотря на временные трудности в американско-китайских связях, заинтересованность Китая в торгово-экономическом и научно-техническом партнерстве с Америкой несопоставимо выше, чем аналогичный интерес к России. А мы, восхваляя и превознося гипотетические выгоды от «взаимодействия с великим восточным соседом», еще совсем недавно ломали голову над сопряжением на практике его концепции «нового Шелкового пути» с нашим проектом евразийского экономического сообщества. В результате возник очередной миф о кажущейся «легкости» решения этой проблемы.

С ним непосредственно состыкованы мифы об «очевидной взаимодополняемости и совместимости экономик и идентичности политических курсов» двух стран, которые опровергаются как показателями торгово-экономических связей КНР и РФ в сравнении с китайско-американскими, так и расхождениями в политике Китая и России по ряду ключевых проблем.

Упомянем лишь о некоторых различиях во взглядах России и Китая: на экономическое развитие Центральной Азии, на деятельность ШОС и других региональных структур, об особой позиции КНР по Крыму и в отношении наших территориальных споров с Японией, о солидарности с США по арктической тематике, нежелании участвовать в многосторонних переговорах по разоружению. Китай не поддержал Россию в блокировании резолюции Совета Безопасности ООН по химическому оружию в Сирии, а МИД КНР солидаризировался при Трампе с американскими акциями в адрес Пхеньяна, одобрил проект заявления США с осуждением северокорейских ядерных испытаний. Так что китайско-российские отношения не столь прочны и безоблачны, как кажется. А объединение двух стран в альянс не поможет существенно изменить позиции каждой из них в ситуациях такого рода.

Встреча президентов РФ и США в Женеве 16 июня 2021 г., естественно, не прошла незамеченной в Пекине. Перед саммитом Китай заявил, что «его единство с Россией непоколебимо» [Shukan Gendai (Япония)]. Однако, хотя экономические отношения между двумя странами расширяются, переговоры по нефти и газу проходят трудно, и у российской стороны существуют опасения относительно чрезмерного продвижения китайцев на Дальнем Востоке, где ощущение «ки-

тайской угрозы» носит постоянный характер. Для России нежелательно также размещение Китаем своего ядерного оружия в его пустынных северных районах, где даже ракеты средней дальности представляют собой достаточную угрозу. [Там же]

О трансформации партнерских связей в союзнические говорится в обеих странах на протяжении нескольких лет. Примечательно, что сторонники союза и в России, и в Китае не сомневаются, что это не приведет к существенному изменению характера отношений «в треугольнике» и не станет причиной конфронтации КНР и РФ с США. Утверждается, что «альянс — это не новая холодная война, а модель поведения, отвечающая современным реалиям», «объединение союзников, а не друзей» [Чжао Хуашэн].

Однако российские сторонники союза, мотивируя свою позицию усилением защиты наших интересов, не понимают или игнорируют факт, что такой союз сегодня следует не пропагандировать, а наоборот — побаиваться его создания. И прежде всего самой России. Ибо в случае его гипотетического заключения часть российского суверенитета окажется в руках КНР, и нам придется задуматься, как выстраивать уже новые отношения на более высоком уровне со страной, население и ВВП которой десятикратно превосходят наши.

При этом российская граница с КНР имеет протяженность свыше 4000 км, и по своей территории Россия с ее редко заселенным и мало освоенным Дальним Востоком превосходит Китай почти втрое. Кроме того, нелишне иметь в виду, что инвестиции Китая в экономику России поступают почти исключительно по государственным, а не по частным каналам.

В соображениях китайских сторонников идеи китайско-российского союза превалируют конъюнктурные цели вывода с его помощью КНР в мировые лидеры. В их аргументах о полезности его для России наличествует подтекст некой ее вторичности, вспомогательной роли, мысль о выгодности такого альянса в первую очередь для самого Китая отодвинута на второй план. России отведена миссия не столько равноправного экономического и политического партнера, сколько некой «подпорки» или контрсилы, способной помогать КНР противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами, и готовой содействовать усилиям Китая по обеспечению ведущего положения в мире. Очевидно, что на такой «основе» союзу Китая и России вряд ли уготовано продолжительное существование.

Как образно объяснял в свое время покойный ныне академик РАН М.Л. Титаренко, «отношения Китая с другими партнерами можно уподобить двум гвоздям для приходных (добрые дела) и расходных (недружественные действия) чеков. Сделал ошибку или обидел китайца — чек накалывается на один гвоздь без всякой видимой реакции. Чеки о хороших делах фиксируются на другом гвозде. У китайцев долгая историческая память, они помнят добро и зло» [Моя вторая родина Китай. С. 462].

Что касалось конкретных отношений между КНР и Россией, то он добавлял следующее: «Их (китайцев) огромные инвестиции...завязаны на западные рынки и банки. В Китае надеются, что Россия поможет им устоять перед угрозами США. Но экономически, по мнению крупных фирм, Россия маргинальная страна... тут у наших друзей проявляется двойной стандарт. Вот здесь в полной мере проявляется черта, которая присуща китайцам, которая гарантирует им успех в делах, но не любовь и доверие партнеров» [Там же. С. 440].

Очень схожую точку зрения на поведение КНР в ее отношениях с различными странами — партнерами и оппонентами — высказывал и другой мировой эксперт, придерживающийся в целом отличных от Титаренко взглядов — доктор Г. Киссинджер, который отмечал: «Китай никогда не снисходил до длительного общения с другой страной на принципах равенства, ведь ему никогда не встречались общества, сравнимые с ним по культуре и величю. Тот факт, что китайская империя возвышалась над всеми в своем географическом районе, принимался по сути как закон природы, своего рода мандат Неба» [Генри Киссинджер. С. 32].

По меткому наблюдению Киссинджера, другим странам Китай предлагал «расчетливый, несентиментальный вид дружбы. ... При таком подходе противоположной стороне льстят, позволяя ей вступить в китайский «клуб» в качестве «старого друга». В такой ситуации трудно говорить о разногласиях, а конфронтация воспринимается весьма болезненно. Китайские дипломаты, когда проводят дипломатию Срединного государства, действуют так, чтобы подтолкнуть своих партнеров на признание китайского превосходства, и тогда уступка может выглядеть как предоставление особых льгот собеседнику» [Генри Киссинджер. С. 270].

Подходы Китая к отношениям с его партнерами — как союзниками, так и соперниками — могут претерпеть определенные изменения после женевской встречи В. Путина и Дж. Байдена. Причем некоторые новые нюансы заметны уже сейчас.

Так, 6 июля 2021 г. генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин выступил на организованном Международным отделом ЦК КПК в «онлайн» режиме саммите политических партий мира, в котором наряду с ним приняли участие лидеры 21 политической партии, являющиеся в большинстве своем одновременно главами государств или правительств собственных стран. При этом наблюдать за саммитом имели возможность еще свыше 500 руководителей политических партий и организаций более чем из 160 стран, а также около 10 тыс. партийных активистов.

Смысл мероприятия состоял в том, что в связи с празднованием 100-летия КПК разбогатевший ныне Китай демонстрировал готовность оказания всесторонней бескорыстной помощи менее развитым, чем он, и более нуждающимся странам, особенно в Африке и Латинской Америке. При этом помощь ни в коей мере не оговаривалась идеологическими или иными условиями. Известно, однако, что помощь со стороны КНР часто обусловлена ожидаемыми впоследствии для нее материальными выгодами: долгосрочными прибыльными контрактами либо обязательствами о закупках получателем этой помощи исключительно китайских товаров и т. п.

Независимо от того, откорректирует или радикально сменит Китай парадигму своего внешнего поведения, особенно в отношении развивающихся стран, ясно, что он будет всеми силами стремиться к укреплению собственных позиций, расширению и углублению влияния в мире. А еще более прочные отношения с Россией могут существенно помочь ему в этом.

Тем более что, по заключению американских экспертов, между двумя странами уже установлены тесные военно-политические и экономические связи, которые в США до последнего времени недооценивались. Это явствует из доклада Центра новой американской безопасности (ЦНАБ), один из составителей которого Андреа Кендалл-Тейлор возглавил вновь созданное подразделение Совета национальной безопасности США (СНБ), отвечающее за Россию и Центральную Азию.

В докладе ЦНАБ отмечается, что российско-китайское партнерство носит стратегический характер, а среди факторов, сближающих Россию с Китаем, выделены следующие: 1) стремление противостоять глобальному влиянию США. Обе страны видят в США основную угрозу своей национальной безопасности и ставят целью бороться с американской гегемонией; 2) Россия и Китай намерены противостоять «экспорту демократии», который способствует продвижению аме-

риканских геополитических интересов; 3) фактор личных отношений лидеров РФ и КНР — В. Путина и Си Цзиньпина — в докладе указано, что оба лидера «меняют политические системы своих стран в направлении режимов личной власти», политическое устройство обеих стран приобретает схожие черты; 4) давление со стороны США подталкивает Россию и Китай углублять сотрудничество не только в военно-политической, но и в экономической и технологической сферах; 5) Россия и Китай накапливают совместный опыт сотрудничества, что способствует еще большему сближению двух стран [В санкциях США...].

Авторы доклада пришли к выводу, что укрепление тандема России и Китая угрожает в перспективе не только глобальному лидерству США, но и статусу доллара как мировой резервной валюты. Поэтому их рекомендации сводятся к расшатыванию российско-китайских отношений, углублению в них существующих трещин и целесообразности провоцирования ссоры между сегодняшними «старшим и младшим братьями» — КНР и Россией.

В отличие от Б. Обамы, предлагавшего «перезагрузку» американо-российских отношений, аналитики команды Дж. Байдена рекомендуют последнему принять на вооружение стратегию «сдерживания России», в результате осуществления которой цена противостояния с США стала бы для Москвы непомерной и вынудила бы ее развернуться от Пекина в сторону Вашингтона. В предполагаемой ими биполярной картине будущего мироустройства — противостоянии демократии авторитарным режимам всего мира — далеко не праздным для США является вопрос, в каком из двух лагерей окажется Россия. При этом они понимают, что от окончательного выбора Москвы будет зависеть не только судьба России, но характер грядущего мироустройства и будущее самой Америки.

Если США удастся реализовать в отношении России свой план «отрыва» ее от Китая, стратегия «сдерживания» сменится, скорее всего, на стратегию так называемого селективного партнерства, предполагающую сотрудничество в ограниченных сферах, в первую очередь, в сфере стратегической стабильности. Причем в этот диалог США обязательно потребуют включить и Китай, который всячески от него уклоняется.

От нас будут ожидать готовности к компромиссам по ряду причин, среди которых: 1) та, что самим фактом встречи Байдена с Путиным Вашингтон как бы «снял» свое прямо невысказанное, но подспудное требование смены режима в России; 2) мысль о том, что если в свое время мы согласились на компромиссы с Китаем при заключе-

нии Договора 2001 г. (о. Даманский, линия прохождения границы и т. п.), то от нас логично ожидать уступок как от страны, проигравшей «холодную войну».

К тому же, в силу огромной территориальной протяженности и недостаточной развитости коммуникационных сетей Россию считают на Западе плохо управляемой страной, зажатой при этом в тиски иллюзий.

Каким должен стать формирующийся новый миропорядок — однополярным, вновь биполярным или многополюсным — во многом зависит от того, каковы будут международное поведение и взаимоотношения стран внутри «большой тройки». Союз России с одной из сверхдержав против другой с неизбежными ответными шагами противной стороны еще сильнее разбалансирует мироустройство, сделает его более хрупким, затормозит процесс его окончательного оформления.

С другой стороны, большое влияние на становление нового порядка продолжат оказывать внешние процессы, столкновение между тенденциями экономической глобализации и необходимыми, как и прежде, традиционными политическими институтами национальных государств. Именно такое столкновение разрушило замыслы предыдущего американского президента — республиканца-консерватора Д. Трампа, пытавшегося вырвать США из сетей финансового глобализма и возродить в них под лозунгом превращения Америки «вновь в великую» господство не финансовых, а, как и прежде, мощнейших промышленных и военных кланов.

Либерал Байден вряд ли пойдет на это. Он уже заявил о стремлении к построению нового международного порядка, основанного на ценностях либеральной демократии, воссоединении демократических сил в мире, создании соответствующих объединений и союзов и будет всячески препятствовать российско-китайскому альянсу.

9 июня 2021 г. Пентагон объявил о политике укрепления сотрудничества с союзными и дружественными странами в Индо-Тихоокеанском регионе с целью пересмотра своей стратегии в отношении Китая. Министр обороны Остин заявил, что США «усиливают сдерживание Китая и развивают новые оперативные концепции противодействия Вашингтона Пекину». Соединенные Штаты пытаются усилить свою военную стратегию в отношении КНР, чтобы противостоять вызовам с ее стороны. «Мы сохраним статус-кво с Россией и будем противостоять китайским провокациям» [Shukan Gendai (Япония)].

Если враждебные отношения между США и КНР будут обостряться дальше, и Китай, сохраняющий в себе потенциальные риски для России, продолжит истощать свои силы в этой борьбе с Америкой, Москва может получить определенные выгоды и преимущества, и ее положение в международном сообществе сможет укрепиться. А это — еще один аргумент, что при сегодняшних, наихудших за последние десятилетия отношениях между Россией и США вряд ли целесообразно ухудшать их еще больше заключением военного союза РФ с КНР.

Президент РФ В.В. Путин совершенно справедливо подчеркнул, что Россия может «обойтись и без Америки», имея в виду состояние наших теперешних двусторонних связей. К сожалению, однако, каковы бы они ни были, обойти сам факт существования Америки в этом мире все же не удастся. И чтобы не усугублять противоречия с ней, разумнее и рациональнее не переводить партнерство с Китаем в формат союза, а занять оптимально выгодную для нас позицию «умной обезьяны, наблюдающей с вершины горы за схваткой двух тигров».

Но если союз будет все-таки создан и нацелен, в первую очередь, на противостояние с США, то при отсутствии реальных боевых действий российско-китайский договорный альянс, предусматривающий взаимодействие военного характера, создаст дополнительную напряженность в мире, и возникновение глобального противостояния между ним и НАТО с последующим «повторением пройденного» — формированием новой биполярности — исключить нельзя. Безусловно, в условиях конфронтации торгово-экономическое взаимодействие внутри «большой тройки» будет свернуто, и пострадают от этого не только эти страны, но мировая экономика в целом. Вряд ли это устроит Китай, у которого, как известно, все строится исключительно на внешнеторговом прагматизме.

Даже единый российско-китайский полюс в грядущей мировой архитектонике (не говоря уже о военном альянсе) представить достаточно сложно, ибо между двумя странами с их внешними амбициями неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», способная обострить их разногласия. Этому будут также способствовать, как уже продемонстрировала прошлая жизнь, существенные различия в национальных менталитетах и психотипах народов Китая и России.

По мере роста, с одной стороны, ожиданий и результатов от двустороннего сотрудничества, а с другой — постепенного накопления неудовлетворенности и разочарования от него, в конечном итоге, может произойти очередная деградация отношений между РФ и Китаем.

Россию это совершенно не устраивает, поскольку восстановление отношений с КНР после практически четверти века враждебности досталось ей слишком дорогой ценой.

По мнению Российского совета по международным делам, «у китайско-российских отношений очень сложное прошлое, а доверие — одновременно недостающий и ценный ресурс». Только обеспечив постоянное укрепление взаимного доверия и не допуская прерывания отношений, можно гарантировать долгосрочную стабильность китайско-российских связей. «Модель стратегического партнерства как нельзя лучше подходит для этой цели» [Чжао Хуашэн].

Таким образом, именно сохранение партнерских отношений между Россией и Китаем, а не создание союза между ними остается тем самым оптимальным выбором, который поддерживает большинство профессиональных экспертов в области международных отношений и внешней политики в обеих странах.

В условиях разбалансировки всей мировой системы — деградации сферы глобальной безопасности, разрушения механизмов контроля над стратегическими вооружениями, ставки на силовые методы решения региональных конфликтов, потуг террористов воспользоваться условиями пандемии для демонстрации возможности расширения своих средств и влияния путем привлечения биоарсеналов — становится особенно актуальным явить миру пример трезвомыслия, показать пути к нормализации международных отношений, их коллективной перестройке и управлению ими.

Именно в этом видится, в первую очередь, общая совместная роль России и Китая — двух крупнейших по территории и населению мировых держав, влиятельных членов Совета Безопасности ООН, у каждого из которых свои долговременные цели и замыслы, но одинаковое стремление — сделать мир более безопасным, а жизнь в нем предсказуемой и счастливой. И залогом этого являются прочные партнерские связи между двумя нашими странами.

1.5. Основные проблемы китайско-европейских отношений на современном этапе и выводы для России

В 2020—2021 гг. европейские страны, как входящие в состав ЕС, так и остающиеся вне этого объединения (или вышедшие из него, как Великобритания), переживали крайне сложные времена.

С одной стороны, резко ухудшились отношения с основным заокеанским партнером — США, которые за время президентства Дональда Трампа из союзнических превратились по сути в отношения сюзерена с вассальными и зависимыми государствами.

С другой стороны, крайне серьезным ударом оказалась для европейских стран пандемия COVID-19, причем не только в экономическом, но и в политическом отношении.

Ущерб в области экономики был нанесен огромный — пожалуй, ни один регион мира не пострадал больше, чем Европа. Особенно плачевными последствия пандемии, вынужденных локдаунов и закрытия границ оказались для сферы туризма и, соответственно, для стран Южной Европы, находившихся и без того не в самом лучшем положении. Греция, Италия, Испания, Португалия, объединяемые обычно аббревиатурой PIGS, — это страны, экономика которых во многом построена на получении выгод от их географического положения, главной из которых является ежегодный приток туристов из соседних стран. Seriously пострадали и другие страны, получавшие солидные доходы от туризма: Хорватия, Франция, Австрия, Чехия, Венгрия, Болгария, Черногория, Словения, Словакия, прибалтийские страны...

Важно отметить, что наиболее пострадал при этом малый и средний бизнес, строившийся на обслуживании туристов, то есть гостинично-ресторанная сфера, а также розничная торговля. Другими словами, именно те сферы экономики, которые имеют непосредственное отношение к уровню занятости и уровню жизни населения данных стран.

Соответственно, кризис в этих областях имеет не только собственно экономические, но более широкие и длительные социальные и политические последствия. Кризис явственно показал неспособность сегодняшней европейской бюрократии и политической власти справляться в целом с подобными вызовами, обеспечивать населению своих стран достойный выход из сложившегося положения и помощь в преодолении трудностей. Особенно по сравнению с ситуацией в странах Восточной Азии, которым в 2020 г. удалось справиться, по крайней мере, с кратковременными последствиями пандемии.

Экономика еврозоны находилась в рецессии еще с конца 2019 г. В IV квартале 2019 г. ВВП еврозоны показал нулевой рост, а в I квартале 2020 г. сократился на 3,6 %. [Коронавирус отбросил экономику Европы...] Во II квартале 2020 г. европейский ВВП вообще показал рекордное падение — 14,4 % в годовом исчислении. При этом размер

немецкой экономики вернулся на уровень 2011 г., испанской — 2002-го, а экономика Италии оказалась вообще отброшена в начало 1990-х. [Там же]

По состоянию на конец 2020 г. реальный ВВП Евросоюза оставался примерно на 4,5 % ниже докризисного уровня (IV квартал 2019 г.) и максимально близким к уровню, который последний раз наблюдался в начале 2017 г. [Зомбификация бизнеса...]

Основным способом выхода из кризиса в 2020 г. в рамках ЕС было выбрано наращивание денежной массы путем практически бесконтрольного выпуска денег и раздачи их населению (по примеру США, где так называемые вертолетные деньги стали главной формой поддержания экономики на плаву). В условиях единой валюты в рамках ЕС это привело к экспорту инфляции из богатых стран Европы в бедные (что, естественно, усугубило положение последних), а также к спорам в рамках общеевропейских структур по поводу того, кому достанутся основные субсидии в сфере социальной поддержки населения.

К кризису собственной экономики добавился и кризис мировой торговли, от которой европейские страны тоже серьезно зависят.

В 2019 г., до начала эпидемии COVID-19, страны Европейского союза занимали 1-е место по объему торговли с Китаем (4,86 трлн юаней, по данным Главного таможенного управления КНР — рост по сравнению с предыдущим годом — 8 %). Однако их стремительно догоняли страны АСЕАН, объем торговли которых с Китаем вырос на 14,1 % и составил рекордные 4,43 трлн юаней, в то время как объем торговли Китая с США из-за развернувшейся торговой войны упал на 10,7 % — до 3,71 трлн юаней. [Сайт Главного таможенного управления КНР...]

В 2020 г. объем торговли Китая со странами АСЕАН уверенно вышел на 1-е место, составив 4,74 трлн юаней (рост на 7 %). Объем торговли со странами ЕС снизился на 5,3 %, составив 4,5 трлн юаней. А объем торговли с США, наоборот, вырос на 8,8 % (до 4,06 трлн), несмотря на издержки, связанные с торговой войной и ковидными последствиями. [Там же]. При этом в 2020 г. Китай впервые стал крупнейшим партнером ЕС по объему торговли, обогнав США.

Таким образом, роль европейского рынка для Китая в результате эпидемии COVID-19 продолжила снижаться, в то время как роль китайского рынка для стран ЕС существенно выросла: он вышел на 1-е место и заменил американский рынок в качестве важнейшего направления европейской торговли.

За первое полугодие 2021 г. объем торговли Китая с тремя ведущими партнерами (АСЕАН, ЕС, США) составил соответственно 2,66; 2,52; 2,21 трлн юаней. При этом вновь больше всего выросла торговля Китая с США [Сайт Главного таможенного управления КНР...]. Торговля с США росла даже быстрее, чем торговля со странами «Пояса и пути» и странами, входящими во ВРЭП (РСЕР) — 34,6 %, против 27,5 и 22,7 % соответственно.

То есть тенденция снижения роли европейского рынка для КНР даже усугубилась — он продолжает терять свои ведущие позиции в мировой торговле Китая. И что важно в контексте отношений Китая с Европой и США — не только за счет роста торговли КНР с развивающимися странами, но и непосредственно за счет роста торговли с США.

Другими словами, обвиняя Китай в распространении коронавируса, нарушении прав человека в Синьцзяне и Гонконге, в демпинге своей продукции, в воровстве интеллектуальной собственности и прочих сопутствующих грехах, США призывают (и вынуждают) европейские страны присоединиться к политике ограничения торговли с Китаем путем применения различных санкций. Однако при этом сами увеличивают торговлю с КНР, в том числе за счет уменьшения китайско-европейской торговли.

То же самое касается инвестиционного обмена.

Совершенно очевидно, что в Европе, как и в остальных странах мира, не предполагали, что сроки эпидемии настолько затянутся, и вслед за первой волной последуют вторая и последующие. Помимо этого, в руководстве Европейского союза присутствовала надежда на более благосклонное отношение к Европе со стороны США после смены в Вашингтоне администрации Дональда Трампа на правительство Джозефа Байдена, поскольку при Трампе Европа, по сути, превратилась в заложника ситуации в отношениях между США и КНР.

В КНР тоже надеялись на смягчение отношения к себе, которого после смены администрации в Вашингтоне, как мы знаем, не произошло. Однако Китай смог выбраться из сложившейся ситуации за счет усиления активности по созданию, например, собственного производственного и экономического контура в виде ВРЭП и переориентации экспортно-импортных потоков на страны Восточной и Юго-Восточной Азии. А вот положение европейских стран еще более осложнилось.

Кризис в европейской зоне оказался не только более продолжительным, но и более глубоким.

С одной стороны, логистические проблемы и нарушение производственных цепочек привели к тяжелому кризису в автомобильной промышленности (нехватка электронных чипов, большая часть которых производится в Китае). С другой — собственные стратегические и политические ошибки европейских руководителей (так называемый «зеленый переход») вызвали наиболее серьезный за последнее время энергетический кризис в странах ЕС.

Ко всему добавился новый миграционный кризис, который дополнительно обостряет собственные проблемы Европы. Европейские политики, привыкшие жить в условиях «европейского социализма» и всеобщей толерантности, столкнулись, по сути, с самым серьезным кризисом легитимности власти в новейшей истории, который усугубляется многочисленными социальными и миграционными проблемами. И справиться с этими проблемами они концептуально не способны как в рамках ЕС в целом, так и в рамках национальных государств.

Этим и объясняются, на наш взгляд, постоянные метания европейских политических деятелей различного толка и уровня между желанием проявить какую-то самостоятельность и необходимостью следовать в фарватере политики США, которая тоже не является последовательной и концептуальной.

Все это полностью проявляется и в отношениях европейских стран с Китаем.

Саммит КНР — ЕС, который в 2020 г. прошел в конце июня в формате видеоконференции руководителей сторон (по причине ковидных ограничений), фактически не привел ни к каким договоренностям, прежде всего, из-за противоречивой позиции самого ЕС. Тем более, что перед саммитом руководство ЕС провело встречу на высшем уровне с руководством балканских стран, где одним из основных вопросов было противодействие усиливающемуся влиянию Китая в этом регионе. Одновременно оно выступило с крайне жесткой критикой в адрес Китая по поводу Закона о безопасности Гонконга, фактически поддержав угрозы президента США Д. Трампа применить санкции и отозвать специальный статус Гонконга.

Кроме того, в начале июня европейская сторона опубликовала 16-страничный доклад, в котором Китай обвинялся в дезинформации по поводу COVID-19 (представитель Китая назвал этот доклад ложью) и который также не способствовал смягчению обстановки.

В ходе видеоконференции с премьером Госсовета Китая Ли Кэцянгом и председателем КНР Си Цзиньпином руководители ЕС Шарль Мишель и Урсула фон дер Ляйен обсуждали вопросы торгово-

го сотрудничества, изменения климата, цифровизации, борьбы с последствиями кризиса, вызванного пандемией коронавируса, а также права человека и внешнюю политику [Это плохой закон...]. При этом представители ЕС подчеркивали, что между Брюсселем и Пекином существуют серьезные противоречия в отношении ценностей и политических систем. Как заявил Шарль Мишель, «взаимодействие и сотрудничество с Китаем — это и возможность, и необходимость. Но в то же время мы должны признать, что мы не разделяем одни и те же ценности...» [Там же].

В ходе переговоров китайское руководство на словах пообещало продолжить открывать свою экономику для иностранных предприятий, что было интерпретировано представителями Евросоюза как уступка их ключевым требованиям.

Что касается политических вопросов, то стороны обсудили ситуацию вокруг ядерного разоружения, ухудшение обстановки на Корейском полуострове и ситуацию в Гонконге, которая, как ожидалось, стала наиболее острой темой. Представители ЕС «выразили Китаю серьезную обеспокоенность в связи с предложениями по Закону о национальной безопасности в отношении Гонконга» и призвали «следовать обещаниям, данным народу Гонконга и международному сообществу относительно высокой степени автономии и гарантированных свобод». ЕС проинформировал Пекин о несоответствии Закона о национальной безопасности ни законодательным нормам Гонконга, ни международным обязательствам Китая. Разумеется, что все эти заявления вызвали крайне негативную реакцию со стороны КНР и отнюдь не способствовали нормализации обстановки в отношениях сторон.

В конце августа китайский министр иностранных дел Ван И совершил визит в ряд важнейших для отношений Китая с Европой стран (Италию, Германию, Францию, Нидерланды и Норвегию). Целью визита, состоявшегося после поездки в Европу госсекретаря США М. Помпео, было, в первую очередь, желание продолжить процесс подготовки масштабного всеобъемлющего соглашения об инвестициях, которое стороны договорились подписать еще в 2019 г. и которое должно было стать прорывом в деловом сотрудничестве сторон путем обеспечения «существенно более упрощенного доступа к рынку, а также ликвидации дискриминационных требований и практик в отношении иностранных инвесторов». Отметим, что речь идет не только об обеспечении доступа европейских стран к китайскому рын-

ку, но и ответного доступа Китая к инвестициям в страны ЕС, который на протяжении последних лет начал серьезно ограничиваться.

Заметим, что в конце концов соглашение было подписано в последний день декабря 2020 г., однако до сих пор не ратифицировано и остается на бумаге по причине взаимных претензий и различных санкций против высокопоставленных чиновников обеих сторон.

Отдельного разговора требует некоторое изменение в отношении Пекина со странами Центральной и Восточной Европы в рамках формата 17+1, который с 2013 г. последовательно создавался Китаем, прежде всего, с целью увеличения своего влияния на европейском континенте.

В частности, некоторые эксперты, комментируя визит Ван И в Европу, обращали внимание на то, что он побывал только в странах так называемой старой Европы, в то время как приезжавший за две недели до него Помпео побывал в Чехии, Словении, Австрии и Польше, то есть в странах ЦВЕ [gazeta.ru. Ветры холодной войны...]. Что свидетельствует о разочаровании Китая в формате «17+1» и о том, что этот формат «начинает распадаться».

Такая тенденция действительно присутствует, причем в 2021 г. она, на наш взгляд, лишь усилилась. Дело в том, что в условиях продолжающегося усиления противостояния США и Китая, который рассматривается американским руководством (независимо от того, какая администрация находится в Белом доме) как основной стратегический противник, именно страны ЦВЕ оказываются в наиболее тяжелом положении.

В те годы, когда политика США была в первую очередь направлена на жесткое противостояние с Россией, американцы могли закрывать глаза на достаточно тесное сотрудничество данных стран с Китаем, поскольку оно до поры до времени не носило характер идеологического противостояния с США. Тем более, что сами США продолжали развивать экономическое сотрудничество с Китаем, а проникновение последнего на европейский рынок не считали угрозой собственным интересам.

США продолжали видеть своим основным противником в этом регионе именно Россию, считая «имперские амбиции» России главной угрозой своим интересам в Европе и надеясь на достижение некоего компромисса с КНР. В то время как Китай придерживался стратегии «не высовываться», стараясь использовать существующие противоречия между США и РФ в собственных интересах и посте-

ленно усиливая свои позиции и в Европе, и в международных финансовых и торговых организациях.

Теперь, после обострения противостояния по линии Китай — США и перехода его из чисто экономической области в область идеологии и глобальных проектов европейским странам приходится выбирать между следованием в фарватере США и использованием финансовой и экономической мощи Китая (в рамках участия в проекте «Один пояс — один путь») для собственного экономического развития и решения финансовых проблем. И выбор является отнюдь не легким.

С одной стороны, членство в НАТО (военный зонтик и американские войска на территории, ограничение суверенных прав в военной области и т. п.), членство в ЕС, руководство которого по тем или иным причинам зависит или непосредственно от США (в том числе финансово и т. п.), или от Германии как локомотива ЕС.

С другой стороны, уже сложившаяся экономическая и финансовая зависимость от Китая — проекты в рамках 17+1, куда недавно вошла Греция, кредиты и контракты Италии, Испании, Португалии и даже Франции (особенно заключенные в ходе последнего визита Си Цзиньпина в Европу).

Легче всего этот выбор сделать трем странам Прибалтики, для которых источником существования является именно следование принципам трансатлантической солидарности, а не экономические отношения с Китаем. Недаром Эстония уже заявила о выходе из формата 17+1, а Литва согласилась на открытие торгового представительства Тайваня в Вильнюсе, несмотря на риск серьезного обострения отношений с КНР.

Намного более тяжелым представляется выбор для стран Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия) и стран Южной Европы (Испания, Португалия, Италия, Греция), которые вслед за Грецией сделали большую ставку на сотрудничество с Китаем.

Какой они сделают выбор, пока предсказать сложно. Особенно в отношении Венгрии, которая склонна в опоре на Китай демонстрировать все большую независимость от ЕС. Понятно, что США всячески пытаются выдавить Китай с европейского рынка, при этом не считаясь с интересами самих европейцев. Точно так же, как пытаются выдавить с этого рынка Россию. Разница скорее в областях торговли и инвестиций — мы поставляем странам ЕС энергоносители, Китай — фактически все остальное.

В ответ Европа, окончательно потерявшая способность принимать согласованные решения на уровне ЕС, пытается лавировать таким образом, чтобы не слишком сильно навредить себе, но в основном на уровне правительств ведущих стран — Германии и (в меньшей степени) Франции, которые наряду с Нидерландами одновременно являются ведущими партнерами Китая в Европе.

Китай со своей стороны продолжает торгово-экономическую экспансию, активно инвестируя в экономику тех страны, которые испытывают те или иные экономические трудности (слабые звенья) — Грецию, Испанию, Италию, Португалию, страны Центральной и Восточной Европы. В последнее время к ним добавилась Турция.

Российско-китайские отношения в контексте ситуации, складывающейся в сегодняшнем мире, приобретают все более глобальное значение. Европа продолжает терять свою роль «центра силы» и одновременно свою субъектность как единое политическое объединение, способное принимать независимые и взвешенные решения. Сложно сказать, превратится ли она в конгломерат национальных государств, каждое из которых проводит свою независимую политику, или попадет в полную зависимость от заокеанских партнеров. Но уже сегодня очевидно, что с ЕС не собираются считаться ни на Западе, ни на Востоке. Особенно в условиях противостояния США с Китаем.

И такому положению во многом способствуют собственная позиция и политика стран ЕС, в том числе по поводу так называемой зеленой повестки, ставшей в европейских странах своего рода «популистским мейнстримом». В результате зависимость Европы от Китая как основного поставщика солнечных батарей в ЕС, а также от России, поставляющей традиционные виды энергии, еще более усилилась.

Не способствовал усилению влияния Европы и выход из ЕС Великобритании (пресловутый «брекзит»).

В этих условиях возрастает, с одной стороны, внимание США к своим союзникам в Азии (Япония, Австралия, Вьетнам, Индия, Тайвань и т. д.), важность которых в противостоянии с Китаем становится все более очевидной. А с другой — роль региона Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии для РФ, которой предстоит на деле реализовать объявленный еще в 2014 г. «поворот на Восток».

Одновременно возрастает важность поддержки Китая со стороны РФ, чем России, на наш взгляд, необходимо воспользоваться, более строго подходя к выстраиванию отношений с КНР на подлинно равноправной и взаимовыгодной основе и отстаивая во взаимоотношениях с Китаем свои национальные интересы.

Китай является нашим основным стратегическим партнером, и мы его поддерживаем, в том числе по вопросу о принадлежности Тайваня. Однако вправе ожидать ответной поддержки со стороны Китая в тех вопросах, которые имеют для нас принципиальное значение (прежде всего по Крыму и Украине). Мы вправе также ожидать готовности со стороны Китая оказать содействие РФ в развитии экономического сотрудничества России с азиатскими странами и объединениями, в частности ВРЭП, АСЕАН и др.

1.6. Позиции России и Китая по международным проблемам: общее и различия

В контексте возможностей российско-китайского взаимодействия целесообразно оценить подходы РФ и КНР к некоторым общемировым проблемам, исходя, во-первых, из анализа выступлений ряда их официальных представителей по пяти ключевым темам: безопасность, развитие, региональная повестка, экология и здравоохранение.

Структурно данные направления выглядят следующим образом:

1. Общая стратегическая ситуация: мир в постпандемический период (ООН, Мюнхен, Давос и G-20).
2. Региональное измерение и сотрудничество с третьими странами: ШОС, БРИКС, АТЭС.
3. Экология и здравоохранение: мировой климатический форум, глобальный саммит по здравоохранению.

Общая стратегическая ситуация: мир в постпандемический период

В непростых условиях современного мира, когда личные контакты заменяются встречами онлайн с использованием современных технических средств, отношения между государствами продолжают развиваться.

Безопасность коррелируется с таким крупным международным форумом, как Мюнхенская конференция по безопасности. Очередной саммит состоялся в Германии в феврале 2020 г. Министр иностранных дел КНР Ван И в своём выступлении призывал к развитию многосторонней дипломатии (далее — мультилатерализм), процитировав в ответ на старые вызовы и новые угрозы известного китайского философа Фэй Сяотуна: «...когда каждая красота мира соединится, произойдет великое единение Поднебесной» [Ван И]. Кроме того,

проблеме Китая на конференции было посвящено 11 подсекций, в том числе «Как Западу отвечать на вызов из Китая», «Трансатлантическое сотрудничество и китайская дилемма», «Как Европе реагировать на поднимающийся Китай», «Что делать, если оформится российско-китайский союз» и т. д.

В 2021 г. Мюнхенская конференция прошла в весьма ограниченном формате: вместо трех дней она продолжалась три часа. Живые дискуссии заменили короткими выступлениями в режиме видеоконференции. Кроме того, пандемия повлияла на состав участников. Собиравший каждый год ведущих политиков и дипломатов, Мюнхен в 2021 г. ограничился лишь лидерами ЕС и США, европейскими чиновниками, а также генеральным секретарем ООН и генеральным директором ВОЗ. В повестке, как и в предыдущем году, стояли проблемы глобальной безопасности, отношения с Россией и Китаем, но без участия в обсуждении представителей последних.

Позиция Москвы по отношению к проведенной в Мюнхене «специальной онлайн сессии» ограничилась коротким, но жестким комментарием официального представителя МИД России М.В. Захаровой 20 февраля 2021 г., в котором было зафиксировано «укрепившееся в последние годы стремление западных партнёров решать проблемы в узком кругу», а затем навязывать остальным членам международного сообщества «удобные решения» «через призму “миропорядка, основанного на правилах” [Комментарий...]. «Такой подход мы не разделяем и призываем к широкому международному сотрудничеству по объединительной повестке дня — в рамках универсальных демократических институтов системы ООН», — заключила М.В. Захарова.

Китаем был продемонстрирован иной подход. 21 февраля 2021 г. на сайте МИД КНР появилась обстоятельная статья члена Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи «Решительно защищать и продвигать мультилатерализм. Содействовать строительству сообщества единой судьбы человечества» [Ян Цзечи]. В публикации главы Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам вновь повторяется тезис о мультилатерализме и сообществе единой судьбы. Только теперь в виде «теории и практики мультилатерализма в новую эпоху», которые генсек Си Цзиньпин углубил, тщательно изучив тренды мирового развития. Стоит отметить, что, по мнению ведущего китайского чиновника, эта теория и практика завоевали высокую похвалу международного сообщества и получили широкую поддержку.

Статья Ян Цзечи стала развитием речей Си Цзиньпина, с которыми он выступал на юбилейной сессии ГА ООН в год 75-летия окончания второй мировой войны и основания Организации Объединенных наций и в Давосе (конец января 2021 г.). Председатель КНР, охарактеризовав 75-летие Организации как 75 лет стремительного развития человеческого сообщества, глубоких перемен международной обстановки, ускоренного формирования мультилатерализма, предложил руководствоваться справедливостью (против гегемонизма, унилатерализма), строго придерживаться верховенства закона (защищая принципы и цели Устава ООН), стимулировать сотрудничество (отказавшись от мышления времен холодной войны) и сосредоточиться на действиях (продвигая мультилатерализм) [Си Цзиньпин цзай Ляньхэго...].

Категорию **«развитие»** следует оценивать в контексте форума в Давосе.

Выступая на сессии «онлайн» форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом, президент РФ В.В. Путин обозначил четыре ключевых приоритета в качестве позиции страны: комфортную среду для жизни (жильё, доступная инфраструктура, экологическое благополучие); уверенность в достойном уровне жизни (работа с устойчивым растущим доходом); качественная, эффективная система здравоохранения; достойное образование и реализация собственного потенциала [Сессия «онлайн»-форума...]. Перечислив текущие проблемы современности, глава российского государства определил пути решения текущего кризиса как задачу мобилизации общечеловеческого потенциала для преодоления давно существовавших и обострившихся в период пандемии диспропорций в мировой экономике и глобальном управлении.

Пекин, напротив, предложил глобальное видение современной повестки, обозначив упомянутый выше тандем постулатов о «мультилатерализме» и «сообществе единой судьбы». Фигурировали и другие термины: «открытость» и «инклюзивность», общечеловеческие ценности как мир, развитие, правда, справедливость, демократия и свобода, сохранение системы международного права; отказ от идеологии времен холодной войны, следование в ногу со временем. В то же время Китай транслировал миру свои намерения: активное участие в международной борьбе с пандемией; проведение стратегии открытости с взаимной выгодой и общим выигрышем; стимулирование устойчивого развития; внедрение научно-технологических инноваций; фор-

мирование международных отношений нового типа [Си Цзиньпин цзай шицзе цзинцзи луньтань...].

Региональное измерение и сотрудничество с третьими странами

Региональная повестка представлена анализом выступлений официальных представителей России и Китая на саммитах ШОС, БРИКС, АТЭС.

ШОС. Шанхайскую организацию сотрудничества называют международной организацией нового типа, которая столкнулась с новыми вызовами и возможностями после официального членства Индии и Пакистана. В 2020 г. коронавирусная инфекция добавила новые испытания для Организации.

Заседание глав государств ШОС в 2020 г. проходило под председательством РФ. В.В. Путин отметил продолжающуюся тенденцию деградирования системы стратегической стабильности: к не прекращающимся и ожесточённым региональным конфликтам добавились новые очаги напряжённости, в том числе на внешних границах ШОС и в соседних регионах (Афганистан, Ближний Восток, Нагорный Карабах). Поэтому одним из ключевых направлений работы ШОС является содействие мирному, политико-дипломатическому разрешению кризисов, купирование угроз, исходящих из горячих точек.

В плане экономической повестки Организации российское председательство исходило из того, что все её страны-участницы заинтересованы в дальнейшем развитии практического сотрудничества, наращивании взаимовыгодной кооперации, в обеспечении продовольственной, транспортной и энергетической безопасности, на что и была направлена деятельность государств-членов ШОС [Заседание Совета...].

С момента основания и по сей день ШОС прошла неординарный путь развития, став действительно важной конструктивной силой в Евразии и международных делах. Уважая «шанхайский дух», её участники укрепляли взаимодействие в политике, экономике, в области безопасности и гуманитарной сфере, создали образец международных отношений нового типа (*синьсин гоцзи гуаньси дяньфань*), которым присущи взаимное уважение, правда и справедливость, сотрудничество и общий выигрыш [Си Цзиньпин цзай Шанхай...]. Такова официальная китайская оценка деятельности Организации.

При этом общая риторика, транслируемая миру Пекином, не претерпела изменений и в отношении ШОС. Все те же «мультилатерализм» (в отечественных переводах встречается формулировка

«многосторонний подход») и «сообщество единой судьбы» «приправлены» «шанхайским духом», который служит «практическим поиском» для реализации первых двух категорий. Предложения Си Цзиньпина на онлайн встрече глав государств ШОС служат тому свидетельством: укреплять взаимодействие в борьбе с инфекционными заболеваниями, создавая «сообщество здоровья и гигиены» (*вэйшэн цзянкан гунтунти*); защищать безопасность и стабильность, формируя «сообщество безопасности» (*анцюань гунтунти*); углублять практическое сотрудничество, строя «сообщество развития» (*фачжань гунтунти*); стимулировать «связь сердец» (*миньсинь сянтун*), формируя «гуманитарное сообщество» (*жэньвэнь гунтунти*) [Си Цзиньпин цзай Шанхай...].

Примечательно, что одновременно с призывом к борьбе с пандемией общими усилиями Китай запустил тезис о борьбе с «политическим вирусом» (*чжэньчжи бинду*), говоря о том, что нужно избегать «политизации» пандемии и «стандартизации» вируса (в ответ на появление различных теорий о вакцинной дипломатии).

БРИКС. В 2020 г. саммит БРИКС также проходил под председательством России. Москва уделяет первоочередное внимание дальнейшему развитию сотрудничества между государствами БРИКС, укреплению позиций объединения на международной арене. В целом, несмотря на особые условия, связанные с пандемией коронавируса, сотрудничество активно развивалось по всем ключевым направлениям: и в политике, и в экономике, и в гуманитарной сфере. В контексте нейтрализации негативных последствий упомянутой пандемии Россия выступает с инициативой о «зелёных коридорах», свободных от войн и санкций, в первую очередь в отношении гуманитарных поставок — продовольствия и медикаментов [Саммит БРИКС...].

В свою очередь, Си Цзиньпин отметил эволюцию международной архитектоники на фоне двух переплетающихся процессов — изменений, не виданных миром за последние 100 лет (*байнянь бяньцзюй*), и пандемии века (*шиици ицин*). Другими словами, к известной формуле о факторах «неопределенности и нестабильности» (*бувэндзинсин, буцюоэдинсин иньсу*) добавляются новые.

В то же время председатель КНР убежден, что такие тенденции эпохи, как мир и развитие, сохранились. А в целях создания еще более красивого мира необходимо вносить посильный вклад реальными делами. К таким делам, по китайской версии, относятся: продвижение мультилатерализма, защита международного мира и стабильности; поддержание сплоченности и координации в общей борьбе с

пандемией; сохранение открытости и инноваций, содействие восстановлению мировой экономики; способствование глобальному устойчивому развитию, в приоритете которого уровень жизни народа; поддержание «зелёного», низкоуглеродного развития, сохранение гармоничного сосуществования человека и природы [Си Цзиньпин цзай Цзиньчжуань гоцзя...].

И здесь на страны БРИКС, согласно видению Пекина, накладывается особая ответственность в отстаивании международной правды и справедливости, когда ведётся «борьба между унилатерализмом и мультилатерализмом, между путём правды (*гундао*) и путём тирании (*бадао*)»: защита целей и принципов Устава ООН и системы международного права, сохранение международной системы, в ядре которой ООН.

АТЭС. В отличие от предыдущих лет, когда участники в основном обсуждали вопросы либерализации торговли и наращивания объёма инвестиций, в 2020 г. ключевая тема саммита АТЭС была посвящена путям преодоления социально-экономических последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Москва выступила с предложением поделить накопленным солидным научным и клиническим опытом путём налаживания массового производства, поставок и локализации производства на местах двух созданных и зарегистрированных вакцин: «Спутник V» и «Эпи-ВакКорона». При этом Россия выразила готовность к тесному взаимодействию со всеми заинтересованными странами, в том числе и с партнёрами по АТЭС. В частности, поступило предложение создать «зелёные коридоры», свободные от ограничений и санкций, в первую очередь в отношении поставок продовольствия и медикаментов тем странам, которые в этом особенно нуждаются [Саммит АТЭС...]. Отдельно была упомянута бурно развивающаяся цифровая сфера — широкое внедрение информационных технологий в различные области человеческой деятельности.

Китайская сторона, в свою очередь, активно пропагандировала формирование сообщества единой судьбы в АТР, для которого будут характерны совместное процветание, открытость и инклюзивность, инновационный рост (прежде всего за счет бурного развития «цифровой» экономики), инфраструктурная взаимосвязанность, сотрудничество и общий выигрыш [Си Цзиньпин цзай Ятай...]. В плане борьбы с пандемией Пекин достиг «важных стратегических результатов» и готов внести свою «мудрость» и «вклад», «реальными делами продвигая

формирование здорового человеческого сообщества» (*жэньлэй вэйшэн цзянькан гунгунти*).

Экология и здравоохранение

Широкую огласку в свете коронавирусной пандемии получает **экологическая** повестка. Из-за неутраченного COVID-19 проблемы здравоохранения еще более актуализируются.

Свои «экологические взгляды» главы государств или их высокие представители смогли представить на крупных международных форумах последних лет: саммите климатических амбиций 12 декабря 2020 г., саммите лидеров по вопросам климата 22—23 апреля 2021 г. В Сеуле в формате видеоконференции 30 мая 2021 г. прошел второй Международный саммит «Партнёрство ради зелёного роста и глобальных целей — 2030» (P4G). В повестку двухдневного форума были включены вопросы преодоления последствий изменения климата, «зелёного восстановления» и обеспечения углеродной нейтральности, а также достижения Целей устойчивого развития ООН и выполнения положений Парижского соглашения по климату.

Российская позиция отражается в понимании того, что борьба за сохранение климата призвана объединять усилия всего мирового сообщества путём реализации совместных проектов с зарубежными компаниями, которые хотели бы инвестировать в чистые технологии, в том числе в России. Кроме того, Москва придерживается мнения, что глобальное развитие должно быть устойчивым во всей полноте этого понятия для всех стран без исключения. И соответственно, тесно увязываться с борьбой с бедностью, с сокращением разрывов в развитии между странами, с другими универсальными задачами [Саммит по вопросам климата...].

Китай, в свою очередь, не изменяет продолжающейся последние годы риторике. Термин «сообщество единой судьбы» свободно экстраполируется на экологическую почву, где призыв к «единой судьбе» распространяется на тезисы о «гармонии человека и природы», о преимуществах «зелёного развития» [Си Цзиньпин цзай «линджаожэнь цихоу фэнхуэй»...].

Переходя к теме **здравоохранения**, следует отметить прошедший 21 мая 2021 г. Глобальный саммит по здравоохранению. В рамках итальянского председательства в «Группе двадцати» в режиме видеоконференции состоялся вышеназванный форум с участием глав государств и правительств, а также руководителей профильных международных организаций.

С российской стороны в саммите приняла участие заместитель председателя правительства Т.А. Голикова. Вице-премьер выразила готовность к объединению усилий со всеми заинтересованными международными партнёрами на площадках ВОЗ, ООН и других ведущих организаций и по двусторонним каналам для скорейшей нейтрализации рисков и последствий пандемии коронавируса.

Были обозначены широкие возможности использования российского передового опыта и эффективных медицинских разработок, таких как безопасные и эффективные вакцины, современные цифровые технологии, организационные мероприятия по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Востребованность отечественных достижений очевидна на примере вакцины «Спутник V», получившей регистрацию почти в 70 странах, пользующейся заслуженным спросом и репутацией, способствующей формированию коллективного иммунитета. [Глобальный саммит по здравоохранению...].

Следует отметить, что Китай в последние годы все более отчётливо стал развивать экологическое направление своей дипломатии. В частности, накануне саммита ООН по биоразнообразию 30 сентября 2020 г. была опубликована брошюра «Вместе строить сообщество жизни на Земле: действия Китая», в которой Пекин призывал строить экологическую цивилизацию, придерживаясь «зелёного развития». 7 июня 2020 г. вышла Белая книга «Меры Китая по противостоянию коронавирусной эпидемии».

Значительное место в реализации внешнеполитических мероприятий КНР в 2020 г. заняли действия по оказанию гуманитарной помощи различным странам, пострадавшим от пандемии коронавируса. По данным, которые приводили китайские власти, за несколько месяцев 2020 г. Пекин провел самые масштабные в истории нового Китая экстренные гуманитарные меры. К маю 2020 г. помощь была оказана 150 государствам и 4 международным организациям, для 170 государств провели профессиональные медицинские онлайн-конференции, в которых транслировался приобретённый Китаем опыт в борьбе с пандемией, в 24 страны, экстренно нуждающиеся в помощи, были отправлены 26 скорых медицинских бригад, предоставлены 56,8 млрд защитных масок и 250 млн защитных костюмов [Гоу вэйюань...].

Исходя из этого, есть основания полагать, что в КНР достаточно быстро определилось намерение конвертировать вызовы пандемии и успехи по их преодолению в новые универсальные достижения.

В опубликованной Ван И в апреле 2020 г. статье «К формированию сообщества единой судьбы человечества в контексте международного противоэпидемического сотрудничества под знаменем идеи Си Цзиньпина о дипломатии» (она широко распространялась за рубежом на различных языках) утверждалось, что «в отстаивании своей позиции Китай всячески способствует сложению усилий человечества ради победы над пандемией» [К формированию сообщества...]. При чем «успехами в купировании коронавируса, как подчеркивалось в материале, мы обязаны ЦК КПК во главе с товарищем Си Цзиньпином, под руководством которого предпринимаемые правительством шаги полностью оправданы и обоснованы».

Таким образом, пандемия, став катализатором существовавших до нее международных проблем, внесла в них дополнительные сложности, когда, в частности, многие международные контакты вынужденно переместились лишь в виртуальный формат, возникли излишние трудности в трансграничном перемещении товаров и людей.

Что касается позиций России и Китая, то в них присутствуют свои особенности и акценты. В подходах нет заметных противоречий, напротив, налицо почва для сотрудничества. Но странам следует находиться в постоянной координации, периодически «сверяя часы».

1.7. Российско-вьетнамские отношения и Китай

В российско-китайских отношениях вопрос стратегического партнерства России с Вьетнамом и Китаем в условиях продолжающегося конфликта в Южно-Китайском море до последнего времени замалчивался. Однако его актуальность возросла в связи с требованиями Китая к России.

Значение Вьетнама для успеха азиатской политики России не раз подчеркивал президент В.В. Путин, который в своей статье, опубликованной ещё накануне выборов 2012 г., назвал Вьетнам вместе с Китаем и Индией ключевой страной для России в Азии. [Указ Президента...].

Рассматриваемая проблема не получила обстоятельного анализа в отечественной научной литературе. Наибольшее внимание в многочисленных трудах российских ученых уделяется проблемам двустороннего сотрудничества бывшего СССР, а затем России с Вьетнамом на протяжении всей истории его борьбы за национальную независи-

мость и воссоединение страны. Фактор Китая в них обычно обходят молчанием.

Российско-вьетнамские отношения больше не могут развиваться по инерции. Чтобы наполнить двустороннее сотрудничество новым содержанием, необходимы новые импульсы. К таким выводам пришли авторы сборника «Россия—Вьетнам: 20 предложений по повышению эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства», подготовленного Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН и опубликованного Российским советом по международным делам (РСМД) в преддверии визита во Вьетнам премьер-министра Д.А. Медведева в ноябре 2018 г.

В январе 2020 г. Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН провел в Москве Международный круглый стол, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ (30 января 1950 г.). В том же году был издан сборник «Российско-вьетнамские отношения: сферы совпадения интересов», состоящий из статей российских и вьетнамских участников этого Круглого стола. В сборнике дан объективный анализ состояния российско-вьетнамских отношений во всех ключевых сферах, указаны имеющиеся проблемы и упущения, предложены конкретные меры по повышению качества сотрудничества.

Результаты исследования приводят к выводу, что продолжающееся военно-политическое партнерство с СРВ едва ли станет препятствием для сотрудничества России с КНР, несмотря на то, что перевооружение Вьетнамкой народной армии с помощью России, естественно, не нравится китайским военным. Однако на политическом уровне в Пекине есть понимание того, что это является для КНР наименьшим злом, ибо в противном случае Вьетнаму пришлось бы обратиться к США [Кашин].

Зачем России стратегическое партнерство с Вьетнамом? Великие державы проводят многоплановую внешнюю политику, отдельные элементы которой могут по некоторым проблемам и районам накладываться друг на друга. Для России отношения с Вьетнамом как раз являются такими, где два курса её политики — системное противостояние гегемонии США в глобальном масштабе и несистемное региональное страхование рисков, связанных с ростом могущества Китая и проводимой им политикой в Юго-Восточной Азии — пересекаются и накладываются друг на друга.

Как системный противовес США Россия имеет дело с попытками Америки сохранить однополярный мировой порядок. Россия как

стратегический партнёр Китая в этих условиях не может выступать **против** него, но на региональном уровне они не всегда **вместе**. Российско-китайская «антанта» — это ещё далеко не военный союз, а потому российско-китайские и российско-вьетнамские отношения на данном этапе остаются двусторонним делом этих стран.

В складывающейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе сложной системе международных отношений свое место, хотя и с опозданием, но всё более активно занимает и Россия. Президент РФ В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что Россия издавна является составной частью этого региона. Развитие Дальневосточного округа и Сибири он не раз называл нашим главным приоритетом XXI века. Выступая на V Восточном экономическом форуме во Владивостоке 4 сентября 2019 г., он говорил: «Развитие Дальнего Востока для нас безусловный приоритет. Повторю, это последовательная, долгосрочная политика. Наши усилия направлены на то, чтобы создать здесь, в динамично растущем Азиатско-Тихоокеанском регионе, мощный центр международного сотрудничества и интеграции, деловой и инвестиционной активности, образования, науки и культуры. Создание такого центра прежде всего в интересах граждан России, дальневосточников, их благополучия, для того, чтобы люди могли в полной мере реализовать себя» [Василевский].

Наше сотрудничество с Вьетнамом — важное направление совершеняемого Россией «поворота на Восток», ставшего особенно актуальным в нынешней международной обстановке. Оно необходимо не вместо и не как альтернатива сотрудничеству с главным партнером в Азии — Китаем, а наряду с ним, как возможность диверсифицировать наши политические и торгово-экономические отношения на Востоке и не складывать, как говорят, «все яйца в одну корзину». Это необходимо, чтобы наши отношения с Китаем не превратились в отношения вассала с сюзереном.

Придавая первостепенный приоритет стратегическому партнёрству с Китаем, важно, однако, помнить и известное предупреждение, которое оставил нам выдающийся востоковед и знаток Китая, многолетний директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко, который говорил: «Развивая стратегические отношения с Китаем по всем возможным направлениям, необходимо отслеживать и негативные моменты, которые тоже наличествуют в политике КНР — прежде всего, усиление националистических настроений» [Лузянин].

В растущем противостоянии с США Китай явно взял курс на монополярный порядок в регионе Юго-Восточной Азии с ним самим в

центре, чего опасаются и не приемлют ни Вьетнам, ни другие его соседи из числа стран АСЕАН. Исторический опыт убедительно подтверждает, что невозможно обеспечить собственную безопасность за счёт интересов и безопасности других. Тот факт, что Китай — это успешно развивающаяся мировая держава, не даёт ему права с позиций великоханьского шовинизма навязывать своим соседям по Юго-Восточной Азии юридически необоснованные требования территориального суверенитета и некие «исторические права» чуть ли не на всё Южно-Китайское море. [Локшин]

Двойственная политика России в ЮВА. Россия как крупнейшая азиатская и тихоокеанская держава не может оставаться в стороне от важнейших процессов, развивающихся вблизи от её дальневосточных рубежей. Будущее наших регионов Сибири и Дальнего Востока самым тесным образом связано с благополучием АТР и той его части, где находится наш давний друг и партнер — Вьетнам.

Нормализация отношений с Китаем в конце прошлого века — огромный успех внешней политики России после распада СССР. И она до сих пор сохраняет своё историческое значение. Это, к сожалению, многие начали забывать, как в России, так и во Вьетнаме. Представим только, что было бы с Вьетнамом и другими странами ЮВА, если бы эти отношения продолжали строиться так, как они складывались в 60-е годы прошлого века.

На уровне региональных интересов и рисков политика России мотивируется её внутренними и региональными соображениями. Она материализуется в комбинации усилий, направленных на диверсификацию региональных отношений, предотвращение конфликта и дестабилизации региона, что может крайне отрицательно повлиять на интересы России в АТР, прежде всего, на перспективы развития наших районов Сибири и Дальнего Востока.

Главное последствие двухуровневой политики России (глобальной и региональной) состоит в том, что реакция России на территориальный спор в ЮКМ во многом определяется тем, насколько эта региональная проблема принимает характер противостояния продвигаемому США однополярному мировому порядку. Соответственно, чем меньше в этот конфликт вовлечены США, тем меньше политика России будет связана с системным балансом на глобальном уровне и тем более вероятно, что она будет больше определяться страхованием (или, как говорят, хеджированием) своих региональных рисков. До сих пор эта двойственная позиция работала так, что обе ее стороны не

противоречили друг другу и встречали понимание заинтересованных кругов.

В целом, Россия, с пониманием относясь к позиции СРВ в территориальном споре с КНР, глубоко заинтересована в сохранении и развитии дружественных отношений между двумя этими соседними странами. Вьетнам и Китай являются сегодня важнейшими стратегическими партнерами России, поэтому логична ее принципиальная позиция — Ханой и Пекин должны решать территориальные проблемы только за столом переговоров и избегать любых односторонних действий, которые могли бы привести к возникновению военного конфликта.

Стратегическое партнерство с Китаем и Вьетнамом. Отношения России как с Китаем, так и с Вьетнамом декларированы сторонами как всеобъемлющее стратегическое партнерство. Однозначного определения этого понятия в современных международных отношениях не существует. Очевидно только, что оно пришло после окончания холодной войны вместо принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Легче сказать, чем оно не является. Прежде всего, стратегическое партнерство — это не военный союз против общего потенциального противника. Сам термин пришёл из экономики. Партнер — это тот, с кем есть относительно конструктивное взаимодействие для достижения каких-то общих целей, но не обязательно всех. Стратегическое партнерство должно, прежде всего, быть выгодно обоим партнерам и рассчитано на долгий срок. При этом не всегда только в финансово-экономическом плане. В неявном виде это заключается и в их геополитических интересах, о которых стороны обычно умалчивают.

Наиболее весомыми представляются достижения стратегического партнерства России и Вьетнама в сфере политико-дипломатического сотрудничества. Они занимают одинаковые или схожие позиции по жизненно важным вопросам современного мирового развития, особенно это касается обеспечения безопасности и сотрудничества в ЮВА и АТР. Руководители двух стран постоянно встречаются друг с другом. Знаменательно, что за последние несколько лет президент РФ трижды посетил Вьетнам с официальными визитами, чего не бывало даже в лучшие годы «братской советско-вьетнамской дружбы».

Политика России, естественно, тоже направлена на получение коммерческой выгоды от торговли, энергетических, инфраструктурных и других совместных проектов и, конечно, от военно-техниче-

ского сотрудничества (ВТС), которое успешно развивается не только с Вьетнамом, но и с другими странами АСЕАН.

Сотрудничество России как с Китаем, так и Вьетнамом в условиях продолжающегося территориального спора между ними в ЮКМ осложняет диалог с обоими стратегическими партнерами. Особенно это касается продаж Китаю новейших российских вооружений, совместных крупномасштабных военных учений, что, естественно, вызывает негативную реакцию среди части вьетнамского руководства и в общественном мнении страны. Инерция массового сознания во Вьетнаме не позволяет понять, что Россия сегодня — это не Советский Союз. Россия не является участником всё чаще разгорающихся споров в ЮКМ и, надо полагать, не будет в них втянута и в дальнейшем.

В апреле 2016 г. в ряде выступлений министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на международных форумах с участием Китая говорилось о том, что главную ответственность за обострение обстановки в ЮКМ несут США. Во Вьетнаме так, естественно, не считают. Это послужило поводом для слухов о том, что позиция России начала якобы меняться в сторону поддержки китайской политики в этом регионе. Слухи ещё более усилились после того, как 5 октября того же года в Пекине в кулуарах встречи «Группы 20» президент РФ В.В. Путин фактически поддержал позицию КНР в отношении вердикта Постоянного арбитражного суда (ПСА) в Гааге. Некоторые аналитики на Западе утверждали, что Россия якобы закрывает глаза на то, что Китай построил искусственные острова и начал размещать на них военную инфраструктуру, что радикально меняет всю обстановку в регионе. В действительности это совсем не так. Возражения российского президента вердикту ПСА относились не к его содержанию, а к процедуре принятия арбитражных решений в отсутствие одной из сторон. От такой процедуры пришлось уже не раз пострадать и России. Но такая возможность допускается Уставом ПСА.

Состоявшийся вскоре после этого (в мае 2016 г.) визит премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Россию всё опять расставил по местам. Высказывания главы правительства и президента России на встречах с премьер-министром СРВ развеяли туман, напущенный китайскими СМИ по поводу мнимого изменения позиции России. Выступая на прошедшем тогда же саммите Россия—АСЕАН в Сочи, Нгуен Суан Фук заявил: «Вьетнам высоко оценивает роль и конструктивный вклад России в дело мира, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Азии на протяжении многих прошедших лет. Он желает, чтобы Россия и впредь продолжала этот курс на укрепление

мира и безопасности, на обеспечение свободного и безопасного судоходства и воздушных полетов, на мирное разрешение споров в Восточном море на основе международного права и регионального соглашения» [Нгуен Суан Фук]. Так что говорить о том, что Россия поддерживает территориальные требования Китая в ЮКМ или его пресловутую «линию из 9 отрезков», это шумевшее тогда заявление В.В. Путина никаких оснований не дает «Линия из 9 отрезков» впервые появилась в 1948 г. в документах гоминьдановских властей Чан Кайши как требование к Японии на конференции в Сан-Франциско. Эти требования не были поддержаны. Она вновь появилась уже в 2009 г. в ответ на представленные заявки прибрежных стран на границы их исключительных экономических зон в ЮКМ в соответствии с Конвенцией 1982 г. Не давая никаких координат этой линии, Китай заявил претензии на 90 % акватории ЮКМ..

Развивая сотрудничество с Ханоем, включая экспорт вооружений и совместную добычу углеводородов на шельфе Вьетнама, Россия создает в ЮКМ более уравновешенную конфигурацию в плане баланса сил и интересов. Поэтому, не выступая открыто против Китая, Россия достаточно заметно проявляет близость к позициям Вьетнама по проблемам ЮКМ.

Высокий статус партнерства и значительные объемы трансфера вооружений Вьетнаму дают России преференциальные условия использования возможностей глубоководного порта в бухте Камрань, где до 2002 г. находился пункт материально-технического обеспечения советского (а позднее российского) военно-морского флота. Уже 5 лет действует межправительственное соглашение об упрощенном порядке захода российских военных кораблей в Камрань. Вьетнам стал второй страной в мире после Сирии, с которой у России существует такое соглашение.

КНР и военно-техническое сотрудничество РФ и Вьетнама. Вьетнам располагает большим опытом использования российского оружия и военной техники. На вооружении ВНА сегодня имеются новейшие виды российских вооружений и военной техники. Конкретно это подводные лодки проекта 636 «Варшавянка», ракетно-бомбовые корабли типа «Молния» и фрегаты типа «Гепард», штурмовики СУ-27 и СУ-30МК, ракетные системы береговой обороны «Уран-Е» и ракетные системы ПВО «С-300», мобильные ракеты береговой обороны «Бастион» [Кашин].

Новой формой взаимовыгодного сотрудничества стало лицензионное производство современного оружия на территории Вьетнама,

например, ракетных катеров, средств ПВО ближнего боя, дронов и других.

В октябре 2019 г. «Ростех» и вьетнамская компания по техническому обслуживанию вертолетов заключили контракт на строительство Центра технического обслуживания и ремонта вертолётов. Он строится в порту Вунгтау на уже существующей ремонтной базе вьетнамских ВВС. То же самое происходит и с созданием Центра по обслуживанию и ремонту российских грузовиков «Камаз», успешно работающих не только во Вьетнаме, но и в Лаосе и Камбодже. Часть из них используется вооруженными силами.

В 2017 г. Вьетнам закупил в России модернизированные танки Т-90 С/СК в количестве 64 бронемашин на сумму 250 млн долл. [Dmitry Shorkov].

Вьетнам проявляет большой интерес к ракетным системам С-400, и в недалёком будущем ожидается его заказ на приобретение этих систем. На момент написания статьи переговоры не были закончены. Эта система стоит недешево. К тому же добавляются климатические условия во Вьетнаме. Жара и влажность не очень подходят для их сложнейшей электроники. Но, по сообщениям корпорации «Алмаз-Антей», после использования ракет С-400 в Сирии уже появились образцы, приспособленные к условиям тропического климата [Alexei Syunnerberg].

Содействие повышению оборонительного потенциала Вьетнама никак не угрожает Китаю, учитывая асимметрию их потенциалов, но способствует сохранению мира и стабильности в регионе. В определенной мере это сдерживает амбиции китайских военных, охлаждает некоторые «горячие головы» в Китае, ибо цена, которую придется заплатить за развязывание конфликта в ЮКМ, будет достаточно высокой. Хотя стратегическое партнерство России и Вьетнама с сильным военно-техническим компонентом может выглядеть в глазах руководителей КНР как антикитайское, в действительности, как это ни странно, оно работает и на интересы Китая, так как помогает сдерживать укрепление альянса Ханоя с Вашингтоном. Сокращение или полное прекращение поставок вооружений и военной техники из России вынудит Вьетнам на дальнейшее усиление связей с США, Японией и Индией, что замкнет кольцо окружения и сдерживания вокруг Китая, которое создают США, формируя «квартет» из указанных государств с участием ещё и Австралии. Поэтому руководство КНР открыто не возражает против военного сотрудничества России с Вьетнамом. Даже потенциальное возвращение России на базу Кам-

рань для Китая сейчас представляется более приемлемым, чем возвращение туда США.

Нефть и газ сближают, но и разделяют. Больше всего не нравится Пекину участие России в разработке месторождений нефти и газа на шельфе Вьетнама, в его исключительной экономической зоне (ИЭЗ), положенной ему по Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, которую Китай подписал и ратифицировал.

«Роснефть» и «Петровьетнам» уже почти 40 лет сотрудничают в проекте по добыче газа и конденсата и геологоразведке на шельфе Вьетнама. Их совместное предприятие «Роснефть — Вьетнам» выступает в качестве оператора различных проектов, которые реализуются на основе соглашения о разделе продукции (СРП). На предоставленном «Роснефти» блоке 06-1 (Вэнгард бэнк) расположено два газоконденсатных месторождения — Лантай и Ландо. Начальные запасы газа на них — около 66 млрд куб. м. Флагман нашего сотрудничества — СП «Вьетсовпетро» — демонстрирует высокие показатели экономической эффективности, обеспечивая треть объема добычи нефти во Вьетнаме. С участием российских компаний «Зарубежнефть», «Газпром» и «Роснефть» добывается порядка 2/3 объема газа в СРВ [Nick Trickett 2020]. «Роснефть» и Petrovietnam имеют также доли в трубопроводе Нам Кон Шон, по которому осуществляется транспортировка газа и конденсата с шельфовых блоков бассейна Нам Кон Шон на береговой комплекс по производству электроэнергии [Giang Nguyễn].

Китай в последнее время заметно усилил давление на Вьетнам с целью пресечь разработку месторождений газа и нефти в районе Вангард Бэнк. 3 июля 2019 г. крупнейшее исследовательское судно Китая «Морская геология-8» в сопровождении 2 тяжелых кораблей береговой охраны и целой флотилии вспомогательных судов вошла в этот район и без всякого разрешения вьетнамских властей начало проводить сейсмические исследования дна. Одновременно китайская морская полиция потребовала вывода оттуда японской буровой платформы «Хакури 5», которая вела там разведочное бурение по контракту с «Роснефтью». Навстречу вышли 4 корабля береговой охраны Вьетнама. И началось противостояние, к которому добавились вызванные ими подкрепления. Оно продлилось до 8 августа, когда китайское исследовательское судно со всем сопровождением покинуло этот район.

Ситуация сильно напоминала кризис мая 2014 г., когда китайская буровая платформа также вошла в исключительную экономическую зону Вьетнама в северной части этого моря около Парасельских островов. Были жертвы и повреждены несколько вьетнамских погранич-

ных кораблей. Это вызвало такой взрыв протеста во Вьетнаме, который вышел из-под контроля властей. В итоге произошёл погром ряда китайских предприятий, нанёсший значительный ущерб и самому Вьетнаму.

На этот раз вьетнамские власти явно не хотели повторения подобного. Они две недели хранили полное молчание и блокировали все сообщения своих СМИ на эту тему. Но из сообщений гонконгской прессы всё скоро стало известно. Последовали официальные заявления МИД СРВ, вызовы китайского посла, ноты протеста и т. д. Однако усилия вьетнамской дипломатии лишь вызвали ответные заявления китайских властей, которые обвинили Вьетнам, а заодно и «Роснефть» в незаконной добыче нефти в районе, на который якобы распространяется «бесспорный суверенитет» Китая. Тем не менее, японская платформа оставалась на месте, продолжая свою работу вплоть до 15 сентября, как и было записано в её контракте с «Роснефтью».

Действия Китая были явно связаны с начавшимся первым чтением проекта Кодекса поведения сторон в ЮКМ, который уже много лет обсуждается Китаем и странами АСЕАН. Китай категорически заявил, что сотрудничество в эксплуатации морских ресурсов ЮКМ должно осуществляться только между компаниями, которые принадлежат Китаю и странам АСЕАН, но никаким другим «внешним странам». Очевидно, что его цель заключается в том, чтобы установить единоличный контроль над добычей нефти и газа в регионе и вытеснить отсюда все другие иностранные компании. Китай претендует на все месторождения углеводородов в ЮКМ. Его сторожевые корабли и раньше не раз обрезали кабели исследовательских судов различных стран, которые вели разведку на шельфе Вьетнама. В 2021 г. году, например, Китай потребовал прекратить работы испанской фирмы «Репсоль» по разведке месторождения нефти на шельфе Вьетнама, угрожая применить силу против вьетнамских постов на островах Спратли. Такие же требования уже не раз выдвигались и российским компаниям «Газпром» и «Роснефть», но каждый раз встречали категорический отказ с российской стороны, и на этом всё как бы заканчивалось. Однако 9 июля 2020 г. «Роснефть—Вьетнам» под давлением китайских властей расторгла контракт с английской корпорацией «Нобль» на бурение в блоке 06-01 в южной части архипелага Спратли.

Наряду с потерей значительных средств этот разрыв контракта «Роснефти» будет иметь серьёзные последствия для других зарубежных инвесторов, работающих на шельфе Вьетнама. Плохой прецедент

был создан в 2018 г., когда под угрозами Китая корпорация «Вьетпетро» была вынуждена расторгнуть контракт с испанской компанией «Репсол», что обошлось ей в 1 млрд долл. убытка. В отличие от небольшой частной испанской компании «Репсол» в данном случае давление оказывалось на «Роснефть», половина капитала которой принадлежит российскому государству. Решение «Роснефти» стало неожиданным отступлением России от своих интересов. Оно делает ещё более рискованным вложение средств для других инвесторов.

Библиографический список (Введение, глава 1)

Беседа с председателем КНР Си Цзиньпином, 28 июня 2021 г., URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65940> (дата обращения: 13.07.2021).

«Ветры холодной войны»: зачем глава МИД КНР поехал в Европу // *gazeta.ru*. 26.08.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/08/26_a_13212433.shtml (дата обращения: 13.08.2021).

Василевский К. 10 важных цитат президента России о Дальнем Востоке // Комсомольская правда. 04.09.2019. URL: <http://www.kp.ru/daily/27024/4087531/> (дата обращения: 21.05.2021).

В санкциях США к России нашелся китайский след. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/03/04/v-sankciyakh-ssha-k-rossii-nashelsya-kitayskiy-sled.html> (дата обращения: 05.10.2021).

Генри Киссинджер. О Китае. М., 2013.

Глобальный саммит по здравоохранению, 21.05.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/65628> (дата обращения: 20.07.2021).

Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г.Санья, о.Хайнань, Китай. 14.04.2011). URL: <http://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418>

Заседание Совета глав государств — членов ШОС, 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64385> (дата обращения: 21.07.2021).

«Зомбификация бизнеса»: стоит ли России надеяться на восстановление Европы? // *gazeta.ru*. 13.06.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/06/12/13634126.shtml> (дата обращения: 10.12.2021).

Игорь Иванов. Выступление на конференции «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху». 01.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vystuplenie-na-konferentsii-rossiya-i-kitay-sotrudnichestvo-v-novuyu-epokhu/> (дата обращения: 13.07.2021).

Интервью с академиком РАН, профессором В.С. Мясниковым. 29.07.2010. URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-173901.html>

Кашин В.Б. Вьетнам: проблемы обеспечения обороноспособности // Актуальные проблемы вьетнамоведения — 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 107—118.

Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой о специальной сессии Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 20.01.2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4590240 (дата обращения: 20.07.2021).

Коронавирус отбросил экономику Европы на 10—20 лет назад // РБК. 31.07.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/07/2020/5f23f7a49a7947dc0b967d7c> (дата обращения: 10.12.2021).

Кудашев Р.Ш. Моя жизнь в Китае. М., 2008.

К формированию сообщества единой судьбы человечества в контексте международного противоэпидемического сотрудничества под знаменем идеи Си Цзиньпина о дипломатии. 17.04.2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1770843.htm> (дата обращения: 13.12.2020).

Лавров С.В. Вступительное слово // 20-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР: сборник статей / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2021. С. 5.

Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.

Лузянин С.Г. Многомерный Китай академика Титаренко М.Л. // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2014.

Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч., Уянаев С.В. Российско-китайские отношения в новую эпоху: новые проблемы — новые векторы взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2021. С. 5—25. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120016169-6-1/>

Моя вторая родина Китай. Книга памяти об академике М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2018.

Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Т. 2. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. М., 2014. 486 с.

Нуен Суан Фук. Выступление на саммите Россия—АСЕАН в Сочи. МИД СРВ. 21.05.2016. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 23.10.2021).

О торжественном мероприятии, посвященном 20-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKwB5DVBqKA/content/id/4815169 (дата обращения: 11.10.2021).

Полный текст речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0701/c31521-9867521.html> (дата обращения: 01.10.2021).

Полный текст Совместного заявления Китайской Народной Республики и Российской Федерации к 20-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией/ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0629/c31521-9866157.html>

Проблема Китая, оставшаяся за кулисами Женевского саммита. Саммит Путина и Байдена: кто кого // Shukan Gendai (Япония): URL: <https://inosmi.ru/politic/20210628/249994082.html> (дата обращения: 05.10.2021).

Россия — Вьетнам: 20 предложений по повышению эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства». М.: РСМД, 2018.

Российско-вьетнамские отношения сегодня. Сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН 2020. 376 с.

Сайт Главного таможенного управления КНР <http://english.customs.gov.cn/Statics/f63ad14e-b1ac-453f-941b-429be1724e80.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Сайт Главного таможенного управления КНР <http://english.customs.gov.cn/Statics/6b5f4ec9-ea0c-471e-be28-3c9b61c62aad.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Саммит АТЭС, 20.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64454> (дата обращения: 20.07.2021).

Саммит БРИКС, 17.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64430> (дата обращения: 21.07.2021).

Саммит по вопросам климата, 22.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65425> (дата обращения: 20.07.2021).

Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», 27.01.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения: 20.07.2021).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 13.07.2021).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к 20-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkxONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf> (дата обращения: 13.07.2021).

Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова к 20-летию подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, опубликованная «Российской газетой» и китайской газетой «Жэньминь жибао». 16.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKwb5DVBqKA/content/id/4814228 (дата обращения: 17.07.2021).

Телефонный разговор с председателем КНР Си Цзиньпином. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/66450> (дата обращения: 25.10.2021).

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. за № 605 «О мерах реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70170934/> Ukaz Presidenta RF\ (дата обращения: 23.06.2021).

Чжао Хуашэн. Создавать ли Китаю и России союз? // РСМД. 18.01.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/sozdavat-li-kitayu-i-rossii-soyuz/> (дата обращения: 05.10.2021).

Это плохой закон: Европа учит Китай управлять Гонконгом // *gazeta.ru*. 22.06.2020. URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/06/22_a_13126819.shtml (дата обращения: 13.08.2021).

Вайцзяобу: Шицзе юэ ши дундан бу нин, Чжун Э хэцзо юэ яо цзяньдин цяньсин : [МИД: Чем более беспокойным становится мир, тем более настойчиво следует продвигать вперед китайско-российское сотрудничество] // *Жэньминь жибао*. 23.03.2021. С. 3. (На кит. яз.).

Ван И тань Чжун Э сы дянъ чжаньлюэ гунши хэ сы да нули фансян : [Ван И о четырех стратегических консенсусах и четырех направлениях усилий Китая и России] // *Вайцзяобу*. 2021, 23 марта. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbhd/t1863358.shtml> (дата обращения: 16.07.2021). (На кит. яз.).

Ван И тун Элосы вайчжан Лафулофу тун дянъхуа : [Ван И провел беседу по телефону с главой российского МИДа Лавровым] // *Жэньминь жибао*. 05.06.2021. С. 3. (На кит. яз.).

Ван И цзай ди 56 цзе Мунихэй анцюань хуэйи шан фабяо яньцзян [Выступление Ван И на 56-й Мюнхенской конференции по безопасности], 15.02.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1745338.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит. яз.).

Ван И цзай шисань цзе цюаньго жэньда сы цы хуэйи цзюйсин дэ шипинь цзичжэ хуэй шан цзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуэйда чжун вай цзичжэ тивэнь : [Ван И на видео пресс-конференции во время 4-ой сессии ВСНП 13-го созыва ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и международных отношениях Китая] // *Жэньминь жибао*. 08.03.2021. С. 3. (На кит. яз.).

Ван И. Чуаньчэн мулинъ юхао кайци шидай чжэнчэн — се цзай «Чжун Э мулинъ юхао хэцзо тьяоюэ» цянъшу эрши чжоунянь чжи цзи : [Унаследовать добрососедство и дружбу, открыть путь эпохи — написано в преддверии двадцатилетия подписания китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве] // *Жэньминь жибао*. 16.07.2021. С. 6. (На кит. яз.).

Ван И: даго индан цзо «сы гэ бяошуай» : [Ван И: большое государство должно показывать «четыре примера»] // *Синьхуа*. 23.03.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/2021-03/23/c_1127246180.htm (дата обращения: 16.07.2021). (На кит. яз.).

Ван И: Чжун Э чжаньлюэ хэцзо мэю чжицзин, мэю цзиньцюй, мэю шансянь : [Ван И: У китайско-российского стратегического сотрудничества нет конца, нет запретных зон, нет верхнего ограничителя] // *Вайцзяобу*. 02.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbhd/t1844069.shtml> (дата обращения: 16.07.2021). (На кит. яз.).

Гоу вэйюань цзянь вайцзяо бучжан Ван И цзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуэйда чжунвай цзичже тивэнь [Член Госсовета и МИД КНР Ван И отве-

чает на вопросы отечественных и иностранных корреспондентов о китайской дипломатии и внешних связях]. 24.05.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1782257.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит. яз.).

Жан шицзе каньдао даго дэ янцзы — юаньшоу вайцзяо иньлин Чжун Э гуаньси кобу сянциань [Пусть мир увидит облик большого государства — дипломатия первых лиц широкими шагами ведет вперед китайско-российские отношения] // Синьхуа. 09.05.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-05/09/c_1127423734.htm (дата обращения: 16.07.2021). (На кит. яз.).

Ли Цзябао. Чжун Э шэндун цюаньши синьсин даго гуаньси [Китай и Россия ярко интерпретируют новый тип отношений между крупными державами]. Жэньминь жибао. 10.07.2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0710/c1002-32154005.html> (На кит. яз.).

Си Цзиньпин тун Элосы цзунтун Пуцзин фэньбе сян Чжун Э чжичжэндан дуйхуа цзичжи ди цзю цы хуэйи чжи хэсинь : [Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин направили поздравительные письма участникам 9-го заседания механизма диалога правящих партий Китая и России] // Жэньминь жибао. 21.04.2021. С. 1—2. (На кит. яз.).

Си Цзиньпин тун Элосы цзунтун Пуцзин цзюйсин шипинь хуэйу лян го юаньшоу сюаньбу «Чжун Э мулинь юхао хэцзо тяююэ» яньци : [Си Цзиньпин провел видеовстречу с президентом России Путиным, главы двух государств объявили о продлении китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве] // Жэньминь жибао. 29.06.2021. С. 2. (На кит. яз.).

Си Цзиньпин цзай «линджаожэнь цихоу фэнхуэй» шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на саммите по вопросам климата (полный текст)]. 22.04.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин цзай Ляньхэго чэнли 75 чжоунянь цзиньнянь фэнхуэй шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на сессии ГА ООН в честь 75-летия основания Организации (полный текст)]. 22.09.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин цзай Цзиньчжуань гоця линдаожэнь ди шиэр ци хуэйу шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на 12-й встрече лидеров стран БРИКС (полный текст)]. 17.11.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1833116.shtml> (дата обращения: 20.07.2021). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин цзай Шанхай хэцзо цзучжи чэньюаньго юаньшоу лишихуэй ди эрши ци хуэйи шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на 20-й встрече глав государств ШОС (полный текст)]. 10.11.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1831131.shtml> (дата обращения: 21.07.2021). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин цзай шицзе цзинци луньтань «Давосы ичэн» дуйхуахуэй шан дэ тэбе чжици [Специальное обращение Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме «Давосская повестка дня 2021»]. 25.01.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1848322.shtml> (дата обращения: 20.07.2021). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин цзай Ятай цзинхэ цзучжи ди эршичи ци линдаожэнь фэйчжэнши хуэйи шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на 27-й неофициальной встрече лидеров АТЭС (полный текст)]. 20.11.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1834224.shtml> (дата обращения: 20.07.2021). (На кит. яз.).

Ташан даго вайцзяо синь чжэнчэн (Хэ Инь) — фан янь эр лин эр и нянь : [Дипломатия большого государства выходит в новый путь (комментарий Хэ Инь) — взгляд в 2021 год] // Жэньминь жибао. 04.01.2021. С. 3. (На кит. яз.).

Чжао Лицзянь шо Чжун Э гуаньси бай лян чэн цзинь [Чжао Лицзянь сказал, что длительная закалка превратила китайско-российские отношения в драгоценность] // Синьхуа. 25.05.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-05/25/c_1127490422.htm (дата обращения: 16.07.2021). (На кит. яз.).

Чжунго хэ Инду фабяо «Ляньхэ сюаньянь» (вэньцзянь) [Китай и Индия опубликовали «Совместное заявление» (Документ)]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/1207_677232/t281112.shtml (дата обращения: 13.07.2021). (На кит. яз.).

Чжун э вайчжан сян Чжун Э чжику гаодуань луньтань цзо шипинь чжицы : [Главы МИД Китая и России обратились по видеосвязи к форуму высокого уровня мозговых центров Китая и России] // Жэньминь жибао. 02.06.2021. С. 3. (На кит. яз.).

Чжун Э чжичжэндан дуйхуа цзичжи ди цзю цы хуэйи дачэн чжуньяо гунши чэнго : [Результаты достигнутого важного консенсуса девятого заседания механизма диалога правящих партий Китая и России] // Жэньминь жибао. 21.04.2021. С. 7. (На кит. яз.).

Элосы цзунтун Пуцзин тун Ян Цзечи тун дянхуа [Президент России Путин побеседовал по телефону с Ян Цзечи] // Жэньминь жибао. 26.05.2021. С. 3. (На кит. яз.).

Ян Цзечи. Цзяньдин вэйху хэ цзяньсин добяньчжуи цзяньчши туйдун гоуцзянь жэньлэй миньюнь гунтунти [Ян Цзечи. Решительно защищать и продвигать мультилатерализм. Содействовать строительству сообщества единой судьбы человечества]. 21.02.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1855418.shtml> (дата обращения: 20.07.2021). (На кит. яз.).

Ян Цзечи. Чжунго гунчяндан цзяндан байнянь лай вайши гунцзо дэ гуанхуэй личэн хэ юаньда цянъизин : [Светлый исторический путь и великие перспективы внешнеполитической работы за столетие со времени создания КПК] // Цюши. 2021. № 10. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-05/16/c_1127447088.htm (дата обращения: 16.07.2021). (На кит. яз.).

Alexei Syunnerberg. Vũ khí Nga tăng cường sức mạnh của Quân đội Nhân dân Việt Nam [Российское оружие укрепляет силы Вьетнамской народной армии] URL: <https://vn.sputniknews.com/20191222/vu-khi-nga-tang-cuong-suc-manh-cua-quan-do-i-nhan-dan-viet-nam-8397988.html> (дата обращения: 11.04.2021). (На вьет. яз.).

Dmitry Shorkov. Quân đội Việt Nam có thể được trang bị xe tăng cực kỳ hiện đại của Nga [Вьетнамская армия может быть оснащена исключительно современными

российскими танками]. URL: <https://vn.sputniknews.com/20190403/quan-doi-viet-nam-xe-tang-t-90-proryv-7339692.html> (дата обращения: 11.04.2021). (На вьет. яз.).

Giang Nguyễn Năng lượng LNG mở ra cho Việt Nam một cơ hội mới về kinh tế và chính trị? [Открывает ли энергетика сжиженного газа новые экономические и политические возможности для Вьетнама?]. 28.08.2020. URL: https://www.rfa.org/vietnamese/in_depth/can-lng-open-up-economic-and-political-opportunities-for-vietnam-08282020170501.html (дата обращения: 21.05.2021). (На вьет. яз.).

Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Mutual_Cooperation_and_Security_between_Japan_and_the_United_States_of_America (дата обращения: 13.07.2021).

References

Alexei Syunnerberg. Vũ khí Nga tăng cường sức mạnh của Quân đội Nhân dân Việt Nam [Russian Weapons Strengthen the Forces of the Vietnam People's Army], 22 December, 2019. URL: http://www.vn.sputniknews.com/vietnam_russia/201912228397988 (accessed: 11 March, 2021). (In Vietnamese).

Beseda s Predsedatelem KNR Si Czzin'pinom 28 iyunya 2021 g. [Conversation with Chinese President Xi Jinping, 28 June, 2021], URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65940> (accessed: 13 July, 2021). (In Russian).

Deklaraciya, prinyataya po itogam sammita BRIKS (g.San`ya, o.Xajnan`, Kitaj, 14 aprelya 2011 goda) [The Declaration Adopted at the End of the BRICS Summit (Sanya, Hainan, China, April 14, 2011)]. URL: <http://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (accessed: 13 July, 2021). (In Russian).

Dmitry Shorkov. Quân đội Việt Nam có thể được trang bị xe tăng cực kỳ hiện đại của Nga [The Vietnamese Army Can Be Equipped Exclusively with Modern Russian Tanks], April 3, 2019. URL: <https://vn.sputniknews.com/20190403/quan-doi-viet-nam-xe-tang-t-90-proryv-7339692.html> (accessed: 11 April, 2021). (In Vietnamese).

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj 16 iyulya 2001 goda [Treaty of Good Neighborliness and Friendly Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China July 16, 2001]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (accessed: 13 July, 2021). (In Russian).

Eluosi zongtong Pujing tong Yang Jiechi tong dianhua [Russian President Vladimir Putin Speaks with Yang Jiechi on the Phone] // Renmin ribao (People's Daily). May 26, 2021. P. 3. (In Chinese).

Eto plohoj zakon: Evropa učit Kitaj upravlyat' Gonkongom [This is a Bad Law: Europe Teaches China to Rule Hong Kong] // gazeta.ru, June 22, 2020. URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/06/22_a_13126819.shtml (accessed: 13 August, 2021). (In Russian).

Giang Nguyễn Năng lượng LNG mở ra cho Việt Nam một cơ hội mới về kinh tế và chính trị? [Does Liquefied Natural Gas Energy Open Up New Economic and Political

Opportunities for Vietnam?], August 28, 2020. URL: <https://www.rfa.org/vietnamese/in-depth/can-Ing-open-up-economic-and-political-opportunities-for-vietnam-08282020170501.html> (accessed: 21 May, 2021). (In Vietnamese).

Global'nyj sammit po zdrazvoohraneniyu [Global Health Summit], 21 May, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/65628> (accessed: 20 July, 2021). (In Russian).

Guowu weiyuan jian waijiao buzhang Wang Yi jiu Zhongguo waijiao zhengce he duiwai guanxi huida zhongwai jizhe tiwen [State Councilor and Foreign Minister Wang Yi Answered Questions from Chinese and Foreign Media about China's Foreign Policy and External Relations], May 24, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1782257.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Henry Kissinger. O Kitae [About China]. M., 2013. (In Russian).

Igor' Ivanov. Vy'stuplenie na konferencii «Rossiya i Kitaj: sotrudnichestvo v novuyu e'poxu» 1 iyunya 2021 g. [Speech at the conference “Russia and China: Cooperation in a new era” June 1, 2021]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vystuplenie-na-konferentsii-rossiya-i-kitay-sotrudnichestvo-v-novuyu-epokhu/> (accessed: 13 July, 2021). (In Russian).

Interv'yu c akademikom RAN, professorom V. S. Myasnikovym 29 iyulya 2010 g. [Interview with Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor V.S. Myasnikov, July 29, 2010]. URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-173901.html> (accessed: 13 July 2021). (In Russian).

Kashin V.B. V'etnam: problemy obespecheniya oboronosposobnosti // «Aktual'nye problemy v'etnamovedeniya — 2019: v'etnamo-kitajskie otnosheniya posle vojny 1979 goda» [Vietnam: Problems of Ensuring Defense Capability // “Actual Problems of Vietnamese Studies — 2019: Vietnamese-Chinese Relations after the 1979 War”]. M.: IFES RAS, 2019. P. 107—118. (In Russian).

Kommentarij oficial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zaharovoj o special'noj sessii Myunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti [Comment by the Official Representative of the Russian Foreign Ministry, M.V. Zakharova, on the Special Session of the Munich Conference on Security Policy], January 20, 2021. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4590240 (accessed: 20 July 2021). (In Russian).

Koronavirus otbrosil ekonomiku Evropy na 10—20 let nazad [Coronavirus Has Set Back the European Economy by 10—20 Years Ago] // RBK, July 31, 2020. <https://www.rbc.ru/economics/31/07/2020/5f23f7a49a7947dc0b967d7c> (accessed: 10 December, 2021). (In Russian).

Kudashev R.SH. Moya zhizn' v Kitae [My Life in China]. M., 2008. (In Russian).

K formirovaniyu soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva v kontekste mezhdunarodnogo protivoepidemicheskogo sotrudnichestva pod znamenem idei Si Czin'pina o diplomatii [Towards the Formation of a Community of a Common Destiny of Humanity in the Context of International Anti-epidemic Cooperation Under the Banner of Xi Jinping's Idea of Diplomacy], April 17, 2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1770843.htm> (accessed: 13 December, 2020). (In Russian).

Lavrov S.V. Vstupitel'noe slovo // 20-letie Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru RF i KNR: sbornik statej [Introductory Speech // 20th Anniversary of the Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation Between the Russian Federation and China: collection of articles] / Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam (RSMD). M.: NP RSMD, 2021. P. 5. (In Russian).

Li Jiabao. Zhong E shengdong quanshi xinxing daguo guanxi [China and Russia Vividly Interpret a New Type of Relations Between Major Powers]. Renmin ribao (People's Daily). July 10, 2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0710/c1002-32154005.html> (accessed: 13 July 2021) (In Chinese).

Lokshin G.M. YUzhno-Kitajskoe more: trudnyj poisk soglasiya [South China Sea: the Difficult Search for Agreement]. M.: IFES RAS. 2013. (In Russian).

Luzyanin S.G. Mnogomernyj Kitaj akademika Titarenko M.L. / Sbornik «Kitaj na puti k vozrozhdeniyu. K 80-letiyu akademika M.L. Titarenko [Multidimensional China of Academician Titarenko M.L. / Collection “China on the Way to Revival. To the 80th Anniversary of Academician M.L. Titarenko]. M.: ID «Forum», 2014. (In Russian).

Mamahatov T.M., Mokreckij A.CH., Uyanaev S.V. «Rossijsko-kitajskie otnosheniya v novuyu epohu: novye problemy — novye vektory vzaimodejstviya» [“Russian-Chinese Relations in a New Era: New Problems — New Vectors of Interaction”] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2021. P. 5—25 URL: <https://pdv.jes.su/s013128120016169-6-1/> (accessed: 13 October, 2021). (In Russian).

«Moya vtoraya rodina Kitaj». Kniga pamyati ob akademike M.L. Titarenko [“My Second Homeland Is China.” The Book of Memory of Academician M.L. Titarenko]. M. IFES RAS, 2018. (In Russian).

Myasnikov V.S. Kastal'skij klyuch kitaaveda.t.2. Dogovorny'mi stat'yami utverдили. Rossiya i Kitaj: 400 let mezhdgosudarstvenny'x otnoshenij [The Castalian Key of the Sinologist. vol.2. The Contractual Articles Were Approved. Russia and China: 400 Years of Interstate Relations]. M., 2014. 486 p. (In Russian).

Nguen Suan Fuk. Vystuplenie na sammite Rossiya-ASEAN v Sochi [Speech at the Russia-ASEAN Summit in Sochi]. May 21, 2016 URL: <http://russia-asean20.ru/documents/>. (accessed: 23 October, 2021). (In Russian).

O torzhestvennom meropriyatii, posvyashchennom 20-letiyu podpisaniya Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiye i Kitayem [On the solemn event dedicated to the 20th anniversary of the signing of the Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between Russia and China] URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/4815169 (accessed: 11 October, 2021). (In Russian).

Polnyy tekst rechi Si TSzin'pina na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letiya so dnya osnovaniya KPK [Full text of Xi Jinping's speech at the commemorative meeting on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the CCP] URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0701/c31521-9867521.html> (accessed: 01 October, 2021). (In Russian).

Polnyj tekst Sovmestnogo zayavleniya Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Rossijskoj Federacii k dvadcatiletiyu podpisaniya Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Kitajskoj Narodnoj Respublikoj i Rossijskoj Federaciej [Full Text

of the Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on the Twentieth Anniversary of the Signing of the Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation] / URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0629/c31521-9866157.html> (accessed: 13 July 2021). (In Russian).

Problema Kitaya ostavshayasya za kulisami ZHenevskogo sammita. Sammit Putina i Bajdena: kto kogo? Shukan Gendai (Japan). [Shukan Gendai (Japan): the Problem of China, Which Remained Behind the Scenes of the Geneva Summit. Putin and Biden Summit: Who Is Who? Shukan Gendai (Japan)] URL: <https://inosmi.ru/politic/20210628/249994082.html> (accessed: 05 October, 2021). (In Russian).

Rang shijie kandao daguo de yangzi — yuanshou wajiao yinling Zhong E guanxi kuobu xiangqian [Let the World See the Face of a Great Power — the Diplomacy of the First Persons Leads the Sino-Russian Relations Forward with Broad Steps] // Xinhua. May 9, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-05/09/c_1127423734.htm (accessed: 16 July, 2021). (In Chinese).

Rossiya — V'etnam: 20 predlozhenij po povysheniyu effektivnosti vseob"emlyushchego strategicheskogo partnerstva» [Russia — Vietnam: 20 Proposals to Improve the Effectiveness of a Comprehensive Strategic Partnership"]. M.: RSMD, 2018. (In Russian).

Rossijsko-v'etnamskie otnosheniya segodnya. Sfery sovpadeniya interesov [Russian-Vietnamese Relations Today. Areas of Convergence of Interests]. M.: IFES RAS, 2020. 376 p. (In Russian).

Sajt Glavnogo tamozhennogo upravleniya KNR [Website of the General Administration of Customs of the People's Republic of China]. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/f63ad14e-b1ac-453f-941b-429be1724e80.html> (accessed: 10 August, 2021).

Sajt Glavnogo tamozhennogo upravleniya KNR [Website of the General Administration of Customs of the People's Republic of China]. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/f63ad14e-b1ac-453f-941b-429be1724e80.html> (accessed: 10 August, 2021).

Sajt Glavnogo tamozhennogo upravleniya KNR [Website of the General Administration of Customs of the People's Republic of China]. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/6b5f4ec9-ea0c-471e-be28-3c9b61c62aad.html> (accessed: 10 August, 2021).

Sammit ATEC [APEC Summit], November 20, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64454> (accessed: 20 July, 2021). (In Russian).

Sammit BRIKS [BRICS Summit], November 17, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64430> (accessed: 21 July, 2021). (In Russian).

Sammit po voprosam klimata [Climate Summit], April 22, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65425> (accessed: 20 July, 2021). (In Russian).

Sessiya onlajn-foruma «Davoskaya povestka dnya 2021» [Session of the Davos Agenda 2021 Online Forum], January 27, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938> (accessed: 20 July, 2021). (In Russian).

«Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii odnoshenij vseob`emlyushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushhix v novuyu e`poxu» [“Joint Statement of the Russian Federation and the People’s Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era”]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 13 July, 2021). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki k dvadczatiletiju podpisaniya Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj [Joint Statement of the Russian Federation and the People’s Republic of China on the Twentieth Anniversary of the Signing of the Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation Between the Russian Federation and the People’s Republic of China]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf> (accessed: 13 July, 2021). (In Russian).

Stat`ya Ministra inostranny`x del Rossijskoj Federacii S.V.Lavrova k 20-letiyu podpisaniya rossijsko-kitajskogo Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve, opublikovannaya «Rossijskoj gazetoj» i kitajskoj gazetoj «Zhe`n`min` Zhibao», 16 iyulya 2021 goda. [Article by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov on the 20th anniversary of the signing of the Russian-Chinese Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation, published by Rossiyskaya Gazeta and the Chinese newspaper Renmin Ribao, July 16, 2021.] URL:https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/4814228 (accessed: 17 July, 2021). (In Russian).

Tashang daguo wajijiao xin zhengcheng (He Yin) — fangyan er lin er yi nian : [The Diplomacy of a Great Power is Entering a New Path (Comment by He Yin) — a Look into 2021] // Renmin ribao (People’s Daily). January 4, 2021. P. 3. (In Chinese).

Telefonny`j razgovor s Predsedatelem KNR Si Czzin`pinom [Telephone conversation with Chinese President Xi Jinping.] URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/66450> (accessed: 25, October, 2021). (In Russian).

Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Mutual_Cooperation_and_Security_between_Japan_and_the_United_States_of_America (accessed: 13 July, 2021).

Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2012 g. za № 605 «O merah realizacii vneshnepoliticheskogo kursa Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation Dated May 7, 2012 No. 605 “On Measures to Implement the Foreign Policy of the Russian Federation”] // Sistema GARANT. URL: http://base.garant.ru/70170934/Ukaz_Prezidenta_RF/ (accessed: 23 June, 2021). (In Russian).

Vasilevskij K. 10 vaznyh citat Prezidenta Rossii o Dal`nem Vostoke [10 Important Quotes of the President of Russia about the Far East] // Komsomol'skaya pravda, September 4, 2019. URL: <http://www.kp.ru/daily/27024/4087531/> (accessed: 21 May, 2021). (In Russian).

«Vetry holodnoj vojny»: zachem glava MID KNR poekhal v Evropu [“Cold War Winds”: Why the Chinese Foreign Minister Went to Europe] // gazeta.ru. August 26,

2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/08/26_a_13212433.shtml (accessed: 13 August, 2021). (In Russian).

V sankciyah SSHA k Rossii nashelsya kitajskij sled [There Was a Chinese Trace in the US Sanctions Against Russia]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/03/04/v-sankciy-akh-ssha-k-rossii-nashelsya-kitajskiy-sled.html> (accessed: 05 October, 2021). (In Russian).

Waijiaobu: Shijie yue shi dongdang bu ning, Zhong E hezuo yue yao jiangding qianxing : [Foreign Ministry: The More Restless the World Becomes, the More Insistently Sino-Russian Cooperation Should be Pushed Forward] // Renmin ribao (People's Daily). March 23, 2021. P. 3. (In Chinese).

Wang Yi. Chuancheng mulin youhao kaiqi shidai zhengcheng — xie zai “Zhong E mulin youhao hezuo tiaoyue” qianshu ershi zhounian zhi ji : [To Inherit Good-neighborliness and Friendship, to Open the Path of the Era — Written on the Eve of the Twentieth Anniversary of the Signing of the Sino-Russian Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation] // Renmin ribao (People's Daily). July 16, 2021. P. 6. (In Chinese).

Wang Yi tan Zhong E si ge zhanlue gongshi he si ge fangxiang. Waijiaobu. 23.03.2021 [Wang Yi on the Four Strategic Consensus and Four Directions of Chinese and Russian Efforts. Ministry of Foreign Affairs. March 23, 2021] URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1863358.shtml> (accessed: 16 July, 2021). (In Chinese).

Wang Yi tong Eluosi waizhang Lafuluofu tong dianhua : [Wang Yi Speaks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov on the Phone] // Renmin ribao (People's Daily). June 5, 2021. P. 3. (In Chinese).

Wang Yi zai di 56 jie Munihei anquan huiyi shang fabiao yanjiang [Wang Yi Delivers a Speech at the 56th Munich Security Conference], February 15, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1745338.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Wang Yi zai shisan jie quanguo renda si ci huiyi juxing de shipin jizhehui shang jiu Zhongguo wajiao zhengce he duiwai guanxi huida zhongwai jizhe tiwen : [Wang Yi attends a press conference on China's foreign policy and foreign relations via video link on the sidelines of the fourth session of the 13th National People's Congress] // Renmin ribao (People's Daily). March 8, 2021. P. 3. (In Chinese).

Wang Yi: daguo yingdang zuo “si ge biao shuai” : [Wang Yi: a Great Power Should Show “Four Examples”] // Xinhua. March 23, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/2021-03/23/c_1127246180.htm (accessed: 16 July, 2021). (In Chinese).

Wang Yi: Zhong E zhanlue hezuo meiyou zhijing, meiyou jinqu, meiyou shangxian: [Wang Yi: There is no ceiling to the China-Russia strategic cooperation, no forbidden zone, no upper limit] // Waijiaobu. January 2, 2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml> (accessed: 16 July, 2021). (In Chinese).

Xi Jinping tong Eluosi zongtong Pujing fenbie xiang Zhong E zhizhengdang duihua jizhi di jiu ci huiyi zhi hexin: [Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin Respectively Send Congratulatory Letters to the 9th Meeting of China-Russia Dialogue Mechanism Between Ruling Parties] // Renmin ribao (China daily). April 21, 2021. P. 1—2. (In Chinese).

Xi Jinping tong Eluosi zongtong Pujing juxing shipin huiwu Liang guo yuanshou xuanbu “Zhong E mulin youhao hezuo tiaoyue” yanqi : [Xi Jinping Held a Video meeting with Russian President Putin, the Two Heads of State Announced the Extension of the Sino-Russian Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation] // Renmin ribao (China daily). June 29, 2021. P. 2. (In Chinese).

Xi Jinping zai jinzhuan guojia lingdaoren di shier ci huiwu shang de jianghua (quanwen) [Full Text: Remarks by Chinese President Xi Jinping at 12th BRICS Summit], November 17, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1833116.shtml> (accessed: 20 July, 2021). (In Chinese).

Xi Jinping zai “lingdaoren qihou fenghui” shang de jianghua (quanwen) [Full Text: Remarks by Chinese President Xi Jinping at Leaders' Summit on Climate], April 22, 2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Xi Jinping zai Lianheguo chengli 75 zhounian jinian fenghui shang de jianghua (quanwen) [Full text: Statement by Xi Jinping at General Debate of 75th UNGA], September 22, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Xi Jinping zai Shanghai hezuo zuzhi chengyuanguo yuanshou lishihui di ershi ci huiyi shang de jianghua (quanwen) [Full Text: Remarks by Chinese President Xi Jinping at 20th meeting of SCO Council of Heads of State], November 10, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1831131.shtml> (accessed: 21 July 2021). (In Chinese).

Xi Jinping zai shijie jingji luntan “Dawosi yicheng” duihuahui shang de tebie zhici [Xi Jinping's Special Address at the World Economic Forum “Davos Agenda 2021”], January 25, 2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1848322.shtml> (accessed: 20 July 2021). (In Chinese).

Xi Jinping zai Yatai jinghe zuzhi di ershiqi cai lingdaoren feizhengshi huiyi shang de jianghua (quanwen) [Full text of Chinese President Xi Jinping's remarks at the 27th APEC Economic Leaders' Meeting], November 20, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1834224.shtml> (accessed: 20 July 2021). (In Chinese).

Yang Jiechi. Jianding weihe he jianxing duobianzhuyi jianchi tuidong goujian renlei mingyun gongtongti [Firmly Uphold and Practice Multilateralism and Build a Community with a Shared Future for Mankind], February 21, 2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1855418.shtml> (accessed: 20 July, 2021). (In Chinese).

Yang Jiechi. Zhongguo gongchandang jiandang bainian lai waishi gongzuo de guanghui lichen he yuanda qianjing : [Foreign Affairs Work Since the Founding of the Communist Party of China: A Century of Glorious Achievements and a Future of Bright Prospects] // Qiushi. 2021 № 10. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-05/16/c_1127447088.htm (accessed: 16 July, 2021). (In Chinese).

Zasedanie Soveta glav gosudarstv — chlenov SHOS [Meeting of the Council of Heads of SCO Member States], November 10, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64385> (accessed: 21 July, 2021). (In Russian).

«Zombifikaciya biznesa»: stoit li Rossii nadeyat'sya na vosstanovlenie Evropy? [“Zombification of Business”: Should Russia Hope for the Restoration of Europe?] //

gazeta.ru. June 13, 2021. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/06/12/13634126.shtml> (accessed: 10 December, 2021). (In Russian).

Zhao Huasheng. Sozdavat' li Kitayu i Rossii soyuz? [Should China and Russia Form an Alliance?] // RSMD, January 18, 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sozdavat-li-kitayu-i-rossii-soyuz/> (accessed: 5 October, 2021). (In Russian).

Zhao Lijian shuo Zhong E guanxi bailian chengjin [Zhao Lijian Said that the Long-term Hardening has Turned Sino-Russian Relations into a Jewel] // Xinhua. 25 May, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-05/25/c_1127490422.htm (accessed: 16 July, 2021). (In Chinese).

Zhongguo he Yindu fabiao “Lianhe xuanyan” (wenjian) [China and India Have Published a “Joint Statement” (Document)]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/1207_677232/t281112.shtml (accessed: 13 July, 2021). (In Chinese).

Zhong E zhizhengdang duihua jizhi di jiu ci huiyi dacheng zhongyao gongshi chengguo: [The Results of the Important Consensus Reached at the Ninth Meeting of the Dialogue Mechanism of the Ruling Parties of China and Russia] // Renmin ribao (People's Daily). 21 April, 2021. P. 7. (In Chinese).

Zhong E waizhang xiang Zhong E zhiku gaoduan luntan zuo shipin zhici : [Chinese and Russian Foreign Ministers Deliver Video Speeches to China-Russia High-level Think Tank Forum] // Renmin ribao (People's Daily). June 2, 2021. P. 3. (In Chinese).

Глава II

РОССИЯ И КИТАЙ В ЕВРАЗИИ

2.1. Основные вызовы и угрозы на пространстве ШОС и сотрудничество государств — участников Организации по их нейтрализации

Большинство представителей экспертного сообщества в России и на Западе связывали основные вызовы безопасности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на центральноазиатском направлении с выводом войск западной коалиции из Афганистана. Вместе с тем представители командования ВС, администрации США и афганской общественности выражали серьёзные опасения по поводу того, что после ухода иностранных войск из Исламской Республики Афганистан (ИРА) в стране будет нарушено шаткое равновесие, а под контролем Талибана окажется большая часть республики со всеми вытекающими негативными последствиями.

По мнению многих экспертов Министерства иностранных дел, Минобороны и других силовых ведомств РФ, обострение гражданской войны после вывода войск натовской коалиции представлялось весьма вероятным. Директор Службы внешней разведки России С. Нарышкин заявил, что «ситуация в Афганистане деградирует. Это ведет к усугублению внутреннего конфликта» [Нарышкин С.].

Развитие ситуации складывалось в пользу того, что в борьбу за власть в Кабуле вступят правящий режим и запрещённая в России группировка «Талибан». По информации МИД России, Талибан контролировал более половины афганской территории и продолжал вооружённую борьбу с правительством страны. Мнение российского внешнеполитического ведомства о расстановке сил в ИРА подтверждало ВВС, корреспондент которого отмечал, что афганское прави-

тельство контролировало города и крупные поселения, а талибы — обширные сельские территории [Пац А.]. До окончания вывода коалиционных сил в сентябре 2021 г. талибы систематическими боевыми действиями изматывали правительственные войска, постепенно занимая новые территории. А после ухода иностранных войск из ИРА следовало ожидать их массированного наступления по всей стране.

Более радикальным вариантом был немедленный переход «Талибана» к массированным наступательным действиям на территории всей страны.

По сообщениям СМИ, в руках талибов на тот момент находилось уже более 50 районов, или около 50 % территории Афганистана.

Характерно, что о своих предстоящих операциях талибы заблаговременно предупреждали военнослужащих министерства обороны и представителей полиции центральной власти Афганистана, многие из которых после этого дезертировали, а часть переходила на сторону «Талибана».

Однако угрозу центральной власти в Афганистане представляли не только талибы. «Аль-Каида» также не сошла со сцены. В МИД России предупреждали, что несмотря на снижение её потенциала, террористические ячейки «Аль-Каиды», согласно данным ООН, присутствовали в 11 афганских провинциях. Минобороны Афганистана отмечало, что талибы продолжали поддерживать связи с «Аль-Каидой», несмотря на обязательства перед США разорвать контакты со всеми боевыми группировками исламистов.

Таким образом, Афганистан превратился в относительно безопасное убежище и новый рассадник радикального исламизма мигрировавших из Сирии боевиков Исламского псевдогосударства (ИГ, запрещённое в России), которые регулярно осуществляли теракты, в том числе в Кабуле. Среди игиловцев преобладали выходцы из Центральной Азии и России, которые после ухода союзников по НАТО из Афганистана скорее всего продолжают экспансию в Таджикистан и Узбекистан.

Это еще раз подтвердил секретарь российского Совета безопасности Н. Патрушев, выступая на Московской международной конференции по безопасности в июне 2021 г. По его словам, деградация обстановки в Афганистане, которая прогрессировала по мере вывода воинских контингентов США и НАТО, способствовала наращиванию террористической активности «Исламского государства» и «Аль-Каиды».

Нельзя забывать и о том, что наряду с ИГ и «Аль-Каидой» в Афганистане продолжают действовать более 20 других террористических группировок.

Рассеивая опасения своих оппонентов, президент США Джо Байден пообещал продолжать поддержку правительства Афганистана. Например, за счет военных баз в Центральной Азии (Узбекистане и Киргизии), где они ранее уже размещались. Сначала об этом сообщил ряд американских СМИ. Так, согласно публикации в *New York Times*, Пентагон строит планы «дистанционной войны» в Афганистане с территории Таджикистана, Казахстана или Узбекистана. Позже информацию журналистов подтвердил глава Службы внешней разведки РФ С. Нарышкин [Исаев А.].

Однако в складывающихся условиях Вашингтон вряд ли мог что-либо изменить. Даже размещение американских войск в одной из соседних с Афганистаном стран — не факт. Узбекистан и Пакистан заявили о несогласии с присутствием баз США на их территории.

Размещение военных баз в странах, не граничащих с Афганистаном (например, в Катаре, Кувейте, Омане), было нецелесообразно с точки зрения их удаленности, а, следовательно, и невозможности оперативного реагирования на ситуацию [Умаров Т.]. В этих условиях вполне оправданной представлялась обеспокоенность со стороны России угрозой распространения исламского экстремизма и активизации наркотрафика не только в центральноазиатском регионе, но и за его пределы.

Попыток перенести джихад за границы Афганистана можно было ожидать как от планирующих превратить страну в «шариатский эмират» талибов, так и, что более вероятно, от боевиков «Исламского государства», которые удерживали контроль над отдельными районами севера страны.

Возможностью распространить свое влияние на Центральную Азию со стороны исламистов оказались озабочены многие участники Шанхайской организации сотрудничества. Находящийся под американскими санкциями Иран нуждается в китайских инвестициях, а потому стремится стать активным участником проходящего по территории Центральной Азии мегапроекта «Один пояс — один путь», пытается нарастить участие в делах региона. Не случайно в апреле 2021 г. министр иностранных дел Ирана совершил турне по всем пяти центральноазиатским странам, устанавливая с ними конструктивные отношения. Позже в СМИ появилась информация о выдви-

жении к границе с Афганистаном подразделений и частей иранских вооружённых сил.

Китай также настороженно отнёсся к неподготовленному должным образом выходу из Афганистана иностранного контингента ВС. Министр иностранных дел КНР Ван И считал, что «поспешный вывод США войск из Афганистана уже стал серьезным ударом для процесса перемирия в Афганистане и отрицательно сказался на региональной стабильности. Соседние с Афганистаном страны должны усилить взаимодействие, выступить единым фронтом и предпринять скоординированные действия» [Золотарёв А.]. Поэтому, после его обсуждения с коллегами из пяти стран Центральной Азии ситуации в регионе в результате вывода американского контингента из Афганистана участники совещания, как информировали китайские СМИ, договорились усилить совместную борьбу против терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма. В Пекине рассчитывают, что азиатские государства смогут опереться на ШОС, куда также входят Китай, Россия, Индия и Пакистан.

Однако всё не так просто. Индия сумела стать важным игроком в Афганистане. Сегодня она — крупнейший в регионе донор для этой страны. Дели сыграл важную роль в подготовке кадров для афганской национальной армии и полиции и активно поддерживал политику центрального правительства в противовес Исламабаду, традиционно делавшему ставку на выращенных им талибов. В соответствии со своей концепцией «стратегического окружения» Пакистана, призванной противостоять пакистанской концепции «стратегической глубины», Индия продолжила расширять в Афганистане свое влияние. Отсюда интерес Индии к Афганистану, кроме прочего, был направлен преимущественно на противостояние Пакистану.

Пакистан, в свою очередь, опасаясь усиления роли в Афганистане своего регионального соперника, был нацелен и в дальнейшем содействовать укреплению влияния талибов, будь то в будущем правительстве Афганистана или в борьбе против него — в зависимости от складывающейся обстановки. Однако мира в Афганистане подобное развитие событий не гарантировало. Таким образом, совместное сотрудничество Индии и Пакистана в рамках ШОС по стабилизации обстановки в Афганистане и в центральноазиатском регионе в целом было сложно представить.

Нестабильность в Афганистане и её возможное распространение на территории Центральной Азии и России — реальная угроза её национальным интересам в регионе. Поэтому, по словам секретаря Со-

вета безопасности РФ Н. Патрушева, для возглавляемой Россией Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) «развитие ситуации в Афганистане и купирование угроз, исходящих с его территории, является уже не первый год одной из приоритетных сфер деятельности» [Патрушев Н.].

Именно поэтому в апреле 2021 г. рабочая группа Минобороны России под руководством С.К. Шойгу в Таджикистане и в Узбекистане (вышедшем из ОДКБ, но являющемся постоянным членом ШОС) согласовала вопросы взаимодействия для «совместного отражения возможных угроз» на фоне деградации обстановки в соседнем Афганистане [Шойгу С.].

В Ташкенте С. Шойгу представил пятилетнюю программу стратегического партнерства двух стран в военной области, а в Душанбе подписал соглашение о создании объединенной системы ПВО и принял участие в заседании Совета министров обороны ОДКБ. Накануне в Таджикистане были проведены таджикско-российские военные учения. А в середине мая 2021 г. в Душанбе главы МИД стран ОДКБ обменялись мнениями «о состоянии и перспективах развития международной обстановки с оценками ее влияния на безопасность государств-членов организации, а также о развитии и укреплении многопланового сотрудничества в рамках ОДКБ» [Зейнатдинов В.]. При этом возникает резонный вопрос: почему только ОДКБ? А какова же роль ШОС во всей этой ситуации?

Проблема в том, что при наличии в этой организации таких антагонистов, как Индия и Пакистан, у многих возникают сомнения, сможет ли ШОС предпринимать эффективные действия по противостоянию боевикам? Не менее отрицательное влияние на дееспособность ШОС и ОДКБ оказывают и застарелые противоречия между центральноазиатскими членами обеих организаций. Яркой иллюстрацией этого является вооружённый конфликт, который вспыхнул 29 апреля 2021 г. на границе Киргизии и Таджикистана. Его политическая сложность состояла в том, что обе страны, будучи членами ШОС и ОДКБ, являются союзниками, что ставит под вопрос эффективность этих обеих организаций, их способность противостоять террористической угрозе. Многие эксперты считают, что «любая нестабильность способствует росту террористической угрозы, поэтому в наше беспокойное время нужно заниматься не взаимными ссорами, а укрепить общую оборону».

Что касается отношения к ШОС самого Китая — здесь тоже имеют место нюансы. Традиционно в Пекине эта организация рассмат-

ривается как центр продвижения своих экономических интересов и политического влияния в регионе. Конечно, подобная политика реализуется крайне осторожно и завуалировано. Влияние Москвы никоим образом под сомнение не ставится, по крайней мере вербально. Вместе с тем и сотрудничество в борьбе с «тремя злами» на многосторонней основе в формате ШОС тоже ведётся без видимой инициативы. Но эта ситуация постепенно трансформируется.

По мнению российских политологов, если прежде Китай ограничивал свое присутствие в основном экономикой, сейчас медленно и верно КНР проникает во все сферы, где раньше доминировала Россия, в том числе и в сферу безопасности. Например, несмотря на наличие в Таджикистане 201-й российской военной базы, Душанбе «становится все менее надежным союзником и партнером для России, и все дальше отходит от сферы влияния РФ. Власти республики не скрывают, что получили в лице Пекина более выгодного партнера, но Россия предпочитает этого не замечать. Считая Пекин своим стратегическим партнером, Москва на постепенное вытеснение из зон своих же интересов смотрит сквозь пальцы» [Мусофир С.]. А тем временем Китай использует Памир не только как транзитную зону, но и как трамплин для наращивания экономического и военного влияния в Центральной Азии, а также в Афганистане, Пакистане и Индии.

В этом плане определённый интерес представляет достигнутая в августе 2016 г. договоренность о создании коалиции с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана. Её ключевым направлением деятельности определено формирование четырехстороннего механизма координации и сотрудничества для борьбы с терроризмом и экстремизмом как основными региональными угрозами. Решение о создании координационного механизма было принято в городе Урумчи в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР на встрече представителей министерств обороны четырех стран.

Следует отметить, что представители всех четырех сторон сделали акцент на том, что региональный антитеррористический квартет не направлен против какой-либо другой страны или международной структуры. Судя по всему, этот «квартет» имеет явное сходство с Организацией Договора о коллективной безопасности. Отличие состоит в том, что «если руководящую роль в нынешней организации играет Москва, то, в новой региональной контртеррористической структуре роль лидера возьмет на себя Пекин» [Организация Урумчийского]. Вместе с тем, несмотря на то, что Устав ОДКБ не предусматривает участия членов организации в других военных союзах, представляет-

ся, что Душанбе воспользуется новой четырехсторонней коалицией как возможностью укрепления безопасности в регионе что, в принципе, не противоречит интересам ни России, ни Китая.

Однако создание данного квартета свидетельствует о том, что Пекин не вполне доверяет сложившимся в ШОС механизмам взаимодействия по контртеррористической тематике на многосторонней основе. Видимо, в Пекине считают такие механизмы недостаточно эффективными и, с другой стороны, недостаточными для защиты своих национальных интересов.

Приведенные факты лишний раз подтверждают, что важной проблемой в плане антитеррористических возможностей ШОС является отсутствие у неё политического инструментария и чётких механизмов реагирования на форс-мажорные ситуации, возникающие на её пространстве. Основным юридическим документом в плане обеспечения безопасности остаётся «Программа сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Но этот документ не содержит полноценной правовой базы для координации действий государств-членов и их оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации на пространстве организации [Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации]. И, наконец, при наличии подготовленного в ходе регулярных маневров «Мирная миссия» контингента вооружённых сил в ШОС отсутствует какой-либо орган управления этими силами, способный в режиме реального времени организовать и принять на себя руководство ими.

Таким образом, надежды Пекина на то, что азиатские государства смогут опереться на Шанхайскую организацию сотрудничества в случае прямой угрозы региональной безопасности, не оправданы. Не секрет, что ни более чем 100-тысячная группировка Советских Вооружённых Сил, ни не меньший по численности контингент объединённых сил западной коалиции не смогли в полной мере обеспечить стабильность в Афганистане и предотвратить поток наркотрафика за его пределы. Сможет ли 20-тысячный контингент ОДКБ, являющийся лишь их бледной тенью, в одиночку справиться с подобной задачей в случае дестабилизации обстановки на обширном пространстве Центральной Азии?

Сказанное выше приводит к выводу, что система безопасности в регионе должна строиться с опорой на взаимодействие ОДКБ и ШОС, как это трактуется Меморандумом о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС, в котором, в числе прочих, предусмотрено сотрудничество по обеспечению региональной и междуна-

родной безопасности и стабильности [Меморандум о взаимопонимании].

Но для того, чтобы ШОС стала действенным элементом дихотомной системы региональной безопасности, нужно внести определённые уточнения в её организационные документы. Не являясь военно-политическим союзом, она должна стать на деле многофункциональной организацией, что и предусмотрено её Хартией. Кстати, соответствующие предложения по этому вопросу были разработаны в ИДВ РАН [Клименко А.Ф. Перспективы развития]. Они подробно излагались на институтских и проводимых совместно с КАСМО в Пекине конференциях и находили понимание у наших китайских коллег.

2.2. Влияние экономической дипломатии Китая на кооперационную среду и безопасность в Азии

Приступая к рассмотрению заявленной темы, целесообразно определиться с трактовкой термина «экономическая дипломатия», поскольку в мировой политологии его единого толкования пока не существует.

В самых общих словах можно описать экономическую дипломатию (ЭД) как особое направление деятельности субъекта международных отношений (МО), при которой экономические проблемы двустороннего или многостороннего уровня используются в качестве средства давления (или сотрудничества). Иными словами, когда экономические проблемы контрагента служат той болевой точкой, при воздействии на которую и возможно достижение поставленных целей в МО.

Китайские политологи дают определение ЭД (*цзинцзи вайцзяо*) в форме изящной диады. Так, с одной стороны, это задействование на международной арене инструментария «классической» дипломатии для достижения целей экономического свойства, с другой — это применение экономических рычагов для реализации установок внешнеполитического характера [Ли Вэй, Сунь И].

Автор позволит себе привести собственное понимание ЭД. Это деятельность субъекта МО, направленная на максимально возможное использование его экономических преимуществ во имя реализации собственных интересов на мировой политико-экономической арене. ЭД может быть истолкована и как механизм привязки потенциала

внешней экономической среды к процессам внутреннего развития, включая повышение уровня жизни населения (самая гуманитарно ценная задача экономической дипломатии любой страны).

Следует отметить, что ныне в китайском государстве чисто *экономической* дипломатии не существует, ибо вся его внешнеэкономическая работа подчинена внешнеполитическим задачам. У молодых демократий, например, в Латинской Америке, именно экономическая дипломатия имеется, а в КНР — нет. Это объясняется спецификой китайского исторического опыта новейшего времени. Так, после образования КНР в 1949 г. ее дипломатическая деятельность была в первую очередь подчинена задачам утверждения страны в качестве международного политико-идеологического авангарда. Но после начала экономических реформ в 1980-е гг. Китай, на наш взгляд, прошел через период, когда его внутренняя и международная активность четко нацелилась на выполнение задач хозяйственного развития, а политические и идеологические установки отступили на второй план. В то время ЭД КНР и существовала в сравнительно «чистом» виде. Сейчас же, когда Китай достиг впечатляющих хозяйственных успехов и стал второй экономикой мира, он может позволить себе вновь поднять на щит цель консолидации собственных глобальных позиций как ключевой политической, гуманитарной и даже идеологической силы, но уже на качественно ином уровне.

Кроме того, хотя КНР — страна с многоукладной экономикой, однако все командные высоты в ее национальном хозяйстве и общественно-политической жизни принадлежат государству с его политико-идеологическими институтами. И это — тоже фактор политической «заточенности» ЭД Китая.

Тем не менее, значение ЭД во внешней политике КНР растет. Это объясняется следующими обстоятельствами:

Во-первых, расширяются процессы *экономической* глобализации. В отличие от глобализации политической экономическая глобализация — явление объективное, обусловленное самим ходом мирового научно-технического прогресса. Как любое явление бытия экономическая глобализация — феномен двойственный и подчас противоречивый. Китайские политики и политологи прекрасно осознают это обстоятельство и уже не один десяток лет призывают использовать «положительные стороны» экономической глобализации, стараясь нивелировать отрицательные. Экономический вектор всемирной глобализации, на наш взгляд, можно притормозить (если на то будет

большое желание каких-то глобальных «центров силы»), но никак не повернуть вспять.

Ныне рядом политологов высказывается мнение, что в мире наблюдается откат глобализационных процессов, и Brexit приводится как яркое свидетельство этого. Да, есть субъекты МО, которые хотели бы вернуться во времена, когда они обладали большей суверенностью при принятии политических решений, и этим обстоятельством и аргументируется то явление, которое сейчас называют деглобализацией. Однако последняя имеет больше субъективную окраску и не обладает зарядом объективности, свойственным глобализации *экономической*. И достижение той задачи, за которую энергично ратует Китай, реализуя свою инициативу «Пояс и путь», а именно — формирование высокой международной «связуемости» (*connectivity*), только подстегивает экономическую глобализацию (ЭГ). И наоборот: ЭГ диктует необходимость повышения международной связуемости. Круг замыкается, в целом благоприятствуя глобализационным процессам на мировом хозяйственном поле. «Остро» экономизированная внешняя среда требует соответствующего международного поведения, потому и растет роль ЭД Китая в международных отношениях.

Во-вторых, КНР достигла хозяйственно-финансового потенциала такого уровня, когда ей легче «купить» уступки со стороны контрагентов, чем применить откровенный силовой нажим. Теперь у Китая в материальном плане есть «много, что терять», и посему последствия «горячего» разрушительного конфликта для него становятся совсем нежелательными. Прошли те времена, когда вероятность военного противостояния не пугала китайское руководство. Когда материальное богатство Китая было представлено практически только его многочисленными и высоко трудоспособными демографическими ресурсами, Мао Цзэдун говорил: «Да, мы сторонники теории всемогущества революционной войны.... Опыт классовой борьбы в эпоху империализма показывает, что рабочий класс и трудящиеся массы могут победить вооруженную буржуазию и помещиков только с помощью винтовки; в этом смысле можно сказать, что перестроить мир можно только с помощью винтовки» [Мао Цзэдун, с. 66—67]. И далее — «Мы твердо стоим за мир и выступаем против войны. Однако если империалисты все же развяжут войну, то нам не следует бояться.... Можно утверждать, что...ее результатом, несомненно, будет переход новых сотен миллионов людей на сторону социализма, сохранение за империализмом лишь небольшой территории и, возможно,

даже полный развал всей империалистической системы» [Мао Цзэдун, с. 71—72].

Сейчас Пекин не повторит ничего подобного, ибо в принципе изменилась стилистика международного политического дискурса: мир уже не делится на империалистический и социалистический лагерь; а Китай делает упор на сугубо мирном характере его внешней политики, избегая каких-либо упоминаний о своем идеологическом превосходстве. Он больше не ведет дискуссий о несправедливых и даже справедливых войнах. Для КНР ее облик миролюбивой международной силы обладает очень высокой ценностью. Но, на наш взгляд, не менее важно и то, что Китай глубинно не заинтересован в «горячих» конфликтах еще и потому, что он стремится сохранить в полной целостности результаты напряженных и насыщенных 40 лет реформ, достигнутый уровень жизни народа и, следовательно — устойчивость правящего режима.

В-третьих, как бы интенсивно ни развивалась НОАК, до сих пор Китай не имеет военного паритета с США и НАТО, и это ставит его в заведомо рискованное положение. Данное обстоятельство в принципе делает неприемлемым для Пекина путь военного противостояния на уровне великих держав.

И, наконец, еще одна причина в том, что ЭД по сравнению с «классической» дипломатией приносит гораздо более быстрые результаты, ощутимые не только на уровне элит, но и широких социальных слоев. Вот примеры, иллюстрирующие это утверждение:

В апреле 2012 г. из-за рифа Скарборо (Хуанъянь) произошел инцидент между Китаем и Филиппинами. Обе страны считают риф своей суверенной территорией. Конфликт развивался остро: Филиппины направили вооруженный фрегат для расследования захода китайских рыболовецких судов в лагуну Скарборо. Взяв суда на бордаж, филиппинская сторона обнаружила там ценный улов рыбы и морепродуктов и попыталась задержать китайские корабли. Однако попытка была сорвана двумя судами Службы морского наблюдения Китая, прибывшими на место происшествия. Филиппины отозвали фрегат и заменили его катером береговой охраны. Китай направил вооруженное судно Командования по поддержанию правопорядка в рыболовстве. Однако уже через месяц конфликт разрешился благодаря задействованию Китаем механизмов экономической дипломатии. Пекин ввел жесткие карантинные меры при импорте филиппинских фруктов под предлогом зараженности груза насекомыми-вредителями. Эта акция нанесла Филиппинам значительный финансовый

ущерб, ибо страна поставляет в Китай более 30 % выращенных в ней бананов, не говоря уже о других агропродуктах — ананасах, кокосовых орехах, манго, папайе. Кроме того, был приостановлен туристический поток из КНР на Филиппины. Официальная мотивация — опасения за безопасность китайских граждан. Данная акция тоже показала свою эффективность, поскольку к тому времени КНР стала третьей страной по числу туристов, посещающих Филиппины. В итоге филиппинский бизнес вынудил правительство страны незамедлительно предпринять шаги по урегулированию конфликта в лагуне Скарборо. Пекин и Манила достигли соглашения об одновременном выводе своих судов из акватории, что филиппинская сторона и выполнила. Однако, по сообщениям из Манилы, китайские рыболовецкие суда оставались в водах рифа и после [Glaser B.S.]. Как бы то ни было, но острота конфликта из-за рифа Скарборо была сглажена.

Еще более яркий пример действенности ЭД датируется сентябрем 2010 г., когда Пекин заблокировал поставки редкоземельных минералов в Японию. Эта санкция была введена в ответ на задержание японской стороной капитана китайского траулера в результате инцидента у островов Сэнкаку (Дяоюйдао), находящихся под контролем Японии, но на которые претендуют Китай и его «мятежная провинция» — Тайвань. Таможенное управление КНР уведомило китайских производителей о запрете на экспорт в Японию редкоземельных элементов, их солей или чистых фракций, хотя поставки в Гонконг, Сингапур и другие страны не прекратились. Впоследствии Китай притормозил экспорт редкоземельных элементов еще и в США и страны Европы под причудливым предлогом: стремлением «очистить» экологию в ряде своих районов от загрязнений, причиняемых там горнодобывающей промышленностью. Действия Пекина встревожили Токио и стали одним из основных факторов, повлиявших на скорость принятия решения об освобождении китайского капитана [Glaser B.S.].

Экономическая дипломатия имеет два направления: одно носит «наступательный» характер, другое — поощрительный. Инструментарий *поощрительной ЭД* включает стимулирование торговли, предоставление капиталовложений и кредитов, в том числе льготных (на низко- или беспроцентной основе), продовольственное содействие, помощь товарами жизненной необходимости и т. д. События, описанные выше, являются примерами применения именно *наступательной ЭД*. Помимо наложения эмбарго на поставки, в ее арсенал входят введение высоких пошлин и иных мер торгового протекционизма, замораживание заключенных контрактов или уже начатых

проектов, отказ в инвестициях и кредитах или их сокращение и т. д. Но главным и наиболее действенным механизмом наступательной ЭД является введение коллективных санкций против «провинившегося» контрагента.

В 1980—1990-х гг. Китай не поддерживал наложение международных экономических санкций, мотивируя это необходимостью уважать принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Видимо, он также не хотел ограничивать себя в выборе торговых партнеров. При голосовании соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН Китай предпочитал воздерживаться. Однако с «нулевых» годов текущего века его подход к санкционной практике начал меняться. КНР стала присоединяться к числу государств, применяющих санкции по решению ООН, а также вводить санкции самостоятельно. Если в период 1978—2007 гг. санкции налагались Китаем только 4 раза, то после 2007 г. — не менее 15 раз. Они вводились против государств или их крупных компаний в ответ на недружественное, по мнению Пекина, поведение. Под ним подразумевалось ущемление суверенитета КНР (обострение территориальных споров, военные поставки Тайваню, факты встреч лидеров других стран с Далай-ламой и китайскими диссидентами). Кроме того, экономические санкции вводились и в тех случаях, когда Китай воспринимал действия страны как угрозу его безопасности — например, развертывание *ТНААД* в Южной Корее в 2016 г.

Под санкции попадали английские компании за ведение разведки и добычи в спорных вьетнамско-китайских акваториях (2007, 2008 гг.), американские — за участие в «торговой войне» КНР с США (2021 г.). Ошутимо «досталось» Австралии за чересчур настойчивый призыв расследовать происхождение вируса COVID-19 (2020). Видится симптоматичным, что китайское правительство в целях повышения эффективности наступательной ЭД профинансировало национальный исследовательский проект по изучению новых подходов к санкционной политике и практике [Macikenaite, V.].

Такую эволюцию взглядов Пекина можно аргументировать следующим образом:

По мере роста своего потенциала и международного влияния Китай, естественно, меняет и линию поведения. Дипломатия КНР переходит от дэнсяопиновского принципа *таогуан янхуэй* (*скрывать свои возможности и держаться в тени*) к «инициативной и предприимчивой» модели и от дипломатии «с оглядкой» на великие державы к дипломатии именно великой державы (приводится по [Сафроно-

ва Е.И., с. 144]). Становясь «ответственной глобальной державой», Китай на мировой переговорной арене ведет себя более напористо и даже агрессивно. И это неизбежно. Если индивидуум, достигнув высокого положения, волевым нравственным усилием еще способен сохранить свое поведение в рамках тактичной уступчивости, то для субъектов МО это невозможно, ибо интересы их государственной или корпоративной машины имеют довлеющее значение. Да и сам вопрос этики международных отношений, а главное — вероятность переложения ее на практику — находится только на подступах к серьезному осмыслению.

Надо признать, что наступательная ЭД придает динамизм международным отношениям, не дает им стагнировать, подстегивает оппонентов к оперативному разрешению возникающих между ними проблем, причем без привлечения военной силы.

ЭД Китая, как и любое диалектическое явление, оказывает на положение в АТР (и в других мировых ареалах) разнонаправленный эффект.

В *конструктивном плане* Китай, создавая и/или выступая инициатором формирования коллективных экономических структур, резко расширяет кооперационное поле, что способствует и разрядке напряженности в сфере безопасности. Так, благодаря созданию всеобъемлющего регионального экономического партнерства, Китай оказался в одной структуре с Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей и Японией. Это может дать дополнительную возможность Пекину если не переманить на свою сторону ближайших союзников США, то хотя бы четче сфокусировать их внимание на сотрудничестве с КНР.

В качестве мощнейшего инструмента поощрительной ЭД Китая можно рассматривать его инициативу «Пояс и путь» (ИПП), представленную мировому сообществу председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. По утверждению Пекина, ИПП воплощает стремление Китая расширять «региональное сотрудничество и зоны добрососедства и дружбы (*имеются в виду международные зоны свободной торговли. — Е.С.*)». Причем, данный тезис констатирует и намерение Китая обеспечить «мирное сосуществование нового и старого геоэкономических секторов» [Яркая картина...]. Последнее — весьма примечательно, так как свидетельствует о нежелании Пекина полностью отказываться от старой модели мирохозяйствования. Порой думается, что Пекин не так уж и настроен менять мировой экономический порядок (МЭП), основы которого были заложены так называемой Бреттон-Вудской системой. Старая система не помешала Китаю достиг-

нуть того, что он достиг, и даже сейчас дает ему возможность плодотворно выстраивать свою внешнеэкономическую стратегию. Можно предположить, что единственно нужный Пекину вектор реформирования МЭП — это устранение глобального доминирования США. Но для реализации этой цели вовсе необязательно до основания ломать старый порядок. Китай, достигая новых высот в мировой жизни, при сохранении темпов его развития и так способен рано или поздно потеснить США с ведущих мировых позиций и занять их место. И это будет путь эволюционный, обусловленный самим мирохозяйственным развитием, и посему — объективный, логичный и не столь опасный для международной безопасности, как откровенное применение военной силы.

Кроме того, такое актуальное явление, как «коронавирусный» аспект экономической дипломатии Китая, тоже способно нести конструктивный заряд. Через него КНР налаживает дополнительные внешнеэкономические связи, создает новые производства (в АТР — вакцинные производства в Индонезии, Малайзии, Пакистане и Турции), в итоге играя важную роль в «борьбе против общего врага». Это приносит КНР большие имиджевые и политические дивиденды, благоприятствуя кооперационной среде в целом.

ЭД способна играть продуктивную роль и в противостоянии традиционным и нетрадиционным угрозам, порождаемым бедностью потенциальных исполнителей подрывных акций. В Южной и Центральной Азии «три зла» (международный терроризм, этнический сепаратизм, религиозный экстремизм, наркотрафик), а также ряд нетрадиционных угроз (незаконная миграция, инфекционные заболевания, пиратство и пр.) имеют явственную социально-экономическую подоплеку. Экономическая дипломатия могла бы взять на себя функцию адресного смягчения материальной заинтересованности обездоленных слоев населения в преступной деятельности. Это очень сложная, деликатная, многофакторная задача, но при наличии политической воли — вполне реалистическая.

Дестабилизирующее влияние ЭД Китая проявляется в том, что КНР, как уже указывалось, стала прибегать к мерам именно наступательной ЭД гораздо охотнее, чем до начала XXI века. Это эффективно помогает Китаю реализовать собственные интересы, но не улучшает климат доверия и сотрудничества и, следовательно — не благоприятствует политико-экономической устойчивости. Упорно проводимые в ряде стран АТР китайские экономические проекты, будучи многообещающими для правящих элит, порой мало что дают широким слоям

гражданского населения. В силу недовольства и обеднения простых граждан не прекращается маргинализация таких небогатых государств, как, например, Камбоджа, Лаос и Мьянма. Обострение неравномерности развития тоже чревато новыми проблемами для безопасности региона.

На международном положении, несомненно, сказываются темпы и объемы постпандемийного восстановления КНР. И то, что оно идет гораздо успешнее, чем хотелось бы «коллективному» Западу, также способно породить новые риски для безопасности в АТР. На Западе опасаются, что пока он сам пребывает в растерянности и не может отладить собственную пострадавшую экономику, быстро возродившийся Китай возьмет контроль над мировой ситуацией, и это-де станет главной чертой постковидного мира. В силу этого можно ожидать интенсификацию курса «коллективного» Запада на «сдерживание» Китая, что несет явный конфликтогенный заряд.

Помимо этого, пандемия ярко высветила высокую уязвимость Запада от производства и импорта жизненно значимых наименований, поставляемых Китаем (несложные, но важные товары медицинского назначения, товары широкого потребления и др.). Поэтому логично ожидать ускорения общего переноса капиталовложений и производств западных компаний из КНР в другие регионы, что чревато сложностями и материального, и политического свойства для обеих сторон. Все это потребует от китайской ЭД дополнительной мобилизации сил.

Еще один дестабилизирующий фактор в том, что Китай, энергично выступая в структурах, им инициированных, ограниченно работает в коллективных форматах, учрежденных без побуждения с его стороны. Например, в 2020 г. (онлайн-саммит «Глобальный ответ на коронавирус» был проигнорирован премьером Ли Кэцяном, а Китай представлял его посол при ЕС. Это не поспособствовало повышению доверия к Пекину, тем более, что посол не сделал никаких обещаний в плане предоставления китайского финансирования на разработку новых вакцин. А ведь вопрос о ней был центральным в повестке дня саммита и главной причиной его созыва.

Замечено и то, что Китай, заявляя о себе как о бескорыстном партнере, просто продает свою антиковидную помощь, поставляя при этом не всегда качественную продукцию [Roy D.].

Итак, можно констатировать, что ЭД — это «лезвие обоюдоострое», и умение плодотворно сочетать ее наступательную и поощрительную формы, уровни ее применения (региональный, трансрегио-

нальный и др.) служит показателем качества страновой дипломатии как таковой.

Подводя итоги, видится целесообразным отметить следующее:

Российским заинтересованным инстанциям следует отдавать себе отчет не только в возможных последствиях наступательной ЭД Китая, но и в том, что ее практическое воплощение будет продолжаться долго — пока КНР набирает хозяйственную мощь. Параллельно не стоит игнорировать факты экономических противоречий РФ и Китая в Азии, последовательно реализовывая при этом собственные хозяйственные задачи нашей страны. Камуфлирование российско-китайских несогласий только во имя умягчения политико-дипломатического климата — это путь в никуда. России следует без опасений декларировать и уважать собственные интересы.

Поскольку перед Россией стоит задача наращивания ее товарооборота с Китаем, чтобы привести высокий уровень политического диалога наших стран в соответствие с его торгово-экономическим наполнением, в качестве вспомогательной меры видится полезным создание для российского частного среднего и мелкого бизнеса климата, благоприятствующего коммерции с китайскими партнерами. Это не подразумевает формирование для него особого привилегированного режима: имеется в виду хотя бы не препятствование российской частной инициативе. Ее не следует опасаться, поскольку частный бизнес подвижен и умеет четко и быстро улавливать запросы стороны-партнера. Он преследует собственные интересы и потому независим от политической конъюнктуры. Он умеет сам находить точки соприкосновения и обходиться без финансовой помощи государства.

Отношения между частными предпринимательскими единицами могут быть полезными, особенно для развития трансграничной торговли между ДВФО РФ и Китаем.

2.3. Евразия — зона столкновения геополитических интересов России и «коллективного Запада»

В настоящее время можно наблюдать явный цивилизационный раскол на огромном евроазиатском континенте между традиционными государствами, такими, как Россия, и так называемым «коллективным Западом», многие страны которого постепенно практически

утрачивают свою идентичность, самобытность, суверенитет, и, как следствие, в обозримой перспективе может встать вопрос о сохранении ими реальной независимости.

Под сохранением независимости такие страны Запада понимают сегодня, прежде всего, смещение центра тяжести с признания устаревших американских геополитических приоритетов в сторону налаживания взаимовыгодных отношений с государствами, открыто оппонировавшими сегодня диктату США.

В этих условиях сами Соединенные Штаты модернизируют свою политику, в частности, в отношении Евразии, где, по мнению ряда наблюдателей, Вашингтону «придется жестче реагировать на действия своих противников, делая упор на хитроумные тактические ходы и стратегические операции континентального масштаба» [Peterson 2019, с. 130].

По общим оценкам американских экспертов, США не готовы противостоять «угрозам со стороны России и Китая», особенно в Восточной Европе — в случае с Россией, и в Западной части Тихого океана — в случае с Китаем. Но Вашингтон способен нанести так называемые удары отчаяния по уязвимым российской и китайской перифериям, причем в связи с этим называются, в частности, Дальний Восток РФ и западные районы КНР. Вероятность подобных «ударов отчаяния» невелика в силу невозможности реально консолидировать не только американское общественное мнение в этом направлении, но и — что самое главное — добиться единства по данному вопросу в рамках правящей элиты США, справедливо называемой сегодня «глубинным государством».

Сегодня на Западе бытует частая трактовка о полной геополитической зависимости Евразии от США и Евросоюза. Ее вряд ли можно признать состоятельной, поскольку мир явно стоит на пороге очередной холодной войны, но уже между коллективным Западом и Китаем.

В связи с этим России неизбежно предстоит со всей осторожностью делать стратегический выбор, позволяющий сохранить эффективный контроль за сухопутными и водными путями на просторах Северной Евразии. Как подчеркивают эксперты, сосредоточение внимания на Евразии является для России ключевым фактором геополитики, исходя из необходимости жестко контролировать важнейшие евроазиатские стратегические ресурсы и инфраструктуру; их освоение и поддержание требуют значительных дополнительных финансовых затрат и активизации инвестиционных потоков [Yoshida 2018, с. 52].

Сегодня финансовая состоятельность России в Евразии начинает определяться развитием сотрудничества с экономически растущими азиатскими державами. Это объясняется реальной несостоятельностью идеи «Большой Европы» и переключением основных российских усилий на реализацию проекта «Большой Евразии», в рамках которого РФ имеет возможность играть одну из ключевых ролей.

Контроль евроазиатской инфраструктуры представляет собой сложную систему, которая сталкивается с жесткими глобальными вызовами, представляющими усиление конкуренции за товарные рынки, что дает возможность эффективно позиционироваться на евроазиатском экономическом пространстве [Jakubowicz 2020, с. 12]. Потенциал общего экономического пространства Евразии во многом зависит от решения внутрирегиональных проблем и развития трансграничного сотрудничества между евроазиатскими странами с ориентиром на решение проблем инновационного развития, прежде всего транспортной инфраструктуры и эффективных логистических систем. Российское правительство, реализуя концепцию формирования подконтрольного геополитического пространства на просторах евроазиатского континента, должно ориентироваться на глубокие научные исследования внутренней ситуации в каждой конкретной стране региона. Создавая концепцию подконтрольного геополитического пространства, российские власти не могут недооценивать практическую значимость проблемы национальной безопасности России с учетом соблюдения сложившихся веками принципов рационального управления страной, основанных на необходимости равномерного развития всего окружающего геополитического пространства.

Вокруг Российской Федерации в настоящее время наблюдаются радикальные геополитические сдвиги, которые последовательно изменяют лицо российской цивилизации и приводят к более или менее продолжительному периоду некой относительной стабильности. Государственная геостратегия России определяется исторически сложившимся характером отношений с ближними и дальними соседями. Основой такой стратегии становится изменение характера политических, военных и экономических связей, а также активизация международной деятельности, которая направлена на реализацию коренных национальных интересов нашей страны.

При этом Россия учитывает динамику рисков, стремится максимально обойти излишние препятствия, поскольку, как справедливо констатируют аналитики, «геополитические противоречия между активно взаимодействующими государствами, если их своевременно не

разрешить, способны привести к региональному противостоянию даже между союзными государствами, возбуждая серьезные конфликты между ними» [Zhao 2020, с. 4]. Задача обеспечения безопасности российских границ, которая актуализировалась после развала Советского Союза, диктуется необходимостью обеспечения условий для всестороннего развития России, укрепления ее политической стабильности и межнационального единства.

Сегодня имеется немало оснований полагать, что Евразия предстает как зона геополитического столкновения национальных интересов великих держав.

Западные великие державы в настоящее время стремятся не допустить превращения Евразии в континент сотрудничества, ориентирующегося на решение проблем безопасности и совместного развития континентальной инфраструктуры в сфере транспорта, энергетики и связи. Геополитические конфликты между великими державами в Евроазиатском регионе свидетельствуют об изменении конфигурации сил, пытающихся делать акцент на самостоятельную внешнюю политику, основанную на приоритете национальных интересов на фоне ослабления влияния США, происходящего вследствие самого глубокого кризиса либерализма [Simons 2019, с. 79]. Российские национальные интересы в Евразии проистекают из видения государством стратегического пространственного развития системы национальных ценностей, исторических традиций, учета геополитических и социально-экономических реалий. Правительство России обозначает несколько основных приоритетов в развитии, и, прежде всего, это демографическая состоятельность российского государства, сохранение и обустройство пространства страны, построение новой устойчивой хозяйственной модели, готовой к любым внешним финансовым шокам. Среди последних необходимо обратить внимание на рост протекционизма в мировой торговле, снижение спроса на традиционный российский экспорт, стагнацию на российском рынке госдолга, неустойчивость внутреннего нефтяного рынка.

Рост протекционизма на евроазиатском рынке препятствует достижению национальных целей развития России, которая заинтересована в формировании эффективно контролируемого экономического пространства, нейтрализации доминирования американского доллара. Многие влиятельные политические деятели на просторах Евразии рассматривают роль России в регионе в качестве ключевой в условиях нарастающего кризиса мировой экономики и роста регионального протекционизма, включая жесткое идеологическое противостояние

последовательно слабеющего неолиберального Запада и усиливающегося традиционалистского Востока [Moriya 2019, с. 47].

Стремление США продолжать искать способы доминирования на евроазиатском пространстве заставляет Российскую Федерацию внимательно относиться к возможным новым попыткам Вашингтона склонить Китай к охлаждению отношений с Россией, и в связи с этим представляется исключительно важным вовремя выявлять сферы китайско-американских отношений, которые весьма опасны с точки зрения их объективной антироссийской направленности. Обращая серьезное внимание на антироссийский характер геостратегического курса Запада в Евразии, необходимо постоянно учитывать то, что больше всего пугает Вашингтон и Брюссель, а именно: потенциальная способность Москвы стать авторитетным лидером и даже центром притяжения для всего евроазиатского пространства. Является ли в связи с этим для России экономическая мощь решающим фактором с точки зрения ее превращения в независимый центр силы на евроазиатском континенте — остается открытым вопросом, ибо растет достаточно ясное понимание того, что ухудшение отношений на западном направлении представляет собой долгосрочную перспективу, а значит следует диверсифицировать часть внешних связей на иные направления.

В последние годы евроазиатский вектор внешней политики России получил серьезный импульс из-за обострения отношений с «коллективным Западом», что подразумевает в том числе объективную возможность доступа сразу к нескольким источникам модернизации и хозяйственного роста. Значимым преимуществом России является способность обеспечивать региональную безопасность, причем такая способность выглядит особенно востребованной на фоне нарастания серьезных рисков для евразийской стабильности. Речь идет о ситуации в Афганистане и вокруг него, о сохраняющейся напряженности на Среднем и Ближнем Востоке и в других регионах. Как считают некоторые аналитики, в такой ситуации растет активность внерегиональных игроков, у которых появляются дополнительные возможности реализовать здесь собственные цели, вплоть до формирования экстерриториальных анклавов [van Heising 2021, с. 72].

В США весьма озабочены сохранением своего политического лидерства в различных частях земного шара и рассматривают это в качестве главной институциональной проблемы, поэтому упор делается на способность евроазиатских государств решать вопросы безопасности и развития без внешнеполитического взаимодействия с Россией.

Суверенизация государств Евразии, как представляется, в ближайшей перспективе способна активно затронуть регион, что повлечет за собой глубокие перемены на фоне усиления геополитической конкуренции, нарастающей в глобальной политике и мировой экономике.

В связи с этим Россию уже сейчас называют «островом стабильности» на евроазиатском пространстве, что в немалой степени связано с ее мощным военным потенциалом, политической самодостаточностью, а также общей энергетической устойчивостью, то есть факторами, гарантирующими общее социальное равновесие. Однако сегодняшняя реальность оказалась весьма далека от ожиданий и прежде всего в том, что касается принципа абсолютной незыблемости государственного суверенитета, сохранения под реальным контролем постсоветского пространства, управляемого развития процессов на мировой политической арене, возникновения новой ситуации неразделимости значительного числа политических и экономических вопросов. Для России постепенно вызревает проблема политического лидерства на евроазиатском континенте. Не случайно, некоторые эксперты говорят сегодня о «формировании авторитетного российского полюса притяжения вне западного мира», о некой «новой форме интеграции, основанной на альянсах даже со странами, имеющими между собой порой весьма конфликтные отношения» [Вян 2017, с. 54]. Проблема политического лидерства России на евроазиатском пространстве во многом отражает стремление нашей страны обеспечить себе достойное место в международных отношениях, но главное — гарантировать возможность сохраниться как суверенное государство, как уникальная цивилизация. Способность тысячелетнего российского государства к мобилизационному развитию представляется вполне адекватной, ибо лишь оно в условиях жесткого противостояния с теряющим динамизм «коллективным Западом» дает объективную возможность реально модернизировать российское народное хозяйство, а в условиях посткоронавирусного периода объективно конкурировать с американской и европейской социально-экономическими моделями развития, которые вряд ли смогут возродиться на новой основе в обозримой перспективе.

Говоря о геополитических интересах России на евразийском континенте, нельзя не выделить ее уникальность. Уникальность России состоит в том, что она цивилизационно не представляет собой ни европейскую, ни азиатскую страну, а является единственным в мире трансконтинентальным государством, основополагающей идеей существования которого выступает полный суверенитет и активное

противодействие постоянным планам ряда зарубежных государств расчленив исторически сложившуюся российскую территорию. Подобные планы открыто вынашивают противники России, прежде всего «коллективный Запад», которые рассчитывают в том числе на обострение объективно существующих в нынешней РФ экономических, демографических и иных проблем.

Один из разработчиков известного «Хьюстонского проекта» З. Бжезинский самоуверенно утверждал, что новый мировой порядок при достижении США глобальной гегемонии создается против России, за счет России, на обломках России, с использованием при этом любых методов от дипломатических, экономических, военных, а также «тихого» захвата земель, вынуждая местное население оставлять собственные территории [Godehardt, 2014, с. 16]. «Тихий» захват земель у России обусловлен тем, что наша страна представляет собой по сути дела некий остров, окруженный государствами, желающими поживиться за ее счет, и именно это привело Петра Великого к идее формирования могущественной империи, то есть многонациональной, многоконфессиональной государственности с исключительно сильной централизованной властью. Такой подход к развитию российского государства можно охарактеризовать как идеологию здравого смысла, когда реальность жизни в России «переплавляет» многочисленные зарубежные представления в нечто иное, что систематизирует и углубляет смысл вроде бы обычных понятий, но одновременно не устраняет их общий очевидный для всех смысл.

В связи с этим Российская Федерация прежде всего стремится окончательно уйти из-под идеологического влияния «коллективного Запада» и вернуться к своей цивилизационной идентичности, включая лидирующую роль российского государства на евроазиатском пространстве. В складывающейся ситуации цивилизационная идентичность превращается в одно из основных направлений реформирования Россией постсоветского пространства в рамках геополитических изменений на континенте Евразия и последующего развития стран континента на основах самобытности в условиях нарастающих перемен. Для современной российской цивилизации исключительно важен вопрос о том, как она будет сохраняться на фоне усиливающегося идентификационного кризиса в мире, ставящего под сомнение в отдельных государствах «коллективного Запада» смыслы прошлого исторического опыта [Pizzolo 2017, с. 330]. В связи с этим Российской Федерации неизбежно придется активно искать приоритетные пути развития собственной цивилизационной идентичности, исходя из на-

сущной потребности обеспечения самобытности, а главное, обеспечивать независимость государства перед лицом реально нарастающих угроз, как это уже не раз бывало со стороны Запада. Таким образом, цивилизационная идентичность России в условиях нарастающих геополитических перемен на евроазиатском пространстве представляет собой многомерную весьма динамично меняющуюся реальность, которая характеризуется разнообразием внутренних и внешних факторов, целенаправленно влияющих на объективные изменения в российском обществе, что напрямую отражается на внешней политике нашей страны, прежде всего в рамках постсоветского пространства.

Стремление России реально выстроить свою суверенную государственность в окружении бывших советских республик сегодня во многом наталкивается на противодействие соседних стран, которые опасаются укоренения стабильности в Российской Федерации и укрепления эффективности управления суверенным российским государством. В частности, в настоящее время приоритетной задачей социально-экономического развития России является формирование в лице нашей страны геополитического ядра евроазиатского пространства, что позволило бы единожды возникший тип российской государственности сохранить без существенных изменений в обозримом будущем. Поэтому хотелось более детально разъяснить, что собой представляет исторически сложившийся тип российской государственности, акцентируя внимание на теоретическом подходе, когда государственность представляется как форма идеологии, узаконивающая политические отношения между сословиями внутри общества [Meister 2018, с. 5]. Опираясь на вышеназванный подход, можно определить государственность в качестве достаточно устойчивой политической сущности в виде организации власти и администрирования, претендующих на верховное право управлять определенной территорией и населением вне зависимости от согласия из-за рубежа и имеющих силу и средства для реализации подобного рода управления.

В связи с этим становится абсолютно ясно, что аксиома российского императора Александра III о том, что у нашего государства есть только два верных союзника, а именно: армия и флот — остается исключительно актуальной практически навсегда, с одной лишь поправкой или, скорее, третьим дополнением в лице военно-космических сил.

Таким образом, геополитическое столкновение национальных интересов России и «коллективного Запада» в Евразии может оказаться самым серьезным поворотом и даже некой цивилизационной сме-

ной эпох, что выступает весьма значимой предпосылкой для выявления и прояснения вопроса о сущности современного российского государства. Россия как традиционное имперское сообщество народов формировалась постепенно через приобщение к русскому языку, русской культуре без какого-либо принуждения, и имеющийся опыт говорит о том, что если различные этносы, отдельные их представители столетиями продолжают жить в одном государстве, в общей социально-экономической и культурной среде, то вызревание подобной общности в качестве единого народа как граждан и как соотечественников становится объективно неизбежным. Необратимость названного процесса формирования межэтнической нации возможна лишь на основе свободного развития каждого этноса в своей самобытности и в равноправной подключенности к развитию всей страны, что приводит к возможности реализации человеческого потенциала не через родовые и семейные параметры, а через общую государственность [Nakamada 2014, с. 15]. Однако время общей государственности в масштабах всей Евразии в обозримой перспективе вряд ли когда-нибудь наступит, но, тем не менее, взаимное притяжение евроазиатских наций уже сегодня не кажется таким недостижимым, особенно с учетом того, что некая историческая общность все-таки является заметной частью евроазиатского бытия. Итак, стратегическая задача Российской Федерации в подобных условиях выглядит достаточно прагматичной, а именно: не впадая в геополитические крайности, настойчиво и последовательно собирать евроазиатскую общность народов, сохраняя все этнонациональное многообразие континента, обеспечивая самоутверждение Евразии, сотворчество ее народов в построении общей экономической базы и солидарного общества.

2.4. Основные направления политики США, Китая и России в Центральной Азии

С геополитической точки зрения Центральная Азия расположена на пересечении глобальных торговых путей, обеспечивающих кратчайшую связь Восточной и Южной Азии с государствами Ближнего Востока и Южной Европы. Проходящие здесь транзитные пути соединяют в единый транспортный узел тыловые районы таких государств крупнейшего мирового континента, как Россия и Индия, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Поэтому в

настоящее время Центральная Азия представляет довольно значимый геополитический интерес для ведущих мировых акторов.

Кроме того, данный регион значим и в геоэкономическом плане. Наличие крупных залежей полезных ископаемых (нефть, газ, редкоземельные элементы и цветные металлы) в сочетании с удобством прокладки международных коммуникаций привлекает многие мировые державы и транснациональные компании. Не удивительно поэтому, что данный регион не остается без внимания такого мирового лидера, как США.

В феврале 2020 г. Госдепартамент США представил новую американскую стратегию внешней политики в Центральной Азии, которая рассчитана на 5 лет (2020—2025 гг.) и призвана заменить аналогичный документ 2015 г., составленный еще при администрации Барака Обамы. Сразу отметим, что революционных изменений в подходах к реализации внешней политики в регионе нет. В стратегии реализуется всем хорошо известная идея — концепция «Большой Центральной Азии».

Данная концепция предполагает образование в Центральной Азии некоего конгломерата из центральноазиатских государств, Афганистана и Пакистана, естественно под эгидой США. Единственное отличие новой американской стратегии от прежней состоит в том, что Центральная Азия отныне признается Вашингтоном «самоценным регионом» [Черненко].

В настоящее время интересы США в Центральной Азии фактически подчинены решению основной задачи — глобальному противостоянию Китаю и России. Очевидно, однако, что на данном этапе США не могут серьезно противопоставить что-либо их политике в этом регионе. Во-первых, они расположены слишком отдаленно географически, а КНР и Россия являются соседями центральноазиатских государств, что позволяет быстрее и более эффективно решать экономические и политические вопросы. Во-вторых, своей прежней агрессивной политикой, попытками установить проамериканскую власть в этих государствах, а также открытой пропагандой западных ценностей в исламских странах, как было в Кыргызстане и Узбекистане, США заставили население и власти центральноазиатских государств хорошенько задуматься о возможных последствиях «дружбы» с ними. Китай и Россия, наоборот, не вмешиваются во внутренние дела этих государств, а работают с любой властью. Таким образом, и политическое влияние Вашингтона в Центральной Азии в настоящее время весьма ограничено.

Тем не менее, основными постулатами новой американской стратегии являются следующие ее положения.

«Основной стратегический интерес США в регионе заключается в построении более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно обеспечивать свои интересы в сфере политики, экономики и безопасности, взаимодействуя с различными партнерами на своих условиях, связана с мировыми рынками и открыта для международных инвестиций, имеет сильные, демократические институты, признает верховенство закона и уважение к правам человека. Успешное участие США в делах Центральной Азии будет способствовать продвижению наших интересов в области национальной безопасности и защите нашей родины, граждан и интересов за рубежом. Тесные отношения сотрудничества со всеми пятью странами будут содействовать продвижению ценностей США и обеспечит противовес влиянию соседей по региону. Расширение возможностей для американского бизнеса повысит экономическое процветание в регионе, а также будет содействовать трудоустройству и развитию промышленности в Соединенных Штатах», — говорится в представленном США документе [США представили].

3 февраля 2020 г. в Ташкенте состоялась встреча США и государств Центральной Азии в формате «С5+1» на уровне министров, по итогам которой было принято совместное заявление. В документе подчёркнуто, что участники встречи договорились развивать партнерство на таких направлениях, как становление Центральной Азии в качестве сильного, сплоченного, независимого и процветающего региона; расширение деловых и инвестиционных контактов и реализация совместных проектов; улучшение научно-технологического, социального и инновационного развития региона.

По мнению многих экспертов, формат «С5+1» позволяет американцам продвигать свою повестку в Центральной Азии, а странам региона — балансировать между Москвой и Пекином. Его можно назвать «бюджетным вариантом сотрудничества», так как он не предполагает крупных финансовых вливаний со стороны США в возможные крупные инвестиционные региональные проекты, однако при этом не допускает вхождения в него России и Китая.

Кроме того, в данном формате США четко расставляют свои приоритеты, а именно: наиболее важными для них являются отношения с Узбекистаном и Казахстаном. Особый интерес США к Узбекистану обусловлен экономическим потенциалом крупнейшей среднеазиатской республики, ее стратегическим расположением, а также

многолетним подчеркнутым стремлением Ташкента держаться на определенной дистанции от главных интеграционных объединений на постсоветском пространстве с участием Москвы. Такое положение подтверждается следующими фактами: в преддверии визита государственного секретаря США М. Помпео в Ташкент в Узбекистане прошли чистки среди местных силовиков, обвиненных в шпионаже в пользу России, которые некоторые наблюдатели назвали «апробацией новой американской стратегии». [Свято место].

Что касается Казахстана, то нужно учитывать, что на его территории функционирует 410 совместных американо-казахстанских предприятий, а объем американских инвестиций превысил 45 млрд долл. При этом президент Казахстана К. Токаев, выступая на встрече с госсекретарем США М. Помпео, счел необходимым напомнить, что после создания независимого казахстанского государства: «Соединенные Штаты Америки являются первой страной, признавшей независимость Казахстана, и мы всегда будем помнить этот исторический факт». Немаловажен и тот факт, что М. Помпео, выступая на указанной встрече, довольно прозрачно намекнул, что, принимая американские инвестиции, Казахстану следует отказаться как от китайских, так и от российских. «Мы полностью поддерживаем свободу Казахстана выбирать, с какой страной вести бизнес. Но я уверен, что наибольшую прибыль страны получают тогда, когда сотрудничают с американскими компаниями», — отметил он. [Новый Ташкентский пакт].

Хотелось бы отметить также такую существенную особенность новой стратегии США в Центральной Азии, как ее двуличность. Так, одним из важнейших пунктов американской стратегии является уменьшение террористических угроз в Центральной Азии. Всем известно, что на территории региона длительный период действуют сепаратистские организации уйгуров в КНР. Следует подчеркнуть, что уйгурский сепаратизм тесно связан с исламским религиозным экстремизмом, который основным способом борьбы против центральной власти избрал методы террора.

В то же время большинство соседей Китая, в том числе и государства Центральной Азии, поддерживают его борьбу с проявлениями сепаратизма и экстремизма в Синьцзяне.

Позиционируя себя в качестве последовательного борца с терроризмом, Соединенные Штаты 17 июня 2020 г. принимают так называемый «Акт 2020 г. о политике в области прав человека в отношении уйгуров». Вполне очевидно, что выпуск такого документа означает

грубое вмешательство во внутренние дела Китая, подрыв деятельности руководства страны по гармонизации и процветанию Синьцзяна. При этом Вашингтон активно спонсирует деятельность «Всемирного уйгурского конгресса» и «Американскую ассоциацию уйгуров». Кроме того, в так называемом «законопроекте по Синьцзяну» отдельно упомянуты этнические казахи и киргизы, которые проживают в Китае и в странах Центральной Азии, — это было сделано с конкретной целью: вбить клин между КНР и ее соседями по региону [Гао Ханьсюнь].

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что уйгурский сепаратизм стал одним из рычагов давления США на Китай в их глобальном противостоянии друг с другом. Более того, 6 ноября 2020 г. Государственный департамент США отменил террористический статус «Исламского движения Туркестана» (запрещено в России), превратив тем самым признанную мировым сообществом террористической организацию в легальную международную и обеспечив тем самым ей материальную помощь и финансирование.

Исходя из изложенного выше, а также оценивая действия США в Афганистане, Ираке и Сирии, можно уверенно заявить, что за красивыми вывесками, такими, например, как борьба с терроризмом, стоят вполне конкретные задачи обеспечения мирового господства Соединенных Штатов в любом регионе мира. При этом не следует забывать, что в случае надобности террористические организации, с которыми так «успешно борется» Вашингтон, будут также успешно помогать ему защищать его национальные интересы в качестве «своих террористов», как уже было в случаях с «Аль-Каидой» и ИГИЛ (запрещены в России).

КНР и ЦАР. Анализируя политику Китая в Центральной Азии, необходимо учитывать важный факт, который свидетельствует о том, что регион пока еще не стал столь значимым для КНР, как Южная, Северо-Восточная, Юго-Восточная Азия, а также зона Тихого океана, где находятся важнейшие торговые партнеры Китая и основные транспортно-логистические пути для поставок китайских товаров на внешние рынки.

Тем не менее, необходимо учитывать, что Китай — крупнейший инвестор и кредитор стран региона, а также крупнейший рынок для основных энергетических и других экспортных товаров центральноазиатских государств. Кроме того, КНР оказывает довольно широкую финансовую и методическую помощь спецслужбам этих государств в

их борьбе с проявлениями экстремизма и сепаратизма, а также связанным с ними терроризмом.

Кроме того, следует отметить, что с приходом к власти Си Цзиньпина в октябре 2012 г. произошли некоторые трансформации во внешней политике Китая по отношению к Центральной Азии. Сохраняя в целом генеральную линию политики в регионе, Си Цзиньпин существенно изменил подходы к реализации задач КНР в ЦАР. Сердцевинной этой политики стало осуществление крупнейшего экономического проекта — «Один пояс — один путь».

Немаловажно и то, что идея проекта впервые была анонсирована в Астане, то есть в Центральной Азии — регионе, который до 2013 г. многими политологами, включая китайских, считался «второстепенным, тыловым» для КНР в политическом и экономическом смысле [Турарбекова].

Таким образом, в настоящее время основные направления политики Китая в Центральной Азии связаны с тремя факторами: безопасность, ресурсы и логистика. Другие сферы межгосударственных отношений в регионе интересуют КНР в гораздо меньшей степени. Так, например, китайцы готовы вкладывать деньги в развитие систем безопасности и средств борьбы с терроризмом в центральноазиатских государствах, финансировать строительство сотен километров трубопроводов на их территории для экспорта в Китай нефти и природного газа, строить транзитные коридоры для поставок китайских товаров в Европу. Однако маловероятно, что Китай проинвестирует какие-либо экономические проекты самих этих государств.

Рассмотрим особенности политики Китая в отношении отдельных центральноазиатских стран.

Китай является одним из ключевых торговых партнеров **Казахстана**. Даже несмотря на пандемию, по данным «Капитал.kz», товарооборот между странами в 2020 г. увеличился на 4 % и составил 15,4 млрд долл. Основными сферами экономики, где наблюдается наиболее эффективное сотрудничество являются: транспорт, складирование, финансовая и страховая деятельность, нефтегазовая, строительная и горнодобывающая отрасли.

Крупнейшими совместными экономическими проектами стали транспортный проект — автомагистраль Западный Китай — Западная Европа, а также база китайско-казахстанского сотрудничества в Ляньюнгане, которая расположена на востоке Китая и призвана обеспечить морской выход Казахстана на Тихий океан.

Проблемными в отношениях КНР и Казахстана являются следующие факторы:

- жесткая позиция Казахстана в вопросе облегчения визового режима на совместной границе, связанная с его стремлением ограничить количество пребывающих на его территории китайцев;
- антикитайские настроения в Казахстане, вызванные сообщениями о притеснениях этнических казахов на территории СУАР;
- серьезные трудности для развития отношений Казахстана с Китаем создают слабая эффективность значительной части китайских инвестиций и коррупционные скандалы вокруг китайских проектов. Пример — проект строительства легкого метро в Астане («Астана LRT») прекрасно иллюстрирует эту проблему [Турарбекова].

Активное участие Казахстана в ЕАЭС и ОДКБ вызывает в Китае определенную настороженность.

Если говорить об **Узбекистане**, то, согласно официальным данным, товарооборот Китая и этой страны более чем в 2 раза меньше, чем между Китаем и Казахстаном — 7,6 против 15,4 млрд долл. [Агентство News-front]. Такое положение объясняется закрытостью на протяжении длительного периода экономики Узбекистана, жестким инвестиционным законодательством, слабым частным сектором, закрытостью финансовых институтов и отсутствием общих границ. Самыми крупными совместными проектами двух стран являются строительство дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан—Афганистан—Иран, строительство некоторых линий электропередач, а также некоторых объектов высокотехнологичной индустрии и чистого производства. Причем необходимо отметить, что узбекское правительство максимально жестко торгуется с китайцами относительно их намерений по реализации проекта «Один пояс — один путь».

Анализируя узбекско-китайские отношения, следует особо подчеркнуть, что главный интерес Китая в этих отношениях — сотрудничество в области безопасности. Узбекистан для Китая (да и не только для него) — надежный партнер в борьбе против исламистов, включая такие экстремистские террористические организации, как «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» (запрещены в России), которые представляют серьезную угрозу региональной безопасности. Кроме того, Пекин устраивает основной внешнеполитический принцип Узбекистана — равноудаленность от региональных центров силы, например, таких, как Россия и США, а также его внеблоковый статус.

У *Кыргызстана* самый большой долг перед Китаем среди всех республик Центральной Азии. Отмечается критическая зависимость Кыргызстана от Китая в финансовой сфере. По данным Минфина республики, на 30 сентября 2020 г. размер государственного долга составил 4,8 млрд долл., из которых государственный внешний долг составил 4,17 млрд долл. [О внешнем долге].

В настоящее время Бишкек должен Пекину более 4,7 млрд долл., что составляет более четверти бюджета страны. Причем за каждый заимствованный доллар китайцы берут задешево природные ресурсы, так как стране расплачиваться больше нечем.

Немаловажен и такой факт. В настоящее время в Кыргызстане с населением в 6 млн человек зарегистрировано не менее 400 китайских компаний, каждая из которых использует труд китайских рабочих, в то время как коренные киргизы в поисках работы вынуждены уезжать в Россию. Ситуация складывается так, что в обществе все чаще высказывается мнение, что богатые китайцы уже скупили больше четверти Кыргызстана и наводнили страну своими рабочими, которых скоро станет больше коренного населения. Такое положение может стать серьезным детонатором для националистических выступлений [Федоров].

Таджикистану в проводимой в ЦАР китайской политике отдана одна из ключевых ролей в сфере обеспечения национальной безопасности КНР. Прежде всего, речь идет о Северо-Западе Китая, а также о безопасности объектов проекта «Один пояс — один путь». Особенно большое значение придается безопасности транспортных коммуникаций через Таджикистан в Афганистан и далее в Южную Азию и на Ближний Восток. Китай интересуется безопасностью путей в порты Гвадар (Пакистан) и Чобохар (Иран), а также своих активов в афганской провинции Бамиан [Турарбекова].

Если рассматривать экономическое сотрудничество двух стран, то уместно сказать, что не так давно Министерство финансов Таджикистана официально заявило, что общий внешний долг Таджикистана по итогам первого полугодия 2020 г. составляет 3 млрд 96 млн долл. При этом долг Экспортно-импортному банку КНР — 36,6 % от общей суммы всего внешнего долга, а точнее, 1 млрд 133,4 млн долл. [Китай отсрочил].

Интересно, что руководство Таджикистана предпочитает расплачиваться по долгам не только природными ресурсами, как это делает Кыргызстан, но и собственной территорией. Так, в 2011 г. Таджикистан тихо и мирно передал Китаю 1,1 тыс. кв. км так называемых

«спорных территорий Восточного Памира». Спустя 5 лет Таджикистан предложил КНР открыть на таджикском Памире военную базу. Заметим, что это был уже третий в истории случай передачи земель Таджикистана Китаю. [Федоров].

Считается, что *Туркменистан* — самая «закрытая» страна в Центральной Азии. Тем не менее, эта страна с примитивной, как утверждается, структурой экономики оказалась в наибольшей зависимости от Китая из всех центральноазиатских государств. Так, основным рынком туркменского газа — это Китай, что дает 25 % всего ВВП Туркменистана. Экспорт туркменской продукции в Китай составляет 83,7 %. Государственный долг Туркменистана — 50 % от его ВВП, а 50 % непогашенного долга принадлежит Китаю [Тураббекова].

В рамках проекта «Один пояс — один путь» предполагается, что Туркменистан станет частью железнодорожного транспортного коридора Китай—Казахстан—Туркменистан—Иран.

Анализируя вышеизложенное, следует отметить, что с учётом нынешних темпов развития связей КНР с государствами Центральной Азии значимость Китая для стран региона в перспективе будет неуклонно возрастать. Дальнейшее увеличение китайского капитала в экономике стран Центральной Азии — процесс неизбежный. Он связан как со слабостью инвестиционных стратегий других крупных международных акторов в ЦАР, так и с заинтересованностью стран региона в модернизации своих экономик.

К основным проблемам, которые могут вызвать препятствия для дальнейшего эффективного развития отношений КНР с государствами Центральной Азии, следует отнести следующие:

Во-первых, в некоторых странах Центральной Азии существуют устойчивые антикитайские настроения, которые имеют давние исторические корни и периодически подогреваются определенными, заинтересованными в нестабильности политическими силами, включая зарубежные.

Во-вторых, жесткая финансовая политика в осуществлении совместных экономических проектов, иногда включающих превращение некоторых национальных территорий центральноазиатских государств в собственность Китая, предполагает усиление националистических настроений в регионе.

В-третьих, значительный рост числа китайских рабочих-мигрантов на территории государств Центральной Азии сопровождается ростом безработицы среди местного населения.

В-четвертых, на фоне пандемии коронавируса наблюдается снижение активности КНР в рамках реализации проекта «Один пояс — один путь», через который планировалось реализовать многие инфраструктурные проекты. Очевидно, что в такой ситуации Китай будет постепенно сокращать свои инвестиции в регион, что, естественно, снизит темпы экономического сотрудничества.

Нельзя особо не выделить вопросы, которые непосредственно связаны с политикой, проводимой в регионе Российской Федерации.

Как указывалось выше, в настоящее время в Центральной Азии активно взаимодействуют два основных внешних актора, которые оказывают и, скорее всего, продолжат оказывать в ближайшем будущем и среднесрочной перспективе комплексное влияние на экономическое развитие ЦАР, сотрудничество в сфере безопасности, а также в культурной сфере. Это Россия и Китай. Соединенные Штаты хотя и пытаются в последнее время активно влиять на ситуацию, но их возможности в плане создания серьезной конкуренции Москве и Пекину весьма ограничены.

При этом необходимо помнить, что до середины 2000-х гг. Россия была абсолютно доминирующим внешним игроком в регионе. Однако постепенно ситуация в ЦАР стала меняться. Китай превратился в потребителя практически всех природных ресурсов центральноазиатских государств, обеспечив, в свою очередь, свой огромный внутренний рынок для экспорта центральноазиатских товаров. У российских компаний просто нет денег и возможностей развивать, например, ресурсные проекты в Казахстане или в Кыргызстане, вести разведку и добычу газа в Туркменистане, осуществлять другие внешнеэкономические проекты в условиях нехватки финансовых ресурсов. А у китайцев такие деньги есть.

Поэтому китайское экономическое доминирование в Центральной Азии неизбежно. В России уже признают, что экономическая конкуренция с Китаем в Центральной Азии проиграна. Пока мы не можем — и в ближайшем будущем вряд ли сможем — предложить сопоставимый с китайским рынок для товаров этим странам [Габуев]. Если обобщить ситуацию, то можно утверждать, что в настоящее время Пекин взял на себя роль создателя экономической архитектуры в Центральной Азии, оставив России играть ведущую роль в создании архитектуры безопасности в регионе.

Главными институтами для России в ЦАР остаются ЕАЭС и ОДКБ. Не должно быть сомнений, что Россия в настоящее время яв-

ляется основным гарантом региональной безопасности. Достаточно сказать, что российские военные базы имеются в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Их задача — обеспечить эффективное противостояние исламским радикалам и международным террористическим организациям, а также не допустить распространения их деятельности на территории региона.

Более того, России пока удается поддерживать свое традиционное влияние в регионе. Популярность России среди русскоязычного населения центральноазиатских государств, которое, кстати, составляет большую часть населения этих стран, выше, чем Китая. Кроме того, китайская экспансия в ЦАР не остается незамеченной и вызывает серьезную озабоченность у местного населения, тем более при наличии не совсем понятной обстановки в Синьцзяне.

Однако главное, что объединяет Москву и Пекин в проведении совместной политики в Центральной Азии — это борьба с попытками установить в регионе гегемонию США, как это происходит в других регионах мира. Интерес США к данному региону связан в первую очередь с их стремлением сдерживать Россию и Китай, поскольку эти страны, как утверждают американцы, являются геополитическими противниками Вашингтона.

Кроме того, активное экономическое сотрудничество Китая с центральноазиатскими государствами существенно ослабляет позиции Запада в регионе. Так, в результате того, что именно Китай является на сегодня главным импортером центральноазиатского газа, полностью исключается возможность прямого импорта этого газа в ЕС. Кроме того, возникшая ситуация лишь усиливает зависимость ЕС от поставок газа из России и окончательно хоронит такие проекты газопроводов, как «Набукко», «Южный газовый коридор», «Транскаспийский газопровод» [Суслов].

Таким образом, следует констатировать, что Россия в настоящее время позитивно-нейтрально относится к политике Китая в Центральной Азии. Это обусловлено, прежде всего, тем, что она не рассматривает Китай в качестве геополитического соперника. Китай также никогда не противопоставлял себя России, которая, в свою очередь, относится к этой позиции Пекина с большим уважением и не рассматривает китайское экономическое присутствие в регионе в качестве угрозы. Более того, у России и Китая в ЦАР есть общие интересы: это, прежде всего, обеспечение региональной политической стабильности, а также совместная борьба с экстремизмом, терроризмом и сепаратизмом.

Следует также отметить, что, реализуя свою политику в Центральной Азии, Москва в гораздо меньшей степени озабочена внутривнутриполитическим развитием и внутривнутриполитическими реформами в странах постсоветского пространства. Она больше озабочена их геополитической ориентацией. Если реформы, которые проводятся в государствах Центральной Азии, укрепляют стабильность этих стран, предотвращают революционное развитие проходящих в них событий, то Россия их только приветствует.

В заключение следует отметить, что, несмотря на все имеющиеся межгосударственные разногласия и разные подходы в решении многих вопросов в Центральной Азии, можно смело утверждать, что в условиях сохраняющегося противостояния России и США, США и Китая отношения между Пекином и Москвой как минимум в ближней и среднесрочной перспективе будут развиваться только по восходящей. Уже сейчас достаточно очевидно, что Россия и Китай больше выигрывают от двустороннего и многостороннего сотрудничества, чем из открытого противоборства.

2.5. Противостояние в киберпространстве Восточной Азии и перспективы российско-китайского взаимодействия

В последние годы одной из самых острых и актуальных тем стала проблема обеспечения стабильного и безопасного функционирования цифрового или, как ещё принято говорить, киберпространства. Особенно напряженная ситуация складывается в Восточной Азии, где продолжает возрастать военное и политическое противостояние, в том числе в цифровой сфере. Это создает огромные риски для развития восточноазиатских стран. Когда говорят о восточноазиатском рубеже киберпротивостояния, в первую очередь имеют в виду восточноазиатскую дугу. Это особая географическая полоса, которая берет начало в Северо-Восточной Азии, проходит вдоль дальневосточных границ России, приближается к восточному побережью Китая, затем огибает его с юга, проходит через страны Юго-Восточной Азии и далее идет на запад, захватывая страны Южной Азии — Индию, Шри Ланку, затрагивая также зону Суэцкого канала и важнейшие морские артерии доставки ближневосточной нефти в США, Канаду, Японию, КНР и другие страны. Выдвижение Западом тезиса о «российско-китайской угрозе» и его активное внедрение в медийную среду восточноазиатской зоны серьезно осложняют международную обстановку в

этой зоне и киберпространстве вдоль восточноазиатской дуги, которая играет весьма значительную роль в мировом развитии. Ведь именно здесь находятся, или примыкают к нему, 5 из 7 мировых центров высоких технологий. В этой же полосе наблюдается самая плотная концентрация производителей информационно-коммуникационных систем, компьютерной техники и оборудования для работы мобильной связи. Здесь самый высокий уровень численности пользователей Интернета в мире. Азиатский континент сегодня занимает преобладающее положение в мировом киберпространстве. Больше половины всех пользователей Интернета живет в азиатских странах. С учетом остального мира соотношение по другим показателям почти не меняется. Азия лидирует и по количеству персональных компьютеров, и по количеству смартфонов. Причем, этот показатель постоянно растет: общее количество подписчиков на мобильные Интернет-ресурсы в регионе выросло с 1,12 млрд в 2014 г. до 1,41 млрд в 2015 и 1,6 млрд в 2016 г. Страны Азии являются лидерами и по числу участников социальной сети Фейсбук — почти 868 млн пользователей по состоянию на 1 февраля 2020 г. Это количество составляет более 50 % от общего количества пользователей Фейсбука во всем мире (1,679 млрд), и эта цифра продолжает расти. А это означает, что значительное количество жителей стран Азии оказываются потенциальными заложниками манипуляций американских IT-гигантов. Если учесть национальные социальные сети, то эта цифра увеличится в разы; таким образом, Азия опережает по этому показателю Европу и обе Америки. В результате азиатский континент сегодня превратился в крайне важный перекресток в евразийском киберпространстве, где играет все более возрастающую роль в развитии цифровой экономики и электронной коммерции, а также в создании современного информационного общества.

Для того, чтобы обеспечить азиатский континент и гигантскую армию сетевых пользователей необходимыми услугами, в регионе создана, вероятно, самая насыщенная и самая энергетически емкая и разветвленная сервисная телекоммуникационная инфраструктура, которая опирается на технологические разработки и техническое телекоммуникационное оборудование, нередко получаемое из Китая. Это обстоятельство создает для КНР ряд преимуществ, позволяющих контролировать столь обширную зону, каковой является Азия.

Одновременно это же обстоятельство делает регион очень уязвимым для внешнего вторжения и разрушения устойчивого функционирования находящихся в нем телекоммуникационных систем, что

превращает проблему кибербезопасности в восточной части Азии в крайне актуальную в условиях постоянного и весьма острого противостояния США и КНР в области ИКТ.

К этому стоит добавить, что эта географическая зона все больше становится зоной роста военного противостояния и напряженности между США и их союзниками, с одной стороны, а также КНР и РФ — с другой. И эта тенденция продолжает нарастать. Более того, в процесс противостояния в киберпространстве Восточной Азии включаются европейские союзники США.

Помимо укрепления чисто военного присутствия в регионе, страны НАТО активизируют свою деятельность в восточноазиатском киберпространстве, стремясь добиться односторонних преимуществ в киберсреде. Подразделения кибервойск в Республике Корея созданы в 2009 г. В Японии кибервойска появились в 2013 г. В КНР кибервойска официально созданы в 2012 г., а в 2016 г. они вошли в состав Сил стратегической поддержки, куда также включены ВКС, ракетные войска и Центр армейского командования. Россия оказалась последней в этой очереди создателей «сетевых войск». О намерении создать подразделения кибер-обороны Министерство обороны РФ объявило только в 2014 г.

Заместитель генсека НАТО Мирча Джоанэ заявил в сентябре 2020 г. в Брюсселе, что страны альянса должны сохранять превосходство в современных технологиях, в том числе в киберпространстве, чтобы обеспечивать безопасность своих граждан. При этом замгенсека НАТО не скрывал, что наращивание киберпревосходства альянса в Восточной Азии направлено против Китая и России. «Нам надо быть уверенными, что мы сохраняем лидерство, что у нас лучшие специалисты, лучшие университеты и лучшие компании, как и лучшие военные в мире», — сказал Джоанэ, выступая 28 сентября 2020 г. на европейском форуме по кибербезопасности CYBERSEC.

Он подчеркнул, что страны НАТО должны оставаться конкурентоспособными в сфере новых и новейших технологий, а для этого «необходимы постоянные и коллективные усилия». «Это тоже ключ к нашей безопасности и защите наших фундаментальных ценностей: свободы, демократии и главенства права», — подчеркнул Джоанэ.

В связи с этим показательно, что управление кибервойсками Южной Кореи и Японии было структурировано по регламентам США и НАТО, а представители южнокорейского киберкомандования и японского Центра по обеспечению кибербезопасности прошли переподготовку в Таллинском руководстве по киберобороне — натовской струк-

туре, созданной для проведения киберопераций против России и ее партнеров. К этому следует добавить, что США активно насыщают эту зону оружием массового поражения, размещая ракеты средней дальности и создавая системы ПРО с размещением в Южной Корее и в Японии. Кроме того, Пентагон создает в этой тихоокеанской зоне новую военно-морскую группировку и проводит здесь совместные с союзниками по НАТО военно-морские учения. При этом их организаторы не скрывают, что учения направлены против Китая. Наряду с ростом военного давления и военных угроз и рисков возрастает количество агрессивных киберопераций против КНР и РФ, которые нередко реализуются в том числе с территорий стран, расположенных в зоне восточноазиатской дуги. В связи с этим уместно напомнить, что летом 2020 г. во время общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ против компьютерного центра Центризбиркома России была проведена массированная Ddos-атака. Нападение было произведено с территории США, Великобритании и... Сингапура. Нападение на серверы ЦИК произошло в тот момент, когда Центризбирком был занят анализом и обработкой результатов голосования. Специалисты ЦИК отразили и нейтрализовали нападение.

Кибератаки на Россию и Китай продолжаются, и объектами таких атак становятся энергетические структуры, финансовые институты. Опасность подобных действий очевидна.

Не следует забывать, что кибернападение с применением боевых вирусов имеет мощный, серьезный мультипликативный эффект. Нанесение киберудара по одной стране может очень быстро привести к негативным последствиям в другом государстве. В связи с этим полезно напомнить о последствиях применения боевых вирусов против Ирана (решение о кибератаке принял лично американский президент Барак Обама). В июне 2010 г. американский компьютерный вирус под названием Stuxnet поразил иранскую атомную электростанцию Натанц. Это событие также означало, что наступило время информационных войн.

Stuxnet инфицировал свыше 60 000 компьютеров, более половины из которых находились в Иране; остальные пострадавшие страны — Индия, Индонезия, Китай, Азербайджан, Северная Корея, Малайзия, США, Великобритания, Австралия, Финляндия и Германия.

За последний год опасность повторения американцами подобных нападений возросла. Перед тем, как покинуть Овальный кабинет, бывший президент США Дональд Трамп подписал указ о том, что для нанесения киберудара по противнику отныне не требуется решения

на уровне президента страны, достаточного того, чтобы решение о применении боевых вирусов было принято на уровне руководства ЦРУ, АНБ или Пентагона, что резко увеличивает риски возникновения кибер-войн в современном информационном пространстве.

Библиографический список (глава 2)

В 2019 г. Узбекистан активно вел торговлю с Китаем и Россией // Агентство News-front. URL: <https://news-front.info/2020/01/23/v-2019-godu-uzbekistan>. 23.01.2020. (дата обращения: 30.06.2021).

Габуев А. Роль Китая не может играть ни одна страна // Review Центральная Азия. 09.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4671797> (дата обращения: 30.06.2021).

Гао Ханьсюнь. США не оставляют в покое Синьцзян и Центральную Азию // Российская газета. 30.08.2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/08/30/ssha-ne-ostavliaiut-v-покое-sinczian-i-centralnuiu-aziiu.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Зейнатдинов В. Совет министров иностранных дел ОДКБ в Душанбе обсудил международную обстановку и ее влияние на безопасность государств — членов организации. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/soviet-ministrov-inostrannykh-del-odkb-v-dushanbe-obsudil-mezhdunarodnuyu-obstanovku-i-ee-vliyanie-na/ (дата обращения: 14.06.2021).

Золотарёв А. МИД Китая назвал вывод войск США ударом по процессу перемирия в Афганистане. URL: <https://riafan.ru/1445789-mid-kitaya-nazval-vyvod-voisk-ssha-udarom-po-processu-peremiriya-v-afganistane/> (дата обращения: 16.05.2021).

Исаев А. Афганский фактор центральноазиатской безопасности. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30215/> (дата обращения: 14.05.2021).

Китай отсрочил Таджикистану выплату долга // Sputnik. Таджикистан. 05.08.2020. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200805/tajikistan-dolg-china-1031686415> (дата обращения: 30.06.2021).

Клименко А.Ф. Перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности / Национальные интересы: приоритеты и безопасность. / ООО «Издательский дом Финансы и Кредит» (Москва). Т. 10. № 30 (267). 2014. С. 44.

Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблемы и перспективы её реализации в аспекте обеспечения безопасности/. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. Сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 143.

Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, 1967. 324 с.

Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества и Секретариатом Организации Договора о коллективной

безопасности. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902383860/> (дата обращения: 14.03.2021).

Мусофир С. Китай постепенно вытесняет Россию с таджикского Памира. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/12/17/kitay-postепенno-vytesnyaet-rossiyu-s-tadzhijskogo-pamira/> (дата обращения: 17.05.2021).

Нарышкин С. Американцы уходят, мир скоро вздрогнет: что началось в Афганистане. URL: https://ria.ru/20210603/afganistan-1735484627.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1622883262000 / (дата обращения: 14.06.2021).

Новый Ташкентский пакт // Подробно.uz. 03.02.2020. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/novyy-tashkentskiy-pakt-gossekretar-pompeo-zayavil> (дата обращения: 30.06.2021).

О внешнем долге Кыргызстана перед миром и Китаем // MKRU. Киргизия. 17.11.2020. URL: <https://www.mk.kg/economics/2020/11/17/o-vneshnem-dolge-kyrgyzstana-pered-mirom-i-kitaem.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Организация Урумчийского договора: Китай становится лидером нового регионального военного альянса. URL: http://china-inc.ru/news/organizacija_urumchijского_dogovora_kitaj_stanovitsja_liderom_novogo_regionalnogo_voennogo_aljansa/2016-09-02-792/ / (дата обращения: 14.05.2021).

Патрушев Н. Патрушев призвал ОДКБ повысить эффективность борьбы с наркотиками на афганском направлении. URL: <https://tass.ru/politika/6598850/> (дата обращения: 10.06.2021).

Пац А. Афганистан накануне катастрофы. URL: <https://russiancouncil.ru/analyt-ics-and-comments/analytics/afganistan-nakanune-katastrofy/> / (дата обращения: 14.06.2021).

Подробнее: URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/12/17/kitay-postепенno-vytesnyaet-rossiyu-s-tadzhijskogo-pamira/> (дата обращения: 17.05.2021).

Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М., 2018. 336 с.

Свято место: почему США возвращаются в Центральную Азию // Известия. 12.02.2020. URL: <https://iz.ru/974939/galina-ivanova/sviato-mesto-pochemu> (дата обращения: 30.06.2021).

Суслов Д. Россия — 2021: отношения с США, Китаем и Центральной Азией. URL: <https://саа-network.org/archives/21375> от 09.02.2021 г. (дата обращения: 10.02.2021).

США представили новую стратегию по Центральной Азии // Газета.uz. 06.02.2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/02/06/са-strategy/> (дата обращения: 30.06.2021).

Талибы вышли на таджикскую границу: захвачен КПП «Шерхан-Бандар». URL: https://eadaaily.com/ru/news/2021/06/22/taliby-vyshli-na-tadzhijskuyu-granicu-zahvachen-kpp-sherhan-bandar?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr/ / (дата обращения: 24.06.2021).

Турарбекова Р. Китай в Центральной Азии: стратегия, интересы, инструменты продвижения // Наше мнение. 26.09.2019. URL: <https://nmnby.eu/news/analytics/6941> (дата обращения: 30.06.2021).

Умаров Т. В поисках базы. Вернутся ли американские военные в Центральную Азию. (Carnegie Moscow Center, Россия). 2021 URL: <https://inosmi.ru/politic/20210528/249814408.html> / (дата обращения: 11.05.2021).

Федоров Е. Экспансия Китая. Безальтернативный выбор Средней Азии // Военное обозрение. 19.10.2020. URL: <https://topwar.ru/176206-jekspansija-kitaja-bezal-ternativnuj-vybor-srednej-azii.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Черненко Е. Самоценный регион. США поборются за Центральную Азию с Россией и Китаем // Коммерсантъ. 07.02.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4244360> (дата обращения: 30.06.2021).

Шойгу С. Шойгу предложил коллегам из ОДКБ в ближайшее время обсудить обстановку в Афганистане. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/11733825> / (дата обращения: 24.05.2021).

Яркая картина экономической дипломатии Китая. URL: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/yarkaaya-kartina-ekonomicheskoy-diplomatii-kitaya> (дата обращения: 23.05.2021).

Бянь Чжучжэ. Илан: Дуй вайтоцзы хэцзо гобе (Иран: сотрудничество в сфере иностранных инвестиций). Цзинци хэцзо няньцзююань. Бэйцзин, 2017. С. 54 (96 с.). (Кит.)

Ёсида, Дзинкан. Тай Росиа кэйдзай сэйсай но эйкё (Влияние экономических санкций на Россию). Каннихонкай кэйдзай кэнкюсё. Ниигата, 2018. С. 52 (51—70 с.). (Япн.)

Ли Вэй, Сунь И. Лицzie Чжунго цзинци вайцзю : [Анализируя экономическую дипломатию Китая] // Вайцзю пинлунь. 2014. № 4. С. 1—24. (На кит. яз.)

Мория, Масаюки. Хого сэйсаку (Политика протекционизма). Сякай Гаккай. Том 11. Токио, 2019. С.47 (65—75 с.). (Япн.)

Хакамада, Сигэдзю. Росиа-ни окэру дайкокусюги но фукацзу (Оживление национализма крупной державы в России). Нихон андзэн хосё боэки гаккай. Ниигатакэн дайгаку. “Экусупэруто”. № 13. Ниигата, 2014. С.15 (14—22 с.). (Япн.)

Чжао Хуашэн. Оуя итайхуа: синьсяньши (Евразийская Интеграция: новые реалии) // Цинхуа дасюе чжунсинь. Бэйцзин, 2020. С.4 (5 с.). (Кит.)

Glaser, Bonnie S. China's Coercive Economic Diplomacy // The Diplomat. July 25, 2012. URL: <https://thediplomat.com/2012/07/chinas-coercive-economic-diplomacy/> (accessed: 23.05.2021).

Godehardt, Nadine. Chinas “neue” Seidenstraßeninitiative. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2014. S.16 (31 s.). (In German).

Jakubowicz, Sibylle. Ist die chinesische Volkswirtschaft offen ? Working Paper. Tübinger Diskussionsbeiträge, No.73. 2020. S.12 (18 s.). (In German)

Macikenaite, Vida. China's economic statecraft: the use of economic power in an interdependent world // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Issue 2:

Politics and Diplomacy of China as a Major Power. P. 108—126. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/24761028.2020.1848381> (accessed: 23.05.2021).

Meister, Stefan. Rußlands neue Außen- und Sicherheitspolitik. Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik Nr.12. Berlin, 2018. S.5 (7 s.) (In German)

Peterson, Nicole. Russian Strategic Intentions. Department of Defense. U.S. Government. Washington D.C. 2019. P.130 (151 p.)

Pizzolo, Paolo. Eurasianism: An ideology for the multipolar world. Libera universita' internazionale degli studi sociali publishing. Milano, 2017. P.330 (543 p.)

Roy, Denny. China's pandemic diplomacy / Analysis from the East-West Center // Asia Pacific issues. 2020. No. 144. P. 1—8.

Simons, Greg. New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order. University of Canterbury. New Zealand, 2019. P.79 (77—93 p.)

Van Heising, Jan. Geheimgesellschaften und ihre macht im 20 jahrhundert oder. Trilaterale Kommission. Bilderberger, CFR, UNO. Burggen, 2021. S.72 (164 s.) (In German)

References

Bian Zhuzhe. Ilang: Dui waitouzi hezuo guobie (Iran: cooperasion in the foreign investment sphere). Jingji hezuo yanjiuyuan. Beijing, 2017. P.54 (96 p.). (In Chinese)

Chernenko E. Samocennyj region. SHA poboryutsya za Central'nyu Aziyu s Rossiej i Kitaem [Self-valuable region. The United States will compete for Central Asia with Russia and China] Kommersant [Kommersant] dated 07.02.2020. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4244360> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Organizatsiya Urumchiyskogo dogovora: Kitay stanovitsya liderom novogo regional'nogo voyennogo al'yansa. [Organization of the Urumqi Treaty: China becomes the leader of a new regional military alliance]. URL: http://china-inc.ru/news/organizacija_urumchijskogo_dogovora_kitaj_stanovitsja_liderom_novogo_regionalnogo_voennogo_aljansa/2016-09-02-792/ (accessed: 14.05.2021). (In Russian).

Fedorov E. Ekspansiya Kitaya. Bezal'ternativnyj vybor Srednej Azii [China's expansion. The non-alternative choice of Central Asia] Voennoe obozrenie [Military Review] of 19.10.2020. URL:<https://topwar.ru/176206-jekspansija-kitaja-bezal'ternativnyj-vybor-srednej-azii.html> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Gabuev A. Rol' Kitaya ne mozhet igrat' ni odna strana [No country can play the role of China] Review Central'naya Aziya [Central Asia Review] dated 09.02.2021 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4671797> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Gao Hanxun. SHA ne ostavlyayut v pokoe Sin'czyan i Central'nyu Aziyu [The United States does not leave Xinjiang and Central Asia alone] Rossijskaya gazeta [Rossijskaya Gazeta] dated 30.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/30/ssha-ne-ostavlyaiut-v-pokoe-sinczian-i-centralnui-aziiu.html> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Glaser, Bonnie S. (2012). China's Coercive Economic Diplomacy, *The Diplomat*, July 25. URL: <https://thediplomat.com/2012/07/chinas-coercive-economic-diplomacy/> (accessed: 23 May, 2021).

Godehardt, Nadine. Chinas “neue” Seidenstraßeninitiative. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2014. S.16 (31 s.) (In German)

Hakamada, Shigeju. Rosia-ni okeru daikokushugi no fukkatsu (The revival of big power nationalism in Russia). Nihon anzen hosyo boeki gakkai. Niigataken daigaku. “Ekusuperuto”, No.13. Niigata, 2014. P.15 (14–22 p.) (In Japanese)

Isayev A. (2021). Afganskiy faktor tsentral'noaziatskoy bezopasnosti. [The Afghan factor of Central Asian security]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30215/> (accessed: 14.05.2021). (In Russian).

Jakobowicz, Sibylle. Ist die chinesische Volkswirtschaft offen ? Working Paper. Tübinger Diskussionsbeiträge, No.73. 2020. S.12 (18 s.) (In German)

Kitaj otsrochil Tadzhykistanu vyplatu dolga [China has allowed Tajikistan an extension of time for payment of debt] Agentstvo Sputnik. Tadzhykistan [Sputnik. Tajikistan Agency] dated 05.08.2020. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200805/tajik-istan-dolg-china-1031686415> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Klimenko A.F. (2014). Perspektivy razvitiya voyenno-politicheskoy obstanovki v Tsentral'noy Azii. Vzaimodeystviye ODKB i ShOS po obespecheniyu regional'noy bezopasnosti. [Prospects for the development of the military-political situation in Central Asia. Cooperation between the CSTO and the SCO to ensure regional security]. Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'. [National interests: priorities and security.]. ООО «Издательский дом Финансы и Кредит» (Moskva). [LLC “Publishing House Finance and Credit” (Moscow)]. T. 10, № 30 (267), 2014, p. 44. (In Russian).

Klimenko A.F. (2017). Strategiya razvitiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva: pro-blemy i perspektivy ee realizatsii v aspekte obespecheniya bezopasnosti. [The development strategy of the Shanghai Cooperation Organization: problems and prospects of its implementation in the aspect of ensuring security]. Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. [China in world and regional politics. History and modernity]. M.: Vypusk XXII: ezhegodnoye izdaniye. [Issue XXI: annual edition I]: p. 143 (In Russian).

Klimenko A.F. (2019). Strategiya razvitiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva. Problema oborony i bezopasnosti s toчки zreniya natsional'nykh interesov Rossii. [The development strategy of the Shanghai Cooperation Organization. The problem of defense and security from the point of view of Russia's national interests]. Otv. red. Ju. V. Morosov — M.: IDV RAN, 2019, p. 206—213.

Li Wei, Xun Yi (2014). Lijie Zhongguo jingji waijiao [Understanding economic diplomacy of China], *Waijiao Pinglun* [Foreign Affairs Review], no. 4: 1-24. (In Chinese).

Macikenaite, Vida (2020). China's economic statecraft: the use of economic power in an interdependent world, *Journal of Contemporary East Asia Studies*. vol. 2020, issue 2: Politics and Diplomacy of China as a Major Power: 108—126. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/24761028.2020.1848381> (accessed: 23 May, 2021).

Mao Ze-dong (1967). Vyderzhki iz proizvedenij [Excerpts from works], Pekin: Izd-vo lit-ry na inostr. yazykah [Peking: Publishing house of literature on foreign languages], 324 p. (In Russian).

Meister, Stefan. Rußlands neue Außen- und Sicherheitspolitik. Deutschen Gesellschafts für Auswärtige Politik Nr.12. Berlin, 2018. S.5 (7 s.) (In German)

Memorandum. (2008). Memorandum o vzaimoponimanii mezhdru Sekretariatom Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva i Sekretariatom Organizatsii Dogovora o kolektivnoy bezopasnosti. [Memorandum of Understanding between the Secretariat of the Shanghai Cooperation Organization and the Secretariat of the Collective Security Treaty Organization]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902383860/> (accessed: 14.03.2021). (In Russian).

Moriya, Masayuki. Hogo seisaku (Protection Policy). Syakai Gakkai. Vol. 11. Tokyo, 2019. P.47 (65—75 p.) (In Japanese)

Musofir. S. (2019). Kitay postepenno vytesnyayet Rossiyu s tadjihskogo Pamira. [China is gradually displacing Russia from the Tajik Pamir]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/17/kitay-postepenno-vytesnyaet-rossiyu-s-tadjihskogo-pamira/> (accessed: 17.05.2021). (In Russian).

Naryshkin S. (2021). Amerikantsy ukhodyat, mir skoro vdrognet: chto nachalos' v Afganistane. [Americans are leaving, the world will soon shudder: what started in Afghanistan.]. URL: https://ria.ru/20210603/afganistan-1735484627.html?utm_source=yxnews / (accessed: 14.06.2021). (In Russian).

Novyj Tashkentskij pakt [New Tashkent Pact] // Agentstvo novostej Podrobno.uz [Podrobno.uz News Agency] dated 03.02.2020 URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/novyy-tashkentskiy-pakt-gossekreter-pompeo-zayavil> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

O vneshnem dolge Kyrgyzstana pered mirom i Kitaem [On the external debt of Kyrgyzstan to the world and China] MKRU. Kirgiziya [MKRU. Kyrgyzstan] dated 17.11.2020. URL:<https://www.mk.kg/economics/2020/11/17/o-vneshnem-dolge-kyrgyzstana-pered-mirom-i-kitaem.html> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Patrushev N. (2021). Patrushev prizval ODKB povysit' effektivnost' bor'by s narkotikami na afganskom napravlenii. [Patrushev called on the CSTO to increase the effectiveness of the fight against drugs in the Afghan direction]. URL: <https://tass.ru/politika/6598850> / (accessed: 10.06.2021). (In Russian).

Pats A. (2021). Afganistan nakanune katastrofy. [Afghanistan on the eve of the disaster]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-nakanune-katastrofy/> (accessed: 14.05.2021). (In Russian).

Peterson, Nicole. Russian Strategic Intentions. Department of Defense. U.S. Government. Washington D.C. 2019. P.130 (151 p.)

Pizzolo, Paolo. Eurasianism: An ideology for the multipolar world. Libera universita' internazionale degli studi sociali publishing. Milano, 2017. P.330 (543 p.)

Roy, Denny (2020). China's pandemic diplomacy / Analysis from the East-West Center, Asia Pacific issues, no. 144: 1—8.

Safronova, E.I. (2018). Kitaj i razvivayushchijisya mir: koncepcii i aktual'naya praktika otnoshenij (na primere Afriki i Latinskoj Ameriki) [China and the Developing World: Concepts and actual practice of relations (on the example of Africa and Latin America)]. M.: Forum, 336 p. (In Russian).

SHA predstavili novuyu strategiyu po Central'noj Azii [The USA presented a new strategy for Central Asia] *Gazeta.uz* [*Gazeta.uz*] dated 06.02.2020 URL:<https://www.gazeta.uz/ru/2020/02/06/ca-strategy/> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Shoygu S. (2021). Shoygu predlozhit kollegam iz ODKB v blizhaysheye vremya obsudit' obstanovku v Afgani-stane. [Shoigu invited his colleagues from the CSTO to discuss the situation in Afghanistan in the near future]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/11733825> / (accessed: 24.05.2021). (In Russian).

Simons, Greg. New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order. University of Canterbury. New Zealand, 2019. P.79 (77—93 p.)

Suslov D. Rossiya — 2021: otnosheniya s SSHA, Kitaem i Central'noj Aziej [Russia — 2021: relations with the US, China and Central Asia] URL: <https://ca-network.org/archives/21375> of 09.02.2021 (accessed: 10 February, 2021). (In Russian).

Svyato mesto: pochemu SHA vozvrashchayutsya v Central'nuyu Aziyu [Holy place: why the United States is returning to Central Asia] *Izvestiya* [*Izvestia*] dated 12.02.2020 URL: <https://iz.ru/974939/galina-ivanova/sviato-mesto-pochemu> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Taliby vyshli na tadjihskuyu granitsu: zakhvachen KPP «Sherkhan-Bandar» [The Taliban reached the Tajik border: the Sherkhan-Bandar checkpoint was captured]. URL: https://eadaaily.com/ru/news/2021/06/22/taliby-vyshli-na-tadjihskuyu-granicu-zahva-chen-kpp-sherhan-bandar?utm_referrer=https://zen.yandex.com/ (accessed: 24.06.2021). (In Russian).

Turarbekova R. Kitaj v Central'noj Azii: strategiya, interesy, instrumenty prodvizheniya [China in Central Asia: strategy, interests, promotion tools] *Nashe mnenie* [Our Opinion], dated 26.09.2019. URL: <https://nmnby.eu/news/analytics/6941> (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Umarov T. (2021). V poiskakh bazy. Vernutsya li amerikanskiye voyennyye v Tsentral'nuyu Aziyu (Carnegie Moscow Center, Rossiya). [In search of a base. Will the US military return to Central Asia]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210528/249814408.html/> (accessed: 11.05.2021). (In Russian).

V 2019 godu Uzbekistan aktivno vel trgovlyu s Kitaem i Rossiej [In 2019, Uzbekistan actively traded with China and Russia] *Agentstvo News-front* [News-front agency] URL: <https://news-front.info/2020/01/23/v-2019-godu-uzbekistan> from 23.01.2020 (accessed: 30 June, 2021). (In Russian).

Van Heising, Jan. Geheimgesellschaften und ihre macht im 20 jahrhundert oder. Trilaterale Kommission. Bilderberger, CFR, UNO. Burggen, 2021. S.72 (164 s.) (In German).

Yarkaya kartina ekonomicheskoy diplomatii Kitaya [The vivid picture of China's economic diplomacy]. URL: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/yarkaya-kartina-ekonomicheskoy-diplomatii-kitaya> (accessed: 23 May, 2021). (In Russian).

Yoshida, Jinkan. Tai Roshia keizai seisai no eikyo [Influence of economic sanctions toward Russia]. *Kannihonkai keizai kenkyushyo.* Niigata, 2018. P.52 (51—70 p.) (In Japanese).

Zeynatdinov V. (2021). Sovet ministrov inostrannykh del ODKB v Dushanbe obsudil mezhdunarodnuyu obstanovku i ee vliyaniye na bezopasnost' gosudarstv — chlenov Orga-nizatsii. [The CSTO Council of Foreign Ministers in Dushanbe discussed the international situation and its impact on the security of the Organization's member states]. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sovet-ministrov-inostrannykh-del-odkb-v-dushanbe-obsudil-mezhdunarodnuyu-obstanovku-i-ee-vliyaniena/ (accessed: 14.06.2021). (In Russian).

Zhao Huasheng. Ouya yitaihua: xinxiangshi [Eurasian Integration: New Realities]. *Qinghua daxue zhongxin.* Beijing, 2020. P.4 (5 p.) (In Chinese).

Zolotarev A. (2021). MID Kitaya nazval vyvod voysk SShA udarom po protsessu peremiriya v Afganistane. [The Chinese Foreign Ministry called the withdrawal of US troops a blow to the truce process in Afghanistan]. URL: <https://riafan.ru/1445789-mid-kitaya-nazval-vyvod-voisk-ssha-udarom-po-processu-peremiriya-v-afganistane/> (accessed: 16.05.2021). (In Russian).

Глава III

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ДВУСТОРОННЕГО ПАРТНЕРСТВА

3.1. Основные проблемы развития российско-китайских торгово-экономических отношений в настоящее время

Китайская Народная Республика является одним из постоянных ведущих торговых партнеров Российской Федерации. Так, в 2020 г. товарооборот наших стран составил 107,4 млрд долл. При этом Россия после значительного «обвала» рубля на валютном рынке с конца 2014 г. уже не входит в десятку ведущих партнеров КНР (11-е место по объему внешней торговли). По данным ГТУ КНР, двусторонний товарооборот в 2020 г. составил 107,76 млрд долл. (–2,9 %), в том числе экспорт из России в КНР — 57,18 млрд долл. (–6,6 %), импорт из КНР в Россию — 50,58 млрд долл. (+1,7 %). [2020 нянь ЧжунЭ] (табл. 1).

Для нашей страны Китай выглядит не просто предпочтительным, но оптимальным зарубежным партнером в решении стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока. Во-первых, только ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этих территорий, которая требует крупных капиталовложений и длительных сроков. Во-вторых, подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает интересам Китая, поскольку способствует решению задачи возрождения старой промышленной базы в соседних с Россией северо-восточных провинциях страны и улучшению ресурсного обеспечения экономики КНР в целом. Наконец, заметный рост торговли с Китаем, благодаря «демонстрационному эффекту», будет косвенно

Таблица 1. Внешнеторговый оборот КНР в 2015—2020 гг. (млрд долл./%)

Страна, территория	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
КНР	3957/100	3685/100	4107/100	4623/100	4640/100	4667/100
США	558,3/14,1	519,7/14,2	583,7/14,2	633,5/13,7	548,8/11,8	588,3/12,6
Евросоюз	564,8/14,3	547,4/14,9	617,0/15,0	682,2/14,8	715,1/15,4	651,6/ 14,0*
АСЕАН	472,2/11,9	452,4/12,3	515,5/12,6	587,9/12,7	650,8/14,0	686,3/14,7
Россия	68,1/1,7	69,6/1,9	84,2/2,0	111,2/2,4	112,4/2,4	107,4/2,3
Гонконг	343,6/8,7	304,0/8,2	286,5/7,0	310,6/6,7	292,2/6,3	279,9/6,0
Тайвань	188,2/4,8	179,1/4,9	199,8/4,9	226,2/4,9	231,4/5,0	261,4/5,6
Япония	278,7/7,0	275,1/7,5	303,1/7,4	327,7/7,1	319,2/6,9	318,4/6,8
Корея	275,8/7,0	252,7/6,9	280,3/6,8	313,4/6,8	288,3/6,2	286,1/6,1
Страны вдоль «Пояса и пути»	936,7/23,7	941,5/25,7	1092,5/ 26,5	1236,8/ 26,7	1363,0/ 29,4	1357,9/ 29,1
Индия	71,6/1,8	69,7/1,9	84,4/2,1	93,9/2,0	92,8/2,0	87,8/1,9

* Без учета Великобритании, которая вышла из Евросоюза [Чжунго тунцзи чайяо. С. 101]; [Чжунхуа жэньминь гунхэго 2020-нянь].

содействовать активизации торгово-экономических связей России с Японией и Республикой Корея. Во внешнеэкономической стратегии Пекина России отводится весьма важное место, прежде всего, как крупному поставщику энергоносителей и сырья и рынку сбыта китайских товаров, включая все более сложные технически изделия машиностроения и электроники.

В последнее десятилетие большую часть экспортной продукции КНР составляют машины и оборудование (58,4 %), мобильные телефоны и смартфоны (11,6 %), одежда и текстиль (10,8 %). Иными словами, значительную часть экспорта КНР составляет механическое и электронное оборудование. В свою очередь, Китай заинтересован в импорте сырья и материалов, в особенности энергоресурсов. Так, в 2020 г. импорт сырой нефти составил 542,4 млн т при внутренней добыче 194 млн т. В связи с этим в Китае рассматривают Россию как приоритетного партнера по поставкам нефти и природного газа.

В 2020 г. на нашу страну пришлось 15 % импорта сырой нефти в КНР, что привело к положительному внешнеторговому сальдо с Китаем.

В настоящее время большая часть поставок нефти и природного газа в Китай осуществляется из арабских и ряда африканских стран (в первую очередь, Анголы) через узкий Малаккский пролив в Юго-Восточной Азии, который может легко блокироваться в случае чрезвычайной ситуации. Поэтому Китай заинтересован в альтернативных маршрутах поставок энергоресурсов из России и Центральной Азии по сухопутным маршрутам и из Латинской Америки через Тихий океан. Для обеспечения поставок нефти и природного газа Китай делает инвестиции в развитие газовой промышленности в Туркменистане, нефтяной и газовой промышленности в Казахстане. На китайские деньги был построен и запущен в эксплуатацию газопровод с месторождения Южный Иолотан в Туркменистане через Узбекистан и Казахстан в Китай (через погранпереход и зону свободной торговли Хоргос). Чтобы обеспечить маршруты поставок энергоресурсов из Венесуэлы Китай занялся реализацией дорогостоящего проекта строительства канала через Никарагуа из Атлантического океана в Тихий. Для этой же цели был введен в эксплуатацию порт Гвадар в Пакистане, через который по сухопутному маршруту в Китай через Хунджеабский перевал не менее 6 месяцев в году можно доставлять различные грузы, включая нефть и природный газ в цистернах.

В области разработки лесных ресурсов импорт леса из России обеспечивает порядка 30 % внутреннего спроса в условиях существующего запрета на вырубку леса в Китае.

Развитие сотрудничества в сфере сельского хозяйства позволит постепенно снять остроту нехватки пахотных земель и водных ресурсов в КНР за счет налаживания производства на российских территориях. Приграничные территории наших стран имеют схожие агроклиматические условия, что позволяет за счет использования на российских землях китайских трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники выращивать и производить сельскохозяйственную продукцию. К примеру, так необходимые для Китая соя-бобы импортируются из Амурской области и Приморского края.

В сфере разработки полезных ископаемых ставится задача стимулировать китайские предприятия к разработке в России месторождений железной руды, цветных металлов, калия, фосфора, глинозема, редкоземельных элементов. Подчеркивается перспективность создания на российской территории совместных предприятий легкой про-

мышленности и исследовательских центров в различных областях высоких технологий, где Россия занимает передовые позиции (космос, атомная энергетика и т. п.). Это предполагается осуществлять на китайские средства, но с привлечением российских специалистов и разработок. Безусловно, реализация подобных предложений китайской стороны позволила бы существенно нарастить масштабы и диверсифицировать двустороннее российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество.

Финансовое сотрудничество двух стран становится все более тесным, однако его уровень остается недостаточным и не соответствует потребностям торгово-экономического сотрудничества и кооперации в научно-технической и производственной сферах. В настоящее время в России уже работают филиалы 4 ключевых банков КНР — Торгово-промышленного, Сельскохозяйственного, Строительного и Банка Китая (Банк «Элосы»). В Китае, к сожалению, большая часть банков, за исключением Банка ВТБ-24, имеет лишь представительства, а не филиалы из-за недостаточных объемов уставного и привлеченного капиталов, что существенно сдерживает как развитие инвестиционного сотрудничества, так и двусторонней торговли.

Пока в торгово-экономических отношениях между РФ и КНР слабо задействованы финансовые рычаги, торговля осуществляется через валюту третьих стран — американский доллар. В конце 2018 г. китайская сторона отказалась подписывать соглашение о переходе наших двух стран в торговле на валютный обмен «рубль — юань» в связи с волатильностью российского рубля и несмотря на состояние торговой войны между США и КНР.

В настоящее время резервы российско-китайской торговли постепенно иссякают, поскольку, как уже отмечалось выше, в торгово-экономических отношениях РФ и КНР преобладает простая торговля. Уровень инвестиционного сотрудничества невысокий. В Китае из года в год происходит рост инвестиционных связей со многими странами мира, что ведёт к росту объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в КНР и из Китая. В 2020 г. общий объем ПИИ в КНР составил 144 млрд долл., а из КНР — 110 млрд долл. (заметное снижение по сравнению с 2016 г.). Доля же инвестиционного сотрудничества КНР с РФ невелика — менее 1 % (табл. 2). При этом данные российской и китайской статистики по этим показателям заметно расходятся, но в целом инвестиции из России, как правило, направляются в страны Евросоюза, а китайские инвестиции — в Гонконг и страны Азии с преобладанием китайского бизнеса, который проявляет инте-

Таблица 2. Российско-китайское торгово-инвестиционное сотрудничество

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Объем внешней торговли КНР (млрд долл.)	4302	3953	3686	4117	4620	4660
Объем российско-китайской торговли (млрд долл.)	95,3	68,0	69,6	84,3	107,0	108
Доля России в объеме внешней торговли КНР (%)	2,2	1,7	1,9	2,0	2,3	2,3
Объем прямых иностранных инвестиций в КНР (млрд долл.)	119,6	126,3	126,0	131,0	135,0	144,4
Объем прямых иностранных инвестиций в КНР из РФ (млн долл.)	40,9	13,1	...	40*	...	...
Доля в общем объеме прямых иностранных инвестиций в КНР (%)	0,03	0,01	...	0,03		...
Объем прямых иностранных инвестиций из КНР (млрд долл.)	123,1	145,7	170	120	135	110,2
Объем прямых иностранных инвестиций из КНР в РФ (млрд долл.)	0,634	2,960	...	1,0*		...
Доля в общем объеме прямых иностранных инвестиций из КНР в РФ (%)	0,5	2,0	...	0,8	2,0	...
Объем накопленных иностранных инвестиций из КНР в РФ (млрд долл.)	8,69	14,02	...	...	38**	30,0* **

Примечание: 1) показатели прямых иностранных инвестиций из РФ в КНР за 2016—2017 гг. столь незначительны, что они не попали в общую статистическую сводку по странам (по данным китайских статистических сборников «Чжунго тунци чжайяо» и «Чжунго тунци няньцзянь» за различные годы); 2) показатели объема прямых инвестиций из КНР в РФ крайне противоречивы, и расхождение этих показателей чрезвычайно велико по различным источникам.

* По различным данным российской и иностранной прессы по итогам 2017 г.

** По данным Российско-китайского фонда регионального развития. Показатель накопленных инвестиций за 2005—2017 гг.

*** За последние 5 лет.

рес в основном к российским энергоресурсам. Российский бизнес в основном интересуется финансовой сферой и недвижимостью.

Вплоть до настоящего времени инвестиционный фактор играл незначительную роль в формировании структуры и объема российско-китайской торговли. По данным на конец 2014 г., по словам пол-

номочного министра посольства КНР в РФ Чжан Ди, общий объем накопленных китайских инвестиций в России составил около 8 млрд долл. (менее 1 % объема китайских инвестиций за рубежом), с выделенными кредитами — примерно 32 млрд долл. Ситуация с российским капиталом в КНР выглядит ещё более печально. Ежегодно приток российских инвестиций в КНР колеблется от 20 до 60 млн долл. в год, что составляет менее 0,02 % общего объема иностранных инвестиций в КНР. В частности, в 2017 г. объем российских инвестиций в КНР составил всего 40,8 млн долл. при общем объеме иностранных инвестиций 119,6 млрд долл.

В обеих странах основные перспективы инвестиционного сотрудничества связываются с реализацией ряда крупных проектов по поставкам углеводородов (нефти и газа) из России в Китай и с дальнейшим развитием транспортной сети для наращивания объемов двусторонних перевозок и международного транзита грузов через территории двух государств.

Если рассматривать отраслевую структуру российских инвестиций, то основной капитал российских компаний в Китай направляется в торговлю, финансовую деятельность, обрабатывающую промышленность, строительство, транспортные услуги. После 2014 г. в связи с резкой девальвацией рубля и значительным удорожанием китайских товаров, предназначенных для реализации на российском рынке, наблюдается сокращение инвестиций из России в торговые операции и сферу логистики на территории КНР. Основными направлениями вложений российских инвесторов стала финансовая сфера — 95 %, торговля — 4 % и обрабатывающая промышленность — 1 %.

По мере дальнейшего роста китайской экономики и всестороннего развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества будет происходить не только одностороннее усиление экономики КНР за счет российских природных ресурсов, но и экономическое развитие российского Дальнего Востока и Сибири в результате создания большого количества инфраструктурных объектов, способствующих наращиванию этого сотрудничества. При включении территорий Дальнего Востока и большей части Сибири в общий хозяйственный оборот и стремлении расширить торгово-экономические связи двух огромных частей РФ — европейской территории и азиатской территории за Уралом — следует учитывать тот факт, что Сибирь и Дальний Восток по сути оторваны от европейской части России. Эти две огромные её части связывает только Транссиб и частично БАМ. К тому же следует добавить высокие транспортные тари-

фы, которые увеличивают разрыв между дальневосточными регионами и европейской частью РФ по уровню социально-экономического развития.

Совершенно ясно, что «столбовая дорога» развития российского Дальнего Востока — это осуществление крупномасштабных проектов инфраструктурного характера, направленных на расширение экономических связей между европейской и азиатской частями РФ. Понятно, что источником инвестиций для этих проектов могут быть либо средства из государственного бюджета, либо инвестиционные поступления в ходе масштабных интеграционных процессов с участием России в рамках программ государственно-частного партнерства. Вот почему активное сотрудничество со странами АТР можно рассматривать в качестве реального инструмента комплексного развития экономики региона.

Важной формой включения районов Дальнего Востока и Сибири в систему межгосударственного сотрудничества в АТР и более активного участия в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве является подключение Востока России к инициативе «Экономический пояс Шелкового пути» и активное её участие в создании экономического коридора Китай—Монголия—Россия. Анализ уже изданных многочисленных работ на эту тему в Китае показывает, что существует большое количество определений Шелкового пути, начиная с собственно «Экономического пояса Шелкового пути» (*сычоучжилу* или *идай илу*) и «Морского Шелкового пути» (*хайсылу*) и заканчивая различными морскими и железнодорожными маршрутами по всему континенту Евразии. В частности, в изданном в КНР справочнике под названием «Один пояс — один путь» была напечатана схема маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути». В эту схему, помимо традиционных трех маршрутов через европейскую часть России, Казахстан, Турцию, Иран, Грузию и Азербайджан, был включен и маршрут через Западную и Восточную Сибирь и Дальний Восток, и к данной работе была приложена карта. В работе отмечалось, что предполагается построить два континентальных моста Европа — Азия (северный и южный); и маршрут Екатеринбург—Новосибирск—Красноярск—Иркутск—Чита—Хабаровск—Владивосток станет важной составной частью северного трансконтинентального моста [«И дай и лу». Хуанпишу].

Надо понимать, что основным направлением инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) является европейское направление по древнему торговому маршруту через Синьцзян в Рим-

скую империю. По мнению организаторов данной инициативы, через сотрудничество и расширяющуюся рыночную конкуренцию страны будут способны реализовать свой потенциал, использовать свои сравнительные преимущества и оптимизировать свою экономическую структуру.

Строительство ЭПШП стало частью разрабатываемого в КНР плана социально-экономического развития 13-й пятилетки (2016—2020 гг.), который был озвучен на сессии ВСНП в марте 2016 г. Весь проект рассчитан на его реализацию в течение 30 лет. В ходе реализации проекта должно быть создано «семь поясов» — транспортный, энергетический, торговый, информационный, научно-технический, аграрный и туристический.

Инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» в рамках инициативы «Один пояс — один путь» — это не только транзитный коридор, но и тот путь, который позволит развивать экономику региона — СУАР и других провинций и автономных районов Северо-Запада (Нинся-Хуэйского АР, Шэньси, Ганьсу и Цинхай). Для Северо-Запада Китая «Шелковый путь» играет важную роль, позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся ресурсы на территории. Однако решающая роль в реализации этой инициативы принадлежит Синьцзяну, перед которым стоят две основные задачи — развитие СУАР и развитие ЭПШП, и в новых исторических условиях ЭПШП становится мостом дружбы между народами.

Для поддержки инициативы «Один пояс — один путь» в КНР были созданы две финансовые структуры — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом в 100 млрд долл. и Фонд Шелкового пути с уставным капиталом в 40 млрд долл. Заложенные в них средства позволят параллельно решить сразу несколько задач, связанных с дальнейшей активизацией инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества в рамках данной инициативы. В настоящее время в списке стран-учредителей АБИИ 57 стран, из которых 75 % представляют страны Азии, 37 стран расположены вдоль основных проектов инициативы «Одного пояса — одного пути» и 20 стран — за его пределами. На уставной капитал Китая приходится 29,8 млрд долл., или 26,6 % голосов. Еще 8 стран имеют свыше 3 % голосов [5 стран на территории инициативы «Один пояс — один путь» — Индия (7,51 %), Россия (5,93 %), Республика Корея (3,50 %), Австралия (3,46 %), Индонезия (3,17 %) и 3 страны за пределами территории инициативы — Германия (4,15 %), Франция (3,19 %), Бразилия (3,02 %)] [Ostrovskii A.V.].

Но пока неизвестно, собирается ли Россия использовать эти банковские кредиты для реализации инфраструктурных проектов на российской территории. Тем не менее, в настоящее время существуют огромные риски при реализации этой инициативы ОПОП, о чем говорил на двух международных конференциях в Пекине в августе и октябре 2015 г. заместитель директора Института приграничных территорий АОН Китая Ли Госян, который сделал анализ различных рисков для ЭПШП и «Морского Шелкового пути». Им было выделено пять видов рисков: 1) политические (угрозы со стороны Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерства), угрозы со стороны США в Малаккском проливе); 2) политическая и экономическая нестабильность во многих странах (Пакистан, Афганистан, Индонезия и др.); 3) традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности; 4) финансовые риски (мировой валютный рынок и рынки ценных бумаг); 5) экономические риски (состояние экономик стран ЭПШП и «Морского Шелкового пути»).

В свою очередь, указанные выше риски отсутствуют при строительстве экономического коридора Китай—Монголия—Россия. В то же время реализация этого маршрута позволит решить проблемы для всех трех стран, находящихся на маршруте этого коридора. Китай получает возможность доступа к российским энергоресурсам Дальнего Востока и Сибири и выход к дальневосточным портам на Тихом океане для больших объемов производимой им продукции на Северо-Востоке, у России возникает шанс развития энергетической и транспортной инфраструктуры Дальнего Востока и Восточной Сибири за счет активного участия в экономическом коридоре Китай—Монголия—Россия, у Монголии появляется возможность заняться разработкой месторождений полезных ископаемых, находящихся в труднодоступных районах на западе и востоке страны.

При строительстве экономического коридора Китай—Монголия—Россия важное значение приобретает сотрудничество в области транспорта, поскольку большая часть границы РФ и КНР проходит по суше, а Монголия вообще не имеет выхода к морю. В настоящее время состояние российских транспортных магистралей и пограничных переходов сдерживает дальнейшее развитие торгово-экономических отношений России, которые, как видно из данных статистики, значительно отстают от торгово-экономических отношений КНР со многими странами АТР. Монголия вообще имеет лишь одну железнодорожную ветку с севера из России на юг в Китай через Улан-Ба-

тор, и огромные её пространства никак не связаны железными дорогами ни между собой, ни с центром.

А пока, на настоящем этапе, при наличии транспортно-логистической инфраструктуры, которая нам досталась от Российской империи и СССР, ситуация в межрегиональной российско-китайской торговле выглядит следующим образом. Торговля с КНР жизненно важна для Дальневосточного федерального округа (ДФО), для которого Китай в последние годы является одним из ведущих торгово-экономических партнеров. При этом обнаружилась критическая зависимость ряда внутриконтинентальных субъектов РФ от торговли с Китаем, в частности Забайкальского края, Амурской области, Еврейской АО, где доля Китая в объеме внешней торговли территории уже превысила 90 % общего объема. В Хабаровском и Приморском краях эта зависимость не столь сильна, так как в их внешней торговле имеются такие мощные торговые партнеры, как Япония и Республика Корея, которые составляют конкуренцию Китаю. Эти административные единицы ДФО имеют прямой выход к морю. Постепенно развивается торговля с КНР и у ряда субъектов Сибирского федерального округа РФ — Иркутской области и Красноярского края. Эти субъекты РФ в ближайшие годы получают шанс резко увеличить торговлю с сопредельными территориями Китая, прежде всего с Синьцзяном, но только в случае развития транспортной инфраструктуры территории — строительства нефтепровода, газопровода и автомобильной дороги через перевал Канас на российско-китайском отрезке границы.

Территориальный аспект российско-китайского торгово-экономического взаимодействия в настоящее время наиболее выпукло проявляется в Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области и Амурской области, а также в Забайкалье и в Иркутской области, которая, как и Свердловская область, вышла на лидирующие позиции по экспорту неэнергетической несырьевой продукции из России в Китай. Можно сказать, что эта группа субъектов Федерации в совокупности является своего рода демонстрационной витриной большинства плюсов и минусов, успехов и проблем двусторонних связей между РФ и КНР. В то же время в торговлю с Китаем сегодня в той или иной степени вовлечено большинство субъектов Российской Федерации, и в этом смысле она является фактором повсеместного значения.

Специфической разновидностью сотрудничества России и Китая на уровне регионов является приграничная торговля. После более четкого институционального и территориального определения в Ки-

тае понятия «приграничных территорий» (20-километровая зона в глубь от границы) значение этого сегмента двусторонних связей по формальным количественным критериям снизилось. Однако, на наш взгляд, приграничная торговля продолжает выполнять ряд важных ролевых функций. Так, на приграничных территориях расположены многочисленные грузовые и пассажирские пункты пропуска, от стабильной работы которых зависит общая ритмичность взаимных поставок товаров между Россией и Китаем. Здесь отрабатываются такие новые и перспективные формы нашего двустороннего взаимодействия, как приграничные торговые комплексы (в частности, Благовещенск-Хэйхэ, Нижнеленинское-Тунцзян, Забайкальск-Маньчжурия, Пограничный-Суйфэньхэ), использование национальных валют в двусторонних расчетах, совместная хозяйственная деятельность на островах пограничных рек.

По китайским оценкам, доля приграничной торговли в объеме российско-китайской торговли невелика и составляет порядка 25 % [Цзоу Сюфан]. В России специальный учет приграничной торговли не ведется, или, возможно, соответствующие данные по отдельным погранпереходам и регионам не суммируются и не обнародуются. По мнению ряда российских экспертов, отсутствие в России законодательно определенного статуса районов приграничной торговли и компаний приграничной торговли создает очевидную асимметрию в отношениях с китайскими партнерами, наделенными властями КНР таким статусом. Несмотря на многочисленные сетования китайских бизнесменов и СМИ на различные трудности ведения приграничной торговли с Россией, её объем стабильно растет, а наиболее активно вовлеченные в нее китайские города Суйфэньхэ, Хэйхэ, Маньчжурия за последнее десятилетие из прозябающего окраинного захолустья превратились в современные крупные торгово-экономические города. Однако прилегающие к ним российские города и поселки — Благовещенск, Забайкальск, Гродеково по ряду причин не получили аналогичного развития и не выдерживают с приграничными китайскими городами никакого сравнения.

В заключение можно выделить семь основных препятствий, сдерживающих, по нашему мнению, развитие российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, таких как 1) незнание китайскими предпринимателями российской специфики (законодательство, инвестиционные риски и др.); 2) плохой инвестиционный климат в Китае, связанный с реализацией проектов в России; 3) российское законодательство, ущемляющее интересы иностран-

ного капитала (в частности, отказ страхования прямых иностранных инвестиций на территории России); 4) высокие ставки налогообложения по сравнению с КНР; 5) административные проблемы, связанные с усилением бюрократизации в центре и на местах (по Налоговому кодексу РФ большая часть собираемых налогов на местах идет в центральный бюджет); 6) недостаточная защищенность китайского бизнеса в России; 7) социально-психологические моменты, связанные с давлением российской прессы на население в связи с «китайской угрозой».

Дальнейшие пути увеличения объема российско-китайской внешней торговли видятся в создании крупных российско-китайских инфраструктурных проектов с привлечением китайского капитала на территории российского Дальнего Востока и Сибири и на территории Китая с привлечением российского капитала, а также в расширении межрегионального сотрудничества российских областей с китайскими провинциями. Реализация хотя бы части этих инфраструктурных проектов может обеспечить растущий антикризисный спрос на товары и услуги не только в районах Дальнего Востока и Сибири, но и неизбежно отразится на экономической ситуации в России в целом. Кроме того, это позволит значительно улучшить инфраструктуру экономики в азиатской части России и сделать более привлекательным инвестиционный климат для иностранных бизнесменов. Работа по всем инфраструктурным проектам — транспорт, энергетика, банковское дело — может дать не только толчок экономическому развитию районов Сибири и Дальнего Востока, но и обеспечить дополнительные иностранные инвестиции, в том числе из КНР, ускорив процессы интеграции России в АТЭС.

3.2. Российско-китайская межрегиональная торговля в 2020 г.

Российско-китайское межрегиональное торговое сотрудничество является одной из важных составных частей экономического взаимодействия двух стран. Последние 1,5—2 года руководители РФ и КНР, а также чиновники профильных министерств и ведомств проводят мероприятия в виртуальном формате. Выделим наиболее важные из них.

В ноябре 2020 г. в пров. Хэйлунцзян в формате видеоконференции прошёл «Форум китайско-российского межрегионального со-

трудничества в постэпидемическую эпоху: возможности и вызовы». В нем приняли участие высокопоставленные представители из более чем 10 регионов Китая и России. В ходе мероприятия посол РФ в КНР А.И. Денисов отметил, что пандемия коронавируса, безусловно, оказала негативное влияние на развитие межрегионального сотрудничества двух стран. Тем не менее, несмотря на вынужденный временный дефицит «живых» контактов, обе страны всегда находили возможности для поддержания двустороннего диалога в «онлайн»-формате и оказывали друг другу помощь в борьбе с вирусом. По его словам, практическая кооперация между регионами России и Китая в целом продемонстрировала свою устойчивость к неблагоприятной рыночной конъюнктуре, вызванной распространением COVID-19 [Китай и Россия готовы к ...]. Участники форума высказались в пользу уплотнения взаимодействия по широкому кругу направлений: электронная торговля, сельское хозяйство, угольная промышленность, здравоохранение. Обсуждены вопросы развития трансграничной инфраструктуры, наращивания транзитных перевозок, восстановления грузопотока через автомобильные пункты пропуска. Отмечено, что практическое сотрудничество между регионами наших стран, несмотря на эпидемию коронавирусной инфекции, сохранилось на высоком уровне [Брифинг официального представителя МИД...].

В декабре 2020 г. в «онлайн» формате была проведена очередная встреча глав правительств России и Китая. Раздел VIII «Совместного коммюнике» по итогам их 25-й регулярной встречи, подписанного в ходе мероприятия, был посвящён межрегиональному сотрудничеству. В нём, в частности, была отмечена необходимость:

- обеспечить реализацию договоренностей, достигнутых в рамках межправительственной Российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР, включая Программу развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ (на 2018—2024 гг.);
- выполнять договоренности, достигнутые в рамках Совета по сотрудничеству между регионами Приволжского федерального округа РФ и Верхнего и Среднего течения р. Янцзы КНР, продолжать углублять кооперацию регионов в торгово-экономической и гуманитарной областях;
- с учетом положительного опыта деятельности существующих механизмов двустороннего межрегионального сотрудничества

оценить перспективу налаживания взаимодействия других макрорегионов России и Китая [Совместное коммюнике по итогам ...].

В январе 2021 г. состоялось заседание Рабочей группы по межрегиональному и приграничному сотрудничеству и особым экономическим зонам Российско-китайской подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в составе двусторонней комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. В ходе заседания стороны обсудили актуальные вопросы развития межрегионального и приграничного сотрудничества, а также взаимодействие в рамках особых экономических зон. В частности, отмечена важность оказания содействия развитию и укреплению российско-китайских отношений, наращиванию объема торговли и преодолению последствий коронавирусной инфекции. Стороны обсудили также актуальные вопросы инвестиционного сотрудничества между регионами России и Китая [Российско-китайская постоянная рабочая ...].

В то же время существуют некоторые двусторонние мероприятия, проведение которых в виртуальном формате малоэффективно или нецелесообразно. К ним следует отнести выставочную деятельность. 7-е российско-китайское ЭКСПО, которое должно было пройти в Екатеринбурге в июле 2020 г., уже дважды переносили из-за непростой санитарно-эпидемиологической обстановки — теперь до 2022 г. Причина в том, что Китай закрыт, и на сегодняшний день нет возможности его проведения в «офлайн» формате [Российско-китайское ЭКСПО в Екатеринбурге ...].

Помимо официальных мероприятий важно проанализировать статистику, которая отражает реальную картину двусторонней межрегиональной торговли наших стран.

Несмотря на мировые потрясения в 2020 г., российско-китайское торговое сотрудничество показало неплохие результаты, как в целом, так и по отдельным федеральным округам. Что касается сальдо торгового баланса, то, за исключением 2018 и 2019 гг., для России оно долгие годы было отрицательным, поэтому отрицательное сальдо 2020 г. не стало неожиданностью, особенно в свете роста объёма импорта различного медицинского оборудования и средств защиты населения из КНР. В отношении торгового сальдо, следует выделить округа с его положительными показателями. Это Сибирский, Уральский и Дальневосточный. Округа, которые экспортируют в КНР разнообразные природные ресурсы, а также четыре округа с небольшим отрицательным сальдо — Северо-Кавказский, Приволжский, Южный и Се-

веро-Западный и, наконец, «лидера» торговли с КНР по отрицательному сальдо в размере свыше 13 млрд долл. — Центральный ФО (табл. 3).

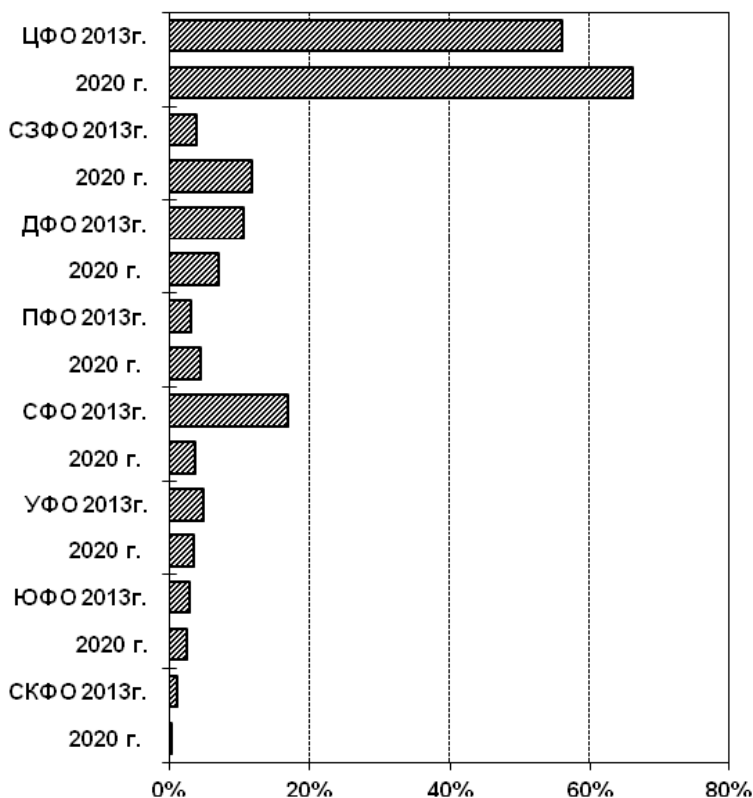
Таблица 3. Сальдо торгового баланса федеральных округов РФ в торговле с КНР

Федеральный округ (ФО)	Сальдо (млн долл.)
Сибирский (СФО)	+4,56
Уральский (УФО)	+3,89
Дальневосточный (ДФО)	+3,03
Северо-Кавказский (СКФО)	-0,06
Приволжский (ПФО)	-0,34
Южный (ЮФО)	-0,54
Северо-Западный (СЗФО)	-2,96
Центральный (ЦФО)	-13,42

Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

Долгие годы «передовой» тройкой импортёров из КНР были ЦФО, СФО и ДФО. Если рассматривать данные 2013 г., то на долю этих трёх федеральных округов приходилось порядка 84 % импорта нашей страны из КНР. При этом только на ЦФО пришлось 56 % общероссийского импорта. За рассматриваемый период позиция Центральной России усилилась, а два других «лидера» свои позиции «сдали», 2-е место в 2020 г. занял Северо-Запад, а 3-е — ПФО, в итоге на три федеральных округа пришлось порядка 83 % импорта из Китая. При заметном увеличении роли ЦФО, его доля в суммарном импорте возросла на 10 процентных пунктов и составила свыше 66 %. Усиление Северо-Запада можно связать как с наличием порта, через который импортировали медицинское оборудование и другие средства защиты населения, так и с рядом китайских инвестиционных проектов на территории округа, которые предусматривают поставки оборудования в СФО из КНР.

В связи с падением курса рубля импортные товары из КНР вытеснили продукцию многих западных конкурентов. В результате как в 2016 г., так и в 2020 г. из 8 федеральных округов у 7 КНР была «партнёром № 1» по импорту продукции. При этом у 5 федеральных округов доля КНР в импорте увеличилась, а у 3 сократилась. Макси-

Диаграмма 1. Доля федеральных округов в российском импорте из КНР. Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

мальное сокращение произошло на Урале — более чем на 20 процентных пунктов, что связано с тем, что в 2016—2017 гг. Ямало-Ненецкий округ импортировал большие партии китайского оборудования для «Ямал-СПГ», а после запуска проекта поставки машино-технической продукции из КНР на Урал значительно уменьшились (табл. 4).

Последние десятилетия на долю машино-технической продукции в суммарном импорте из КНР в РФ приходится порядка 59—60 %. В региональном масштабе наибольший удельный вес данной продукции в импорте Центральной России более 62 %, а минимальный — 37 % (ЮФО). Очевидно, что машино-техническая продукция — это общее название огромной группы разнообразных по функциям и степени технической сложности машин. При этом у разных федераль-

Таблица 4. Удельный вес КНР в импорте федеральных округов

ФО	2016 г.		2020 г.	
	Удельный вес, %	Торговый партнёр, №	Удельный вес, %	Торговый партнёр, №
ДФО	39,4	1	48,5	1
ЦФО	19,3	1	24,7	1
СФО	30,3	1	22,2	1
СКФО	26,3	1	21,6	1
УФО	43,2	1	20,8	2
СЗФО	17,2	1	18,9	1
ПФО	13,6	2	18,2	1
ЮФО	15,5	1	17,2	1

Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

ных округов неодинаковая структура импорта продукции данной группы (табл. 5). Так, к примеру, в таможенной статистике ЦФО следует выделить две наиболее весомые в стоимостном выражении группы товаров: «Вычислительные машины и их блоки», «Мониторы и проекторы и др.». В ЮФО лидирующие позиций в импорте занимают «Холодильники, морозильники и прочее холодильное или морозильное оборудование» и «Части и принадлежности моторных транспортных средств». Номенклатура импортируемой продукции напрямую связана со структурой экономики того или иного федерального округа. Если рассматривать импорт ЦФО, и прежде всего Москвы и Московской области, где развита сфера услуг и сконцентрированы отделения государственных органов власти, крупных компаний и банков, этим потребителям прежде всего требуется оргтехника, IT-оборудование. Соответственно в импорте из КНР эта группа товаров преобладает. Южный федеральный округ — это одна из «житниц» России, следовательно, для используемой сельхозтехники и иных транспортных средств, вовлечённых в сельское хозяйство, требуются запчасти, которые зачастую выгоднее приобретать в КНР, а для части выращенной продукции требуется холодильное и морозильное оборудование.

В тройке *округов-экспортёров* российской продукции в КНР в минувшие годы также произошли подвижки. Долгие годы лидеры-экспортёры не менялись. Это ЦФО, СФО и ДФО. В связи с вводимыми

Таблица 5. Товарная структура импорта федеральных округов из КНР

ФО	Лидирующие позиции
ЦФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (62,5 % от суммарного импорта ФО). Продукция химической промышленности, каучук. Текстиль, изделия из него. Обувь
ПФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (55,8 %). Продукция химической промышленности, каучук. Металлы, изделия из них
СЗФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (55,2 %). Текстиль, изделия из него. Обувь. Продукция химической промышленности, каучук
СФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (51,7 %). Текстиль, изделия из него. Обувь. Продукция химической промышленности, каучук
УФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (51,5 %). Металлы, изделия из них. Продукция химической промышленности, каучук
СКФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (51,2 %). Продукция химической промышленности, каучук. Текстиль, изделия из него. Обувь
ДФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (51,1 %). Продукция химической промышленности, каучук. Текстиль, изделия из него. Обувь
ЮФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (37,4 %). Продукция химической промышленности, каучук. Текстиль, изделия из него. Обувь

Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

ограничениями на экспорт леса-кругляка, а также в связи с тем, что основная часть экспортных операций с минеральным топливом осуществляется через Москву и Санкт-Петербург, за последние годы удельный вес СФО и ДФО в экспорте существенно снизился. Так, в 2013 г. на ЦФО, СФО и ДФО приходилось порядка 84 % экспорта РФ в КНР, соответственно 56,12; 16,91; 10,60 %. К концу 2020 г. это соотношение заметно изменилось: доля ЦФО увеличилась на 10 процентных пункта и достигла 66,19 %, доля СФО снизилась на 13 % и соста-

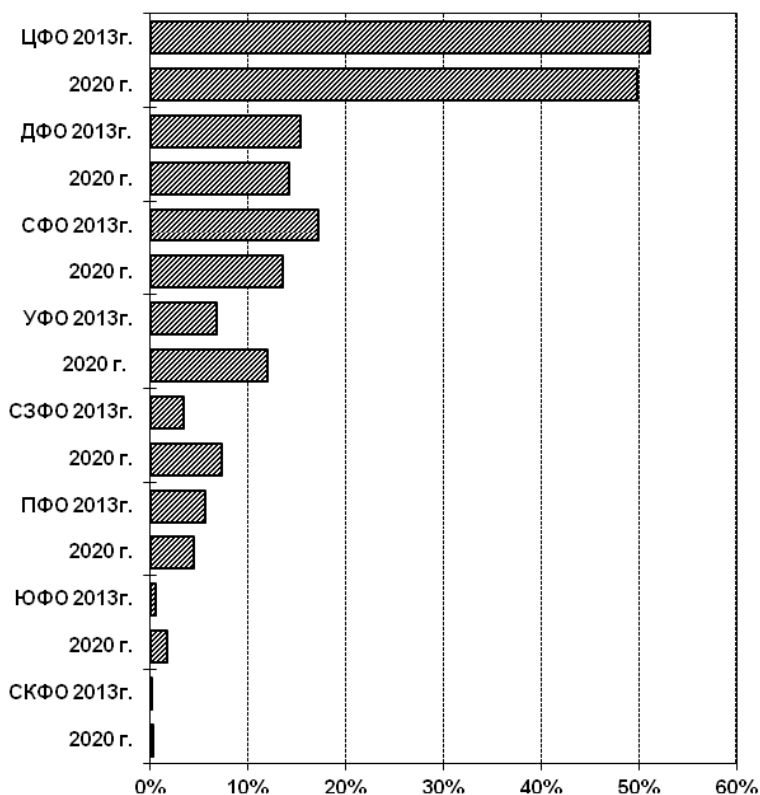

Диаграмма 2. Доля федеральных округов в российском экспорте в КНР. Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

вила лишь 3,73 %, а ДФО остался в тройке «лидеров», но с удельным весом в 7,11 %. В 2020 г. тройка «лидеров» экспортёров стала выглядеть следующим образом — ЦФО, СЗФО, ДФО, на которые пришлось более 85 % экспорта России в КНР (диаграмма 2).

Несмотря на снижение удельного веса ДФО в суммарном российском экспорте в КНР, для тихоокеанской России китайское экспортное направление остаётся наиболее важным. Дальневосточный экспорт практически в равных пропорциях распределяется между РК, КНР и Японией. В 2021 г. мы наблюдаем ситуацию, когда КНР ввела жёсткие ограничения на ввоз российской рыбы, а РК взяла на себя роль посредника в реэкспорте российских водно-биологических ресурсов в КНР, чем укрепила своё лидерство как крупнейший им-

портёр дальневосточной продукции. Долгие годы география сибирского экспорта была диверсифицирована, но в последнее 7—8 лет на фоне западных санкций экспортный поток в КНР всё усиливается (табл. 6).

Таблица 6. Удельный вес КНР в экспорте федеральных округов

ФО	2016 г.		2020 г.	
	Удельный вес, %	Торговый партнёр, №	Удельный вес, %	Торговый партнёр, №
ДФО	20,7	3	28,8	2
СФО	16,6	1	21,7	1
УФО	7,4	3	21,1	1
ЦФО	10,2	1	14,1	1
СКФО	5,2	5	10,4	2
СЗФО	7,1	2	8,5	2
ПФО	4,1	6	6,8	3
ЮФО	1,7	12	5,1	4

Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

Что касается Урала, то с 2016 по 2020 г. удельный вес КНР в экспорте этого федерального округа увеличился на 13,7 процентных пункта вследствие увеличения отгрузок минерального сырья.

Для Поволжья и юга России Китай никогда не был ключевым партнёром, поскольку значимую долю экспорта этих округов составляют сельхозпродукция и продукция пищевой отрасли. В последние годы ситуация изменилась, Россия сделала ставку на развитие несырьевого экспорта в КНР, вследствие чего ПФО и ЮФО активно включились в новую тенденцию и, наряду со всеми российскими аграриями, начали активно осваивать китайский рынок, что привело к увеличению доли КНР в экспорте данных округов, а также к определённой ротации перечня торговых партнёров (табл. 7).

Несмотря на громкие разговоры об усилении несырьевой составляющей российского экспорта, следует отметить, что топливные ресурсы продолжают лидировать в экспорте большего числа федеральных округов. Если анализировать данные, представленные в табл. 7,

Таблица 7. Товарная структура экспорта федеральных округов в КНР

ФО	Лидирующие позиции
ЦФО	Топливо минеральное (81,9 % от экспорта ФО). Машины. Оборудование. Транспортные средства. Продукция химической промышленности, каучук
УФО	Топливо минеральное (64,3 %). Металлы, изделия из них. Машины. Оборудование. Транспортные средства
СЗФО	Топливо минеральное (49,4 %). Древесина и целлюлозно-бумажные изделия. Продовольственные товары и с/х сырье. Руды и шлаки
СФО	Топливо минеральное (38,8 %). Древесина и целлюлозно-бумажные изделия. Руды и шлаки. Металлы, изделия из них
ДФО	Топливо минеральное (33,3 %). Продовольственные товары и с/х сырье. Руды и шлаки. Древесина и целлюлозно-бумажные изделия
ПФО	Машины. Оборудование. Транспортные средства (38,6 %). Продукция химической промышленности, каучук. Продовольственные товары и с/х сырье. Топливо минеральное
ЮФО	Продовольственные товары и с/х сырье (51,7 %). Топливо минеральное. Оружие
СКФО	Продовольственные товары и с/х сырье (48,7 %). Другие товары. Продукция химической промышленности, каучук

Расчитано на основании российской таможенной статистики.

то у 5 из 8 федеральных округов «топливо минеральное» занимает ведущую позицию. Что касается удельного веса минерального топлива в экспорте ЦФО и СЗФО, то в статистике имеет место очевидное лукавство. Но факт остаётся фактом. Если опираться на физические объёмы отгружаемой в КНР сырой нефти, то 65,8 % экспортирует

Центральная Россия, за ней следует Урал, удельный вес которого 12,4 %, и Северо-Запад с долей в экспорте 6,4 %, т. е. порядка 85 % физических объёмов экспортируемой из России в КНР сырой нефти приходится на три округа, из которых в двух практически не осуществляется нефтедобыча. Доля ДФО и СФО — основных наряду с Уралом производителей сырой нефти — составляет суммарно лишь 7,7 %(!).

По данным ФТС России, в 2020 г. 2-е место в суммарном экспорте в КНР занимала древесина. География экспорта этой товарной группы непосредственно «привязана» к месту произрастания сырья. На три федеральных округа — СФО, ДФО и СЗФО — приходится 94 % физического объёма экспорта в КНР леса-кругляка и пиловочника. Лидирует Сибирь, удельный вес которой в экспорте в КНР составляет порядка 48 %. Экспорт Дальнего Востока в КНР представлен на 63 % «лесными материалами необработанными», или попросту кругляком.

Третья важная позиция в российском экспорте — продовольственные товары и сельхозсырьё. Долгие годы практически единственным пищевым продуктом российского экспорта в КНР были рыба и морепродукты.

Исследуя данные, представленные в табл. 8, становится очевидным, что для ДФО и СЗФО товарная позиция «рыба и ракообразные» является крайне важной в экспорте в КНР, прежде всего это относится к Приморскому и Хабаровскому краям, Сахалину и Камчатке. В ДФО добывается более 70 % российской рыбы, общий объём составляет 3,6 млн т, из которых более 60 % до последнего времени экспортировалось в КНР. В 2020 г. 96 % экспорта в стоимостном выражении водно-биологических ресурсов России в КНР приходилось на ДФО [Юрий Трутнев провёл совещание ...].

В октябре—ноябре 2020 г. Китай ввел ограничительные меры на приемку сырья для своих перерабатывающих производств. Прежде всего, был введен полный запрет на рыбопродукцию трюмными партиями, когда замороженная рыба приходит «в навалку» (в мешках). Так долгие годы в основном поставлялась за рубеж российская рыба, поскольку этот способ позволяет доставлять ее напрямую из зоны промысла без выгрузки в России.

Формальная причина ужесточений состоит в том, что китайцы стремятся не допустить наличия генетического материала коронавируса на упаковках грузов, поступающих на их территорию. Однако реальная причина, по мнению российских рыбаков, — торговая вой-

Таблица 8. Доля федеральных округов в экспорте продукции АПК и пищевой промышленности в КНР

ФО	Доля в российском экспорте в КНР	Основные экспортные позиции
ДФО	62,63 %	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие беспозвоночные. Масличные семена и плоды. Остатки и отходы пищевой промышленности. Готовые корма для животных
СЗФО	11,57 %	Жиры и масла растительного происхождения. Рыба и ракообразные, моллюски и прочие беспозвоночные. Масличные семена и плоды
ЮФО	8,96 %	Жиры и масла растительного происхождения. Шоколад и прочие пищевые продукты, содержащие какао. Пшеница и меслин
ПФО	6,51 %	Жиры и масла растительного происхождения. Кондитерские мучные изделия. Шоколад и прочие пищевые продукты, содержащие какао
ЦФО	4,94 %	Жиры и масла растительного происхождения. Шоколад и прочие пищевые продукты, содержащие какао. Кондитерские мучные изделия
СФО	4,66 %	Шоколад и прочие пищевые продукты, содержащие какао. Мука пшеничная и пшенично-ржаная. Масличные семена и плоды
УФО	0,7	Жиры и масла растительного происхождения. Масличные семена и плоды. Кондитерские мучные изделия
СКФО	0,03	Шоколад и прочие пищевые продукты, содержащие какао. Кондитерские мучные изделия. Масличные семена и плоды

Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

на. Президент Всероссийской ассоциации рыбопромышленников назвал подобный шаг «необъявленной торговой войной». Связано это с тем, что введение ограничений на импорт российской рыбы совпало

со стремлением китайской стороны снизить закупочные цены на импортируемую рыбу. В результате в сентябре 2020 г. из-за ограничений, введённых Китаем, средняя цена 1 т минтая снизилась на 20 % и составила 1150 долл. В начале 2021 г. КНР ввела полный запрет на импорт российской рыбы, что может заставить российских производителей еще больше снизить цены и понести убытки [Необъявленная торговая война между ...].

Китайская переработка, которая в течение долгого времени использовала мороженое сырье из РФ (преимущественно минтай), сегодня испытывает серьезные проблемы с прибыльностью: за последние 10 лет ее маржинальность снизилась с 19 до 1–2 %. В основном это связано с растущими издержками предприятий на повышение зарплат работникам. И сегодня КНР делает все возможное, чтобы «уронить» цены на рыбную продукцию. Пока нет никаких предпосылок к тому, чтобы китайская сторона изменила свою позицию [Рыба ждет покупателя ...].

Конечно, экспорт водно-биологических ресурсов важен для России, но есть и другие позиции АПК и пищевой промышленности российских регионов, которые в КНР получили определённое признание. В ходе 20-й регулярной встречи глав правительств РФ и КНР был подписан ряд документов, среди которых следует выделить «Соглашение между Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору Российской Федерации и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о внесении изменений в Протокол между Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину Китайской Народной Республики о фитосанитарных требованиях к кукурузе, рису, сое, рапсу, экспортируемым из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику» [Соглашение между Федеральной службой...]. Именно данное Соглашение открыло новую страницу в российском экспорте в КНР. В период 2016–2017 гг. Россия имела право поставлять в КНР только пять видов продукции зерноводства (пшеница, соя, кукуруза, рис, рапс). С 2017 г. указанный перечень составил уже 11 наименований, включив в себя гречиху, крупу гречневую, овес, овсяные хлопья, подсолнечник, семена льна. В 2019 г. список разрешённой Китаем сельхозпродукции был дополнен ячменём, жмыхом, шротом. Из всей перечисленной продукции наиболее благоприятно складывается ситуация с экспортом масличных.

Помимо самих масличных достаточно успешно экспортируется в КНР их прямая производная — растительное масло. Китай ежегодно наращивает объёмы импорта растительного масла. Как отмечается в китайских публикациях, посевы масличных культур в КНР имеют низкую урожайность, а хозяйства занимающиеся их выращиванием — низкую степень механизации. В результате по мере роста спроса внутреннего рынка на растительные масла и кормовые белковые материалы растёт разрыв между спросом и предложением, поэтому КНР уже долгие годы является в мире крупным импортером масла. Так, с 2000 по 2020 г. импорт растительного масла возрос с 12,6 млн до 103,9 млн т [2021 нянь юляо чанье...]. При этом структура импорта растительных масел Китаем становилась всё более разнообразной. Так, в 2001 г. КНР импортировала лишь два вида масла: пальмовое (85 % импорта) и кокосовое 15 %. В 2020 г. пальмовое масло составляло 50 % импорта, по 15 % приходилось на подсолнечное и рапсовое и далее по нисходящей — кокосовое, соевое, кукурузное и арахисовое. Россия вышла на китайский рынок растительных масел достаточно поздно, лишь в 2015 г., но «дебют» оказался удачным. В 2020 г. на поставки из российских регионов приходилось 35—37 % всего китайского импорта подсолнечного масла (основной конкурент Украина — более 50 %), 28 % соевого масла (конкурент — Аргентина) и более 15 % рапсового (конкуренты — Канада и ОАЭ) [2020 нянь: вого юляо...].

В настоящее время у 5 из 8 российских федеральных округов позиция «жиры и масла растительного происхождения» лидирует по экспорту в КНР. Больше всего данной продукции экспортируется в КНР из ЮФО, что логично, поскольку ЮФО и ПФО — лидеры в нашей стране по выращиванию и переработке масличных. Второе место по экспорту масложировой продукции занимает СЗФО, в котором выращивается крайне мало масличных культур, но и маловато перерабатывающих мощностей. Единственное, чем можно объяснить данную ситуацию — наличие удобных морских портов.

Крайне интересно развивалась ситуация в вопросе «открытия» рынка южного соседа для российской кондитерской продукции. В 2000-х гг. наша страна стала популярным направлением для китайского туриста, при этом большая часть путешественников неизменно посещала супермаркеты, где в большинстве случаев приобретала разнообразные кондитерские изделия. В результате среди китайцев стал формироваться определённый стереотип представлений о вкусном российском шоколаде и иных изделиях кондитерской промышленности (табл. 9).

Таблица 9. Доля ряда ФО в экспорте в КНР отдельных видов пищевой продукции и продукции АПК (%)

ФО	В экспорте рыбы	В экспорте масличных	В экспорте растительного масла	В экспорте кондитерской продукции
ДФО	96	83,7		
СЗФО	3,99	7,9	29,5	
СФО		5,2		51,1
ЦФО			13,9	15,4
ПФО			19,3	13,8
ЮФО			31,6	

Рассчитано на основании российской таможенной статистики.

Хотя в Сибири не выращивается какао-бобов, товарная позиция «шоколад и прочие готовые пищевые продукты, содержащие какао», занимает лидирующую строку в пищевкусовом экспорте Сибири в Китай. В суммарном экспорте кондитерской продукции РФ в КНР на СФО приходится 51,1 %.

Все без исключения федеральные округа стараются «угостить» своими сладостями китайских потребителей. Так, на кондитерскую продукцию приходится 90,5 % пищевкусового экспорта СКФО.

В заключение отметим несколько моментов.

Во-первых, очевидно укрепление позиций Центральной России как в экспорте в КНР, так и в импорте. Данная тенденция не измениться до тех пор, пока юридические адреса центральных офисов нефте- и газодобывающих компаний не переместятся в регионы добычи.

Во-вторых, говорить об облагораживании структуры экспорта федеральных округов в КНР преждевременно. Хотя в последние годы усилилась аграрная составляющая экспорта, она в большей степени представлена сырьём (водно-биологическими ресурсами, масличными культурами). Гражданская продукция машиностроения представлена оборудованием для АЭС, произведённым в ЦФО, ПФО, УФО, СЗФО, но его доля в товарообороте невелика. В ближайшие годы не стоит ожидать отхода российских регионов от сырьевой, и прежде всего нефтегазовой, направленности экспорта в КНР, для этого нет очевидных предпосылок.

3.3. Особенности российско-китайского энергетического сотрудничества в условиях возрастающего климатического противостояния КНР и США

В сфере мировой энергетики сейчас набирает силу процесс «энергетического перехода», т. е. перехода к массовому использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) вместо ископаемых видов топлива, называемый иначе «декарбонизацией энергетического баланса».

При этом данная тенденция глобального движения за «климатическую нейтральность» неоднозначна и может стать как основой для глобального сотрудничества, так и вылиться в противостояние между группами стран.

В настоящее время страны мира находятся в разных точках траектории движения к декарбонизации, прежде всего, по месту, занимаемому «зеленой энергетикой» в топливно-энергетическом балансе стран.

В климатической повестке дня страны Запада занимают лидерские позиции. Им принадлежит инициатива Парижского соглашения по климату в контексте Рамочной конвенции ООН об изменении климата, подписанной в 2015 г. Однако западный лагерь энтузиастов климатической повестки неоднороден. Есть страны Европы, являющиеся яркими приверженцами борьбы с потеплением климата, и есть те, которые до недавнего времени находились далеко не на передовых позициях климатической повестки, например, США.

В Америке это связано, прежде всего, с отступлением от климатической повестки во время четырехлетнего правления президента Д. Трампа и выдвижения им принципиально новой энергетической политики, а именно — «Стратегии энергетического доминирования». Это прозвучало как очень серьезный вызов мировому сообществу. В рамках этого курса президент Д. Трамп провозгласил «Энергетический план “Америка прежде всего”» (America First Energy Plan), который заложил основу энергетической политики США [Remarks by President Trump...]. Его основополагающими идеями явились как аннулирование «Плана действий по климату и водному регулированию США» и ряда других законов, унаследованных от администрации Б. Обамы, сдерживавших развитие энергетической отрасли, так и всемерное поощрение извлечения нефти и газа из сланцев, а также максимизация экспорта нефти и сжиженного газа из США.

С приходом к власти новой администрации во главе с президентом Д. Байденом климатическая повестка вернулась в приоритеты государственной политики США.

В конечном итоге эти метания — от стимулирования широкой разработки сланцевых месторождений до нынешнего резкого сокращения разбуривания новых запасов углеводородов на федеральных землях США — сослужили недобрую службу мировому ориентиру на климатическую нейтральность.

В результате в настоящее время американская «зеленая энергетика» по основным параметрам заметно отстает от показателей Китая и ЕС. И это озадачило нынешнюю американскую администрацию, в связи с чем она намерена поставить проблему изменения климата на планете в центр как своей внешней политики, так и всего комплекса вопросов национальной безопасности.

Государственный секретарь США Э. Блинкен некоторое время назад наметил ряд важнейших приоритетов американской внешней политики, связанных с необходимостью преодоления международного кризиса, вызванного глобальным потеплением. При этом в числе приоритетов он выделил активизацию борьбы с изменением климата и развитие «зеленой энергетики», а также, что знаменательно, обеспечение лидерских позиций США в сфере инновационных технологий [Блинкен...].

Среди стран-лидеров в контексте развития «зеленой энергетики» Блинкен особо выделил КНР, отношения с которой он назвал «главным геополитическим испытанием XXI века». Это связано с тем, что Китай является единственной страной с мощными военно-политическими и экономическими ресурсами, способной бросить вызов стабильной и открытой международной системе. В конечном итоге Блинкен отметил, что американо-китайские отношения «будут конкурентными, когда следует, сотрудническими, когда это возможно, и враждебными (антагонистическими), когда это необходимо. И мы будем взаимодействовать с Китаем с позиции силы» [Блинкен...]. Этим выступлением госсекретарь подчеркнул, что на самом деле США рассматривают климат как сферу принципиального соперничества с КНР. Также им отмечено, что развитие «зеленой энергетики» в США в сравнении с Китаем явно недостаточно, а Китай обладает почти 1/3 патентов в мире по возобновляемым источникам энергии.

Поэтому вопрос для США стоит «ребром», смогут ли они стать лидером сферы «зеленой энергетики» в долгосрочном измерении? Если США отстанут в области инвестиций в чистую энергетику, то

они упустят шанс сформировать такое климатическое будущее мира, которое отражает интересы и ценности Америки, в результате чего американцы могут лишиться огромного числа рабочих мест, а также и возможностей влиять на перспективы человечества [Блинкен...].

Обсуждая перспективы климатического состязания между США и Китаем за лидерство в возобновляемой энергетике, американские СМИ убеждают общественность, что сложности резкой декарбонизации китайской экономики чрезвычайно серьезны. И это связано, прежде всего, с действительно гигантскими выбросами Китаем парниковых газов.

Согласно опубликованным данным British Petroleum (BP), по объемам выбросов парниковых газов как одному из главных экологических показателей Китай далеко впереди других стран. В 2019 г. его выбросы составили почти 1/3 суммарных мировых выбросов [BP. Statistical Review 2020].

Доля тепловых электростанций (ТЭС) КНР в выработке электричества, работающих на основе угля, газа, мазута и биомассы, хотя последовательно снижается, но все еще составляла в 2020 г. значительную величину в 67,9 %. Развернуть такую «машину» в сторону «зеленой энергетике» будет чрезвычайно трудно из-за ее инерционности. Темпы снижения выработки энергии такими электростанциями на протяжении последних 4 лет сокращаются медленно: примерно по 1 % в год [Электроэнергетика Китая...].

Особенно важно сократить долю именно ТЭС, работающих исключительно на угле, которая в электрогенерации Китая снижается крайне медленно. Так, если в 2019 г. этот показатель составлял 64,6 %, то в 2020 г. — 63,2 %. В сравнении с этими китайскими данными динамика соответствующих показателей в электрогенерации США более благоприятна, соответственно 24,1 и 19,7 % [BP. Statistical Review, 2021].

В то же время мощности «зеленой энергетике» Китая растут достаточно быстрыми темпами. Прирост в 2020 г. мощностей ветряной и солнечной энергетике составил 34,6 и 24,1 % в сравнении с 4,7 % по теплоэнергетике [Электроэнергетика Китая...]. Ряд экспертов утверждают: чтобы добиться нулевых выбросов, Китаю как крупнейшему загрязнителю окружающей среды понадобится совершить крайне резкий разворот к «зеленой политике» [Скосырев].

Весьма важно, что США рассматривают климат как сферу принципиального соперничества с Китаем, прежде всего, в сфере инновационных технологий. Странами Запада готовятся ограничения на ку-

плю-продажу китайского инновационного оборудования, лимиты и запреты на функционирование угольных теплоэлектростанций.

К тому же «на кону» стоит огромный финансовый потенциал мирового рынка возобновляемой энергии, который, по расчетам, к 2025 г. достигнет 2,15 трлн долл. [Гутерриш...]. И, скорее всего, конкурентная борьба за дележ этого «пирога» предстоит нешуточная.

После короткого периода замедления темпов роста экономики вследствие пандемии коронавируса Китай опять вступил на путь ускоренного развития. Причем приоритеты развития в новом плане на 14-ю пятилетку (2021—2025) существенно подкорректированы. В отличие от предыдущих пятилетних планов Китай расставил новые приоритеты. Впервые в плане развития не указан конкретный целевой показатель роста ВВП, что объясняется экономическим кризисом из-за пандемии COVID-19. Новый план предусматривает 20 основных показателей, охватывающих широкий спектр областей, включая рост расходов на НИОКР более чем на 7 % в год и акцент на охрану окружающей среды и обеспечение безопасности [Кузница...].

Одной из важных принципиальных особенностей 14-го пятилетнего плана является именно четкий приоритет контроля в сфере охраны окружающей среды. В период 2021—2025 гг. предусматривается снижение «интенсивности выбросов CO₂» (объема CO₂ на единицу ВВП) на 18 % и снижение «энергоёмкости» (потребления энергии на единицу ВВП) на 13,5 % [Кузница...].

Стоит также отметить, что впервые Китай представил стратегическую климатическую цель — достижение нулевого уровня углеродных выбросов в экономике к 2060 г., правда, без деталей того, как эту цель планируется достичь. И главное, непонятно, как страна собирается сворачивать или переформатировать мощную угольную генерацию.

Сейчас безуглеродные источники (включая атомную энергетику) обеспечивают производство 18 % энергии в КНР. Стране удалось несколько снизить долю угля — самого «грязного» ископаемого топлива — в структуре энергопотребления, однако это произошло за счет увеличения общего потребления энергии, в то время как объем сжигаемого угля практически не изменился. За текущую пятилетку предусматривается повышение доли неископаемых видов топлива в потреблении электроэнергии до 20 %.

В связи с историческим преобладанием чрезвычайно грязной угольной энергетики борьба за климатическую нейтральность Китая будет весьма затратна. Китайская программа декарбонизации по примерным расчетам может обойтись стране в 5 трлн долл. [Всегда бу-

дет...]. В основе этой программы лежит резкое увеличение производства энергии из ВИЭ, включая и атомную энергетику, взамен использования углеродных источников топлива.

Пока же в условиях тотальной нехватки отечественных энергоносителей для продолжения глобального подъема КНР приходится увеличивать импорт нефти, природного и сжиженного газа, коксующих и энергетических углей.

Дефицит всех энергоносителей со временем только увеличивается. Сначала дефицитной стала нефть, потом газ, а теперь и уголь. Как известно, единственным широкодоступным энергоносителем КНР является уголь. Его добыча продолжает расти, так в 2020 г. добыча угля в Китае достигла 3,84 млрд т — самого высокого показателя за последние 5 лет [Китаю...]. Несмотря на огромные объемы собственной добычи, Китай не может обеспечить растущие потребности внутреннего рынка и вынужден импортировать как коксующийся, так и энергетический уголь. Так, только за январь — май 2021 г. импорт угля составил 111,17 млн т. Он продолжил нарастать с 299,7 млн т в 2019 г. до 304 млн т в 2020 г. [Россия, помощи...].

Во многом это связано с начавшимися с декабря 2020 г. политическими трениями с Австралией по поводу уйгурской проблемы, закончившиеся частичным разрывом торговых связей. При этом на фоне продолжения быстрого восстановления после пандемии коронавируса экономики КНР никто из крупных поставщиков угля в Китай (ни Монголия, ни Индонезия), не оказался способен резко увеличить производство, чтобы удовлетворить растущий спрос со стороны КНР, за исключением России.

Наша страна смогла предложить дополнительные объемы коксующегося и энергетического угля. Только в январе—марте 2021 г. экспорт угля из России вырос на 12,8 % по сравнению с тем же периодом 2020 г., достигнув 51 млн т, при этом более 50 % этого объема было экспортировано в восточном направлении — прежде всего в КНР.

Однако на пути устойчивого роста транспортировки российского угля в Китай встали две проблемы — пропускная способность Транссиба и БАМа, а также ограничение перевалки угля в дальневосточных портах. Из-за ограниченной пропускной способности российских железнодорожных магистралей, а также трудностей, возникающих при пересечении российско-китайской границы, некоторые российские угольные компании вынуждены переориентировать свои поставки с Востока на Запад, прежде всего в порты Азовско-Черноморского бассейна.

Тем не менее, Дальневосточная железная дорога (ДВЖД), работающая на пределе пропускной способности, в январе-мае 2021 г. смогла увеличить перевозки угля на 81 % относительно того же периода прошлого года — до 11,9 млн т. За этот же период перевалка угля всех видов в дальневосточных портах смогла увеличиться на 10 % (в пересчете на год) — до 23,9 млн т, благодаря росту отгрузок на угольных терминалах в Ванино, Находке, Владивостоке [Россия, помоги...].

В условиях дефицита провозных возможностей восточного полигона РЖД российские компании сейчас стремятся экспортировать в Китай в первую очередь более дорогой коксующийся уголь. Нарращивание поставок энергетического угля станет возможно только после увеличения пропускной способности БАМа и Транссиба.

В то же время «Восточная горнорудная компания», осуществляющая поставки на экспорт через угольный терминал порта Шахтерск на Сахалине, не лимитирована пропускными возможностями железных дорог. В связи с этим через данный терминал в 2020 г. уже было отгружено 10,7 млн т энергетического угля. Предполагается, что в 2021 г. поставки угля увеличатся до 11,9 млн т [Россия, помоги...].

Таким образом имеются возможности для расширения закупок российского угля в целях обеспечения растущих потребностей внутреннего рынка Китая.

В целом годовое потребление Китаем угля держится на уровне, близком к 4 млрд т, который Китай широко использует в качестве сырья в металлургии, углехимии, цементной промышленности и т. д., однако главное направление — это производство электроэнергии. С одновременным закрытием старых котельных и ТЭС страна строит новые высокоэффективные угольные станции в целях обеспечения поддержки экономического роста. Так, согласно сообщениям некоммерческой организации по мониторингу энергетических мощностей Global Energy Monitor со штаб-квартирой в Сан-Франциско (США) и судя по спутниковым фотографиям, в ближайшее время в КНР будут построены новые угольные электростанции мощностью 121,3 ГВт. Кроме того, ранее замороженное строительство электростанций мощностью 26,4 ГВт будет возобновлено. Таким образом, в ближайшем будущем Китай создаст 148 ГВт новых мощностей угольной генерации [Не до экологии...].

Между тем в рамках климатического соглашения КНР обязалась к 2030 г. остановить рост выбросов углекислого газа. [Бахтина...]. Официально от этого плана Китай не отказывается, но для этого не-

обходимо в течение оставшихся 9 лет не наращивать, а сокращать угольную генерацию.

Чтобы достигнуть чистых нулевых выбросов, государству придётся в корне изменить действующий механизм добычи, импорта и потребления угля. Параллельно нужен плавный переход на возобновляемую энергетику. В конце концов придётся за 40 лет решить, как эффективно использовать свои огромные запасы чёрного топлива [Уголь в Китае...].

В то же время эффективность инвестиций в ВИЭ в Китае сейчас подвергается сомнениям, они признаются не очень эффективными из-за невысокого вклада в экономический рост [Не до экологии...].

В связи с неопределенностью стратегической задачи появления необходимого количества альтернативных источников энергии в достаточно сложных условиях текущего развития КНР нужна газовая пауза, которая может обеспечить более плавный переход на инновационные технологии энергосбережения и ВИЭ. Чтобы успешно пройти этот трансформационный период перехода к «зеленой энергетике», придется активно использовать газовую генерацию, однако собственный газ в долгосрочной перспективе закроет только 50 % потребностей. Китай продолжает быть самым быстрорастущим потребителем и крупнейшим импортером газа в мире. При этом важнейшими являются стабильность поставок газа и прогнозируемость цены импортного газа, а этим параметрам отвечает трубопроводный газ.

По многим основаниям наиболее перспективным партнером в газовой сфере является Россия, в связи с чем КНР продолжает углублять сотрудничество с Россией как по трубопроводному газу, так и по СПГ. Китай масштабно инвестировал в проекты по производству арктического СПГ («Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2»). Быстрыми темпами на территории КНР строится инфраструктура для возрастающих объемов газа по газопроводу «Сила Сибири». Завершаются переговоры по новому проекту «Сила Сибири-2», где уже подготовлено ТЭО проекта и определена трасса газопровода от действующих месторождений севера Тюменской области через Красноярский край, Туву и Монголию в Китай.

В конечном итоге в настоящее время острота китайско-американских разногласий по всему перечню политических и военно-стратегических вопросов достигла беспрецедентного уровня. В то же время стороны смогли прийти к компромиссу по сотрудничеству в сфере климата, что показала недавняя встреча американского спецпосланника по климату Джона Керри и его китайского коллеги Сэ Чжэньхуа

в Шанхае 17 апреля 2021 г. Стороны обязались сотрудничать друг с другом и с остальными странами в преодолении климатического кризиса и намерены разработать долгосрочные национальные стратегии по достижению нулевых углеродных выбросов [США и Китай...].

При этом нарастает общее политическое давление Запада на КНР как страну с авторитарным режимом, что проявляется в активизации «наступления» объединенного Запада на отрасли китайской промышленности, непосредственно связанные с тематикой парниковых выбросов. Так, с конца 2020 г. нарастает кампания за остановку импорта солнечных модулей из КНР [Пироженко].

В заключение отметим, что ведущие страны мира понимают безальтернативность климатического движения земной цивилизации. Странами-конкурентами поставлены весьма амбициозные сроки достижения полной углеродной нейтральности, например, в США это 2050 г, в Китае — 2060 г. Другое дело, достижимы ли они. Остается принципиально важный вопрос — смогут ли США и Китай с учетом всех своих проблем выполнить стратегическую цель своей климатической повестки — выйти на климатическую нейтральность к 2050—2060 гг.

На наш взгляд, эти цели в рассматриваемой перспективе недостижимы, прежде всего, из-за явного дефицита редкоземельных и других минералов как основы «зеленой энергетики».

3.4. Российско-китайское сотрудничество в области освоения Арктики

В последние десятилетия Арктика становится ключевым регионом в сфере освоения энергоресурсов и развития инфраструктуры. Интерес ведущих стран к участию в освоении этого региона увеличивается по мере расширения применения передовых технологий, открывающих доступ к новым запасам углеводородных ресурсов, а также в связи с изменением климата в высоких широтах, открывающим новые пути для международного судоходства. Арктика весьма богата нефтью, газом и другими полезными ископаемыми. В настоящее время здесь добывается 1/10 часть общемировых запасов нефти и 1/4 часть — природного газа. На российском крайнем Севере сосредоточено 80 % всей арктической нефти и практически весь газ. Среди других ведущих производителей — Канада, США (Аляска) и Норвегия. Проведённые исследования показывают, что в Арктике находится

значительная часть ещё не разведанных мировых запасов нефти [Природные ресурсы Арктики...].

В числе ведущих государств региона на первых ролях по традиции находятся так называемые арктические страны — Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США, которыми в 1996 г. на основе Оттавской декларации был создан Арктический совет — межправительственный форум, содействующий сотрудничеству, координации и взаимодействию между государствами, коренными общинами и остальными жителями Арктики. На нем решаются её общие вопросы, такие как проблемы устойчивого развития и защиты окружающей арктической среды. Кроме арктических государств в Совете состоят организации, представляющие интересы коренных народов Арктики, а также страны-наблюдатели, не являющиеся арктическими государствами [Арктический совет...].

Одна из таких стран — КНР, присоединившаяся к Совету в 2013 г. и официально именуемая государством, расположенным вблизи Арктики (*near-Arctic State*), что подчеркивает степень интереса, проявляемого Китаем к Арктическому региону. Так, с 1998 г. Пекин проводит регулярные арктические экспедиции. В 1999 г. Китаем был приобретён за рубежом и отремонтирован ледокол, получивший название «Снежный дракон», а в 2004 г. он договорился с Норвегией о базе на Шпицбергене [Китай оборачивается на Север...].

В 2018 г. была опубликована Белая книга по арктической политике Китая, в которой декларировались следующие принципы деятельности:

- углубление исследований и понимания Арктики;
- охрана окружающей среды в Арктике и решение проблемы изменения климата;
- законное и рациональное использование арктических ресурсов, включая природные ресурсы и туризм;
- активное участие в арктическом сотрудничестве и управлении;
- содействие миру и стабильности в Арктике при переходе от политики к практике [Журавель...].

За перечисленными в этом документе гуманитарными и международными принципами Китай скрывает определенные политические цели в отношении Арктики. КНР предлагает себя как равноправного участника «дележки» Арктического региона. В число интересов Китая в Арктике входит также наращивание объема и потенциала арктических научных исследований и активное реагирование на изменение климата.

Что касается возможностей освоения КНР Арктического региона, то на первое место выходит российско-китайское сотрудничество, основным направлением которого в настоящее время являются разработка месторождений углеводородов и инфраструктурные проекты.

В 2019 г. Россия и Китай договорились о создании совместного Арктического научно-исследовательского центра. Соответствующий документ подписали представители Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН и Национальной лаборатории морской науки и техники Циндао [Институт океанологии и ведущая китайская национальная лаборатория подпишут соглашение о сотрудничестве...]. Китай проявляет интерес к сотрудничеству в рамках проекта строительства арктической станции «Снежинка», для чего в числе прочего готов поставлять оборудование [Китай готов сотрудничать с РФ по проекту арктической станции «Снежинка»...]. Данная станция должна стать полностью автономным комплексом, работающим на базе возобновляемых источников энергии и водорода (без дизельного топлива). Предусматривается что международная кооперация будет опираться не только на страны-участницы Арктического совета, но и на такие страны-наблюдатели, как Китай, которые не имеют выхода к Арктике, но заинтересованы в круглогодичном всестороннем сотрудничестве по её проблематике.

Нефтегазовые проекты. За полярным кругом было открыто свыше 400 наземных месторождений нефти и газа. На 60 из них активно ведётся добыча, однако около четверти ещё не разработаны. Более 2/3 разрабатываемых месторождений находится в России, главным образом в Западной Сибири [Арктика — мировой природный ресурс...].

На российском шельфе открыто 20 крупных нефтегазоносных провинций и бассейнов, 10 из которых имеют доказанные запасы. Крупнейшими нефтегазовыми бассейнами в Арктике являются Восточно-Баренцевский, Южно-Карский, Лаптевский, Восточно-Сибирский и Чукотский [Нефтегазовый клондайк Арктики...]. По оценке Минприроды, запасы газа в Арктике по категории С1+С2 запасы нефти и газа по степени изученности подразделяются на разведанные — категории А, В и С1 и предварительно оцененные — категория С2. составляют 55 трлн куб. м, нефти — 7,3 млрд т, газового конденсата — 2,7 млрд т [Об основах государственной политики...].

КНР — крупнейший и постоянно увеличивающийся потребитель СПГ в мире. Наиболее активными участниками арктических проектов являются Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) и Китайская национальная оффшорная нефтяная кор-

порация (CNOOC). В 2013 г. CNPC и «НОВАТЭК» заключили соглашение о сотрудничестве по проекту «Ямал СПГ». Компания CNPC стала владельцем 20 % акций в этом проекте, а также имеет право в течение 20 лет получать не менее 3 млн т СПГ в год. Еще 9,9 % средств было вложено в проект Фондом Шелкового пути [Нова-тэк...].

В 2013 г. «Роснефть» и CNPC договорились о совместном изучении Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море. Также действует соглашение CNPC с ПАО «Газпром» по разведке нефтяных и газовых месторождений в Арктике [Т.А. Махмутов, 2016. С. 25].

В 2019 г. на Международном форуме «Один пояс — один путь» CNOOC подписала юридически обязывающее соглашение с российской компанией «НОВАТЭК», по которому она приобретает 10 % акций в проекте «Арктик СПГ-2» и не менее 20 % продукции завода [Нова-тэк...].

В 2020 г. Россия и КНР приняли совместный документ, в котором стороны договорились укреплять взаимодействие по устойчивому развитию Арктики, содействовать сотрудничеству в области использования Северного морского пути на основе прав и с учетом интересов прибрежных государств. Договор касался также таких сфер, как арктическое судоходство, обеспечение аварийно-спасательных мероприятий, инфраструктура, освоение ресурсов, научные исследования, туризм, экология и охрана окружающей среды. Были обсуждены вопросы продвижения конкретных программ взаимовыгодного сотрудничества, а также поддержка инвестиционного сотрудничества российских и китайских предприятий в Арктике и на Дальнем Востоке России на основе принципов устойчивого развития, включая освоение неэнергетического минерального сырья, реализацию крупномасштабных инфраструктурных проектов.

В настоящий момент Россия председательствует в Арктическом совете (с мая 2021 до 2023 г.), и из всех арктических государств занимает большую часть арктического шельфа. Согласно Морской конвенции, наша страна контролирует Северный морской путь (СМП) подобно тому, как другое крупное приарктическое государство — Канада контролирует Северо-западный проход [Женевский разворот на Север...]. Сквозным приоритетом председательства России в Арктическом совете объявлена тематика «Ответственного управления для устойчивой Арктики». Это подразумевает продвижение коллектив-

ных подходов к обеспечению устойчивого развития Арктического региона при соблюдении баланса в его социальном, экономическом и природоохранном измерениях, повышении синергии, конструктивного сотрудничества и координации Арктического совета с другими региональными структурами. [Председательство России в Арктическом совете в 2021—2023 гг. ...]. Российская Федерация по-прежнему намерена способствовать закреплению Арктического совета в качестве ключевого формата международного арктического сотрудничества, развитию диалога и контактов с наблюдателями (КНР с 2013 г.) с целью обеспечения их значимого и сбалансированного вовлечения в деятельность Совета [О Стратегии развития Арктической зоны...].

За последние несколько лет Россия и Китай предприняли ряд шагов с целью поиска взаимовыгодных точек соприкосновения в совместном использовании Арктики. Обе страны проводят консультации между министерствами иностранных дел и на экспертном уровне для реализации инициативы президента Российской Федерации В.В. Путина о создании Полярного шелкового пути (в китайской интерпретации «ледового»).

Под руководством концерна «Новатэк» разрабатываются месторождения на севере Сибири — на полуострове Ямал («Ямал СПГ» и «Обь СПГ»), а также на Гыданском полуострове («Арктик СПГ-1», «Арктик СПГ-2» и «Арктик СПГ-3»). Китай инвестировал в оба проекта: для «Ямал СПГ» объем китайского финансирования оценивается в 30 %, для Арктик СПГ-2, 20 % [Проект «Арктик СПГ-2»...].

«Арктик СПГ-2» — проект по производству сжиженного природного газа, предусматривающий строительство на Гыданском полуострове (ЯНАО) трех технологических линий (каждая мощностью 6,6 млн т в год), и производству газового конденсата общей мощностью до 1,6 млн т в год. Стоимость проекта оценивается в 20—21 млрд долл. Акционерами проекта являются «Новатэк» (60 %), французская Total (10 %), китайская CNOOC (10 %), «дочка» китайской CNPC — CNODC (10 %), а также консорциум японских Mitsui & Co и JOGMEC — Japan Arctic LNG (10 %). Также участниками проекта было одобрено привлечение под него внешнего финансирования в 11 млрд долл. Треть от этой суммы предоставят китайские банки, еще треть — банки Европы и Японии, остальной объем — российские банки. Ресурсной базой проекта является месторождение Утреннее в ЯНАО, доказанные и вероятные запасы которого на конец 2020 г. по стандартам PRMS составили 1,434 трлн куб. м природного газа и 90 млн т жидких углеводородов [Проект «Арктик СПГ-2»...].

Ещё одним примером сотрудничества КНР в арктической зоне российских интересов стало подписание в 2021 г. в рамках Петербургского международного экономического форума базовых условий соглашения между NOVATEK Gas & Power Asia Pte. Ltd. и Zhejiang Energy Gas Group Co., Ltd, дочерней компанией Zhejiang Provincial Energy Group о долгосрочных поставках СПГ с проекта «Арктик СПГ-2», по условиям которого будут осуществляться поставки в КНР в течение 15 лет до 1 млн т СПГ в год [Проект «Арктик СПГ-2»...].

Следует отметить, что некоторые совместные с Китаем проекты пока не получили развития. Предложение китайской компании Poly Group Corporation инвестировать 5,5 млрд долл. в развитие порта Архангельска пока не реализовано [Александрова М.В., 2017. С. 229] Тем не менее, в последнее время отмечены значительные усилия китайских представителей по его продвижению. В данном случае необходимо, по нашему мнению, весьма осторожно и тщательно готовить соответствующие договоренности, учитывая уже имеющиеся примеры по фактическому присвоению китайской стороной зарубежных портовых сооружений.

Участие китайских компаний в проектах включает также перевозки сжиженного природного газа и строительство грузового флота. Китайские компании являются основными перевозчиками в проекте «Ямал СПГ». Доля китайских судоходных компаний (China LNG Shipping (Holdings) Ltd., Sinotrans Shipping Ltd. и China COSCO Shipping) в совместных предприятиях с тремя основными перевозчиками СПГ (Dynagas Ltd., MOL LNG Transport (Europe) Ltd. и Teekay Shipping (Glasgow) Ltd.) составляет от 50 до 51 %. Таким образом, китайские компании «контролируют» 7 из 15 газозовов Ямалмакс. Кроме того, в Китае построены суда для проекта «Ямал СПГ»: танкер Boris Sokolov на верфи CSSC Offshore & Marine Engineering Group Co Ltd., а также четыре газозова без ледового класса (LNG Dubhe, LNG Merak, LNG Phecda и LNG Megrez) на верфи Hudong-Zhonghua Shipbuilding (Group) Co., Ltd. Последними четырьмя судами китайская компания China COSCO Shipping владеет на паритетных началах с MOL LNG Transport (Europe) Ltd [Китай как крупнейший инвестор арктических проектов...].

Следующим наиболее важным направлением освоения Арктики для Китая является развитие *транспортной инфраструктуры*. Большую роль здесь играют использование СМП и его включение в «Шелковый путь» (рис. 3). Полярный шелковый путь во многом повторяет СМП и является кратчайшим и безопасным маршрутом в Европу.

Рис. 3. Маршрут предполагаемого Полярного Шелкового пути.

Источник: [Чэнь Сяочэнь]

В данный момент происходят попытки сопряжения инициативы формирования Большого евразийского партнерства и китайской инициативы «Один пояс — один путь».

О широких перспективах российско-китайского сотрудничества в области инфраструктурных проектов говорит и позиция президента РФ В.В. Путина: «Шелковый путь дотянулся до самого Севера. Объединим его с Северным морским путем, и будет то, что нужно, и Северный морской путь сделаем Шелковым» [Путин: Шелковый путь дотянулся до Севера...].

В заключение хотелось бы ответить на вопрос: «Станет ли Китай надежным партнером России при решении арктических проблем?»

Несмотря на взаимную выгоду и положительный характер российско-китайских отношений в области освоения Арктики, есть ряд принципиальных расхождений в позиции наших стран. Политика России в данном регионе строится на сохранении и, по возможности, восстановлении исторической ведущей роли России в Арктике. Имея давнюю историю освоения этих земель и в недавнем прошлом (годы СССР) доминирующее положение в Арктике, Россия сегодня не «в восторге» от появления новых акторов в регионе и поэтому настаивает на наличии исключительных экономических зон для арктических государств. При этом российская арктическая стратегия вписана в более широкую концепцию Большой Евразии.

Позиция Китая в этом вопросе противоположна и сводится к тому, что Арктика является достоянием всего человечества и должна быть открыта для всех стран. В защиту данного тезиса КНР приводит

много доводов, в том числе связанных с вопросами экологии, изменения климата и защиты интересов коренных народов, но очевидным для всех становится ползучее завоевание Арктики нашим южным соседом. Получение доступа к природным ресурсам региона, создание логистической и коммуникационной инфраструктуры, освоение и взятие под свой контроль СМП из Восточной Азии в Европу — вот цель КНР.

Сложность в отношении добавляет и тот факт, что взаимодействие международных игроков на крайнем Севере происходит на фоне возобновившейся американо-российской конфронтации и растущего соперничества США и КНР. При этом расклад сил в Арктическом совете приводит к практически полной изоляции России, поскольку все остальные страны — члены Совета входят в НАТО. При этом США опасаются прихода КНР в Арктику и закрепления там, подталкивая тем самым отношения России и Китая к стратегическому партнерству.

КНР через Арктику намерена шире использовать свои возможности для реализации региональных и глобальных политических целей. Россия же может извлечь большую выгоду и получить преимущество в будущем, обретя в Арктическом регионе такого могущественного партнера как Китай. Особенно это актуально перед лицом возможной изоляции и конфронтацией, пока что экономической и технологической, с западными странами.

Для внешней политики Китая на арктическом направлении характерно избегание конфликтов путем выжидания благоприятных условий и создания необходимых материальных и политических предпосылок для изменения ситуации в свою пользу. Политика Пекина в отношении России в арктическом вопросе носит позитивный, деловой, в основном доброжелательный и долгосрочный характер. Возникающие проблемы и трудности решаются путем переговоров, Китай подчеркивает свою приверженность принципам и нормам международного права в развитии и освоении Арктики.

С учетом вышеизложенного важно во время председательства России в Арктическом совете обратить особое внимание на интересы и амбиции КНР в регионе Арктики. В интересах нашей страны более широко «приоткрыть дверь» для стратегического партнера на этом направлении путем привлечения ресурсов Китая для освоения СМП и строительства инфраструктурных объектов. Для этого можно было бы использовать не только официальные каналы, но и возможности экспертного сообщества путем организации специальных обсужде-

ний для прояснения планов Китая на этом направлении, например, на площадке Восточного экономического форума.

Таким образом, обе страны оказываются естественными союзниками в условиях ужесточения конкуренции и сложной международной обстановки, вызванной санкциями США и Европейского союза в отношении России. Китай своей экономической и технологической помощью, а также сдержанной и доброжелательной политикой по отношению к России демонстрирует свою лояльность и готовность к взаимовыгодному партнерству в регионе. Пустив Китай в Арктический регион и, возможно, немного уступив в малом, в будущей битве за Арктику Россия сможет склонить «чашу» весов стратегических преимуществ в свою сторону, сохранив свои позиции в этом регионе и избежав изоляции остальных арктических государств.

3.5. Гуманитарное сотрудничество — одна из опор российско-китайских отношений

16 июля 2021 г. в России и Китае торжественно отмечалось 20-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанного президентом РФ В.В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином в Москве 16 июля 2001 г.

Договор заложил прочный фундамент доверительного партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая и мирную идеологию двух крупнейших государств мира в XXI веке — «навсегда друзья и никогда враги». Руководители обеих стран призвали их народы «быть добрыми соседями, хорошими друзьями и надежными партнерами», а молодое поколение — «развивать традиции дружбы, заложенные старшим поколением». Ст. 16 Договора провозглашала, что «договаривающиеся стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права».

Для осуществления данного документа было принято решение о разработке и утверждении специальных Планов действий по реализации положений Договора с указанием конкретных мероприятий, которые должны проходить в России и в Китае.

Во время визита президента РФ в КНР В.В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао 14 октября 2004 г. утвердили План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотруд-

ничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2005—2008 гг., центральное место в котором было отведено проведению национальных годов России в Китае в 2006 г. и Китая в России в 2007 г.

Проведение этих масштабных мероприятий было вызвано объективной необходимостью преодоления разрыва между доверительными отношениями руководителей двух стран и недостаточной информированностью и предубеждениями, существующими среди широких слоев населения России и Китая, что тормозило дальнейшее развитие российско-китайских отношений, расширение социальной базы добрососедства, дружбы и сотрудничества.

Мероприятия национальных годов носили массовый и представительный характер.

Официальное открытие Года России в Китае состоялось 21 марта 2006 г. в Доме народных собраний в Пекине с участием президента РФ В.В. Путина, находившегося в КНР с государственным визитом, и председателя КНР Ху Цзиньтао.

Программа Года России предусматривала проведение 300 различных мероприятий, включая встречи на высшем уровне, организацию национальной выставки, а также посещение Китая практически всеми высшими руководителями страны, министрами, видными представителями науки и культуры, известными общественными деятелями. В течение года Китай посетило около 500 официальных российских делегаций. Состоялись презентации 20 субъектов РФ, более 20 российских регионов было представлено в рамках 3 федеральных округов: Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного. На российской национальной выставке свои возможности продемонстрировали Уральский, Южный и Приволжские округа. В КНР для участия в этих акциях побывали 5 из 7 полпредов президента, 65 из 88 губернаторов [Внуков...].

При проведении мероприятий особое внимание уделялось широкому участию в них молодого поколения обеих стран. Были проведены спортивные игры, организовывались лагеря отдыха, фестивали детского и юношеского творчества, форумы молодых политиков и предпринимателей. С огромным успехом в апреле 2006 г. прошла Неделя Санкт-Петербурга в Шанхае; в июне — Неделя Москвы в Пекине.

Одним из центральных мероприятий Года стал прошедший с марта по ноябрь 2006 г. Фестиваль русской культуры. Начало Фестиваля ознаменовалось гала-концертом в Доме народных собраний, в кото-

ром приняли участие 280 звезд оперы, балета и оркестра Большого театра. Это были самые грандиозные гастроли театра за всю его 230-летнюю историю. Эстафету Фестиваля продолжили Государственный академический Малый театр России; Московский художественный театр им. А.П. Чехова; Театр кукол; Хореографический коллектив «Березка» и Академический ансамбль песни и пляски им. А.В. Александрова. В дни Фестиваля китайские любители классической музыки познакомились с выступлениями Большого симфонического оркестра им. П.И. Чайковского под управлением В.И. Федосеева; Камерным оркестром «Виртуозы Москвы» под руководством В. Спивакова; театром «Геликон-опера», представившим оперу Н.А. Римского-Корсакова «Царская невеста», а также с выступлениями в молодежных аудиториях рок-групп «Цветы» и «Мумий тролль».

Для любителей изобразительного искусства демонстрировались выставки: «Три века русского искусства», «Реалистическая живопись второй половины XIX века» собрание из коллекции Государственной Третьяковской галереи. В Дворцовом комплексе «Гугун» была открыта археологическая выставка.

Богатой была и научная программа: встречи ректоров вузов, ведущих обществоведов и гуманитариев, большая книжная выставка, на которой были представлены работы российских деятелей литературы и искусства. С большим успехом прошла Неделя культуры женщин России и Китая.

Одним из важных мероприятий Года России в Китае стал автопробег «Пекин — Москва — маршрут российско-китайской дружбы», который прошел через три провинции Северо-Востока Китая и российские города: Забайкалье, Читу, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тюмень, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород. Завершился автопробег, протяженностью 15 тыс. км и длившийся 45 дней, в Москве. Его назвали «Великим походом», значительно расширившим знания о России 40 участвовавших в нем молодых китайских журналистов, представлявших 10 ведущих СМИ КНР. В Пекине в течение Года работал Российский информационный центр, который провел 100 пресс-конференций и организовал 15 телемостов, участниками которых стали более 1200 российских и китайских журналистов.

Год России в Китае завершился 9 ноября 2006 г. гала-концертом Большого симфонического оркестра, за дирижерским пультом которого стояли В.И. Федосеев и Шао Энь. Число непосредственных китайских участников Года России в Китае по приблизительным под-

счетах составило более 0,5 млн человек, а вместе с телезрителями и пользователями Интернета эта цифра исчислялась сотнями миллионов [Внуков...].

Мероприятия Года Китая в России были торжественно открыты 27 марта 2007 г. в Большом Кремлевском дворце в дни официального визита в Россию председателя КНР Ху Цзиньтао. В концерте, названном китайскими организаторами «Симфония Весны», приняли участие лучшие китайские коллективы, солисты и исполнители.

В рамках Года Китая в России в дни визита председателя КНР в Москве была проведена Национальная выставка. В течение года состоялись также презентации Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Чунцина, Синьцзян-Уйгурского автономного района, Тибета, провинций Гуандун, Чжэцзян, Юньнань, Сычуань и Особого административного района Сянган/Гонконг. Было проведено 70 региональных мероприятий не только в Уральском, Сибирском и Дальневосточном, но и впервые в Центральном, Приволжском, Северо-Западном и Южном федеральных округах.

Заметным событием Года Китая стало участие вице-преьера КНР У И в Круглом столе по китайско-российскому инвестиционно-му и торговому сотрудничеству, прошедшем в рамках Петербургского международного экономического форума, а также состоявшийся 20 октября в Сочи IV Российско-китайский инвестиционный форум.

В ноябре 2007 г. в Москве был организован II Российско-китайский экономический форум с участием премьер-министров В.П. Зубкова и Вэнь Цзябао, в котором приняли участие более 1100 представителей центральных и местных правительств, предпринимателей и промышленников двух стран.

В 2007 г. в мероприятиях Года Китая в России приняли участие пять заместителей председателя ПК ВСНП, состоялись встречи молодых парламентариев ВСНП и Федерального собрания РФ, был проведен симпозиум с участием представителей центральных и региональных органов законодательной власти России и Китая.

Культурная программа Года Китая в России была богатой и разнообразной. С огромным успехом прошли Дни Пекина в Москве и Неделя Шанхая в Санкт-Петербурге; Недели тибетской культуры, провинций Чжэцзян, Хэбэй, Хубэй и Юньнань, а также Неделя культуры женщин двух стран.

В Москве, Великом Новгороде и Санкт-Петербурге состоялся Фестиваль современных китайских фильмов, в ходе которого зрители

могли ознакомиться с 11 лучшими кинолентами, созданными в КНР за последнее время.

Одним из главных мероприятий Года стали Дни Пекина в Москве. Китайскую делегацию в составе 300 человек возглавил мэр Пекина Ван Цишань, впервые посетивший Москву. В Центре международной торговли с участием мэра Пекина и заместителя мэра Москвы Л.В. Швецовой была открыта выставка «Новый Пекин. Новая Олимпиада».

Торжественная церемония открытия Дней Пекина была проведена в Музыкальном академическом театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко с участием мэров Москвы и Пекина. В праздничном концерте «Привлекательный Пекин» китайские артисты показали все самое лучшее в китайском театральном, цирковом и музыкальном искусстве.

К числу заметных событий Года Китая можно отнести путешествие по Волге большой группы представителей творческой интеллигенции двух стран. В 11 городах, где останавливался теплоход, прошли совместно концерты, выставки и творческие встречи.

Особое значение имел II Форум обществоведов Китая и России, на котором более 100 ведущих ученых двух стран продолжили обсуждение после I Форума, состоявшегося в 2006 г. в Пекине, Ханчжоу и Хух-Хото, ряд вопросов сотрудничества в различных областях.

Находившийся с визитом в России член Госсовета КНР Чэнь Чжили участвовал в открытии в МГУ Института Конфуция, выставке художественных печатей Ли Ланьцина, в российско-китайском фестивале студентов. В ходе визита состоялось заседание российско-китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству. В протоколе этого заседания была зафиксирована договоренность В.В. Путина и Ху Цзиньтао о придании регулярного характера таким особо значимым мероприятиям Национальных годов, как Дни культуры, фестивали студентов, кинофестивали, лагеря отдыха для школьников и т. п.

Было поддержано также предложение российской стороны о проведении Года русского языка в Китае в 2009 г. и Года китайского языка в России в 2010 г.

Из более чем 250 различных мероприятий, состоявшихся в России в течение Года Китая, одним из наиболее ярких стал автопробег по Китаю «Маршрутами российско-китайской дружбы» с участием 40 российских журналистов.

Маршрут автопробега длиной более 8000 км прошел по 22 городам Северо-Восточного, Северо-Западного, Центрального, Юго-Западного, Южного и Восточного Китая. Этот автопробег стал «круп-

нейшим информационным поводом Года Китая в России, его участники в своих репортажах и публикациях поделились впечатлениями с россиянами о нашем великом соседе Китае и его народе [Порада...].

Торжественная церемония закрытия Года Китая в России состоялась 6 ноября 2007 г. в Государственном Кремлевском дворце с участием премьеров В.И. Зубкова и Вэнь Цзябао. Главы правительств были едины в том, что акция национальных Годов, в рамках которой в России и в Китае прошло более 500 различных мероприятий, стала одной из самых ярких страниц в истории российско-китайских отношений в начале XXI века. Проведение Годов внесло значительный вклад в улучшение взаимопонимания большого числа людей в обеих странах, повышение у них интереса к жизни и культуре каждой из двух стран, признание в стране-соседе хорошего друга и надежного партнера.

Общество российско-китайской дружбы, его руководители активно участвовали в акции «Национальные годы» в центре и на местах. Председатель Общества М.Л. Титаренко и первый заместитель председателя ОРКД Г.В. Куликова были награждены Почетными грамотами правительства Российской Федерации.

В 2008 г. был утвержден План действий по реализации положений Договора на 2009—2021 гг., одной из главных задач которого было проведение в 2009 г. Года русского языка в Китае, а в 2010 г. — Года китайского языка в России.

Год русского языка в КНР был открыт 27 марта 2009 г. в Доме народных собраний торжественной церемонией с оглашением приветственных посланий председателя правительства РФ В.В. Путина и премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Председатель оргкомитета по проведению Года русского языка в Китае, член Госсовета КНР Лю Яньдун сообщила, что в рамках Года стороны организуют 260 мероприятий в 22 провинциях и 26 городах Китая. Центральное телевидение КНР вело прямую трансляцию открытия Года.

В рамках Года русского языка в Китае прошло более 40 всекитайских мероприятий, охватывающих сферы образования, культуры, СМИ. Состоялось открытие Русского центра при Пекинском университете иностранных языков. Кроме того, программа Года включала: конкурс среди школьников на лучшее сочинение о России; всекитайскую олимпиаду по русскому языку и культуре среди школьников и студентов; фестиваль школьных и студенческих театральных спектаклей по произведениям русских авторов; музыкальные и литературные вечера; кинопоказы; выставки работ российских художников.

Среди более чем 200 мероприятий Года в Китае самым ярким событием стал песенный фестиваль-конкурс «К России с любовью: в Китае поют русские песни», который проходил в Пекине и пяти провинциях КНР — Хэйлуцзяне, Хэнане, Цзянси, Сычуани и Гуандуне с участием 12 тыс. солистов, хоровых коллективов и вокальных ансамблей.

13 октября 2009 г. в Доме народных собраний во время торжественной церемонии, посвященной 60-летию дипломатических отношений между КНР и РФ и закрытию Года русского языка в Китае, председатель правительства РФ В.В. Путин вручил золотые медали и памятные подарки китайским победителям конкурса [Ван Фан...].

23 марта 2010 г. в Государственном Кремлевском дворце состоялась торжественная церемония открытия Года китайского языка, в которой приняли участие заместитель председателя КНР Си Цзиньпин, находившийся с официальным визитом в России, и председатель правительства РФ В.В. Путин. Мероприятия Года китайского языка прошли во многих городах России — от Владивостока до Калининграда. Одним из главных мероприятий Года стал мультимедийный проект «Здравствуй, Китай!». Создатели проекта выбрали 100 китайских слов и словосочетаний, которые наиболее ярко отражают китайские традиции и культуру. С 15 июня по 2 ноября в течении 20 недель телеканал «Культура», радиостанция «Голос России», «Российская газета» ежедневно передавали и размещали на своих полосах материалы, связанные с этим проектом [Дыхание Китая...]. Одним из важнейших мероприятий в рамках Года стал День китайского телевидения и открытие корреспондентского пункта Центрального телевидения Китая в России.

В Год русского языка в КНР Центральное телевидение Китая начало вещание на русском языке, открыв тем самым «окно Китая в Россию», а открытие корпункта ЦТ Китая в Москве стало одновременно «окном России в Китае».

В Москве в рамках Года китайского языка в России с большим успехом прошел Фестиваль «Китай, время вперед!» в Государственном Кремлевском дворце, состоялась премьера китайской оперы «Поэма о девушке Мулань».

День китайского телевидения в Москве под названием «Телевидение — мост культурного и духовного обменов» и телепрограммы «Здравствуй, Китай!», которые передавали по каналу «Культура», просмотрели 52 млн телезрителей России, что стало наивысшим по-

казателем телевизионного сотрудничества между Россией и Китаем. [Лю Яньдун...].

В рамках Года китайского языка в России в 23 субъектах нашей страны было проведено более 200 мероприятий с массовым участием молодежи, школьников, студентов, что наглядно свидетельствовало о возросшем интересе нашей молодежи к изучению китайского языка, Китая и его культуры, формированию положительного образа Китая в России [Лю Яньдун...].

Практически во всех мероприятиях Года китайского языка участвовали руководители и активисты Общества российско-китайской дружбы. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао вручил 10 россиянам Почетные грамоты «За вклад в распространение китайского языка и культуры».

В 2012 г. президентом РФ стал В.В. Путин. 5—6 июня свой первый визит он совершил в КНР. В Совместном заявлении КНР и РФ о дальнейшем углублении китайско-российских отношений всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия гуманитарное сотрудничество, наряду с политическим доверием и торгово-экономическим сотрудничеством, было названо одной из трех опор российско-китайских отношений [Куликова Г.В. ...].

В период 22—24 марта 2013 г., через 8 дней после своего избрания на пост председателя КНР, Си Цзиньпин совершил государственный визит в нашу страну. В Совместном заявлении РФ и КНР о взаимном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия гуманитарное сотрудничество было названо одним из приоритетных направлений российско-китайских отношений.

Затем последовали два парных года туризма: 2012 г. был назван Годом российского туризма в Китае, а 2013 г. — Годом китайского туризма в России.

Одним из каналов, содействовавших достижению целей этих Годов, стал проект 2012 г. «Здравствуй, Россия!», в рамках которого 100 китайских туристов отправились в РФ снимать видеоролики о российских достопримечательностях, транслировавшиеся позже по 16 ведущим телеканалам России. В качестве «ответа» в 2012 г. был осуществлен проект «Здравствуй, Китай», в ходе которого было подготовлено 100 видеороликов о красотах КНР [Куликова, С. 45].

22 марта 2013 г. в Государственном Кремлевском дворце состоялось открытие Года китайского туризма с участием глав двух государств. Президент РФ В.В. Путин сообщил, что Китай стал второй

страной по количеству туристов в России, а КНР — третьей страной по посещаемости российскими туристами. По словам председателя КНР Си Цзиньпина, туризм является «мостом для распространения культуры, осуществления культурного обмена и укрепления дружбы, лучшим способом сближения людей».

После проведения Годов туризма значительно вырос интерес россиян и китайцев к взаимным посещениям обеих стран.

В подписанном в Москве 24 марта 2013 г. Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики приоритетным направлением гуманитарного сотрудничества были названы молодежные обмены. 2014 и 2015 гг. были названы Годами дружественных молодежных обменов.

28 марта 2014 г. в Санкт-Петербурге с участием вице-премьеров РФ и КНР состоялась торжественная церемония открытия Годов дружественных молодежных обменов России и Китая. На их открытии с большим успехом выступил российско-китайский молодежный оркестр под управлением музыкального руководителя и главного дирижера Мариинского театра В.А. Гергиева. В Ульяновске был проведен Круглый стол молодых ученых России и Китая на тему «Молодежь — наше будущее». 100 российских школьников из районов Сибири и Дальнего Востока провели отдых в Автономном районе Внутренняя Монголия. Порядка 30 журналистов из России и Китая по инициативе ТАСС и газеты «Жэньминь жибао» посетили 5 городов пров. Хэйлунцзян: Хэйхэ, Харбин, Суйфэнхэ, Дуннин и Муданьцзян. 12 октября в Государственном Кремлёвском дворце прошло выступление российских и китайских молодежных коллективов и т. д.

В рамках Годов дружественных молодежных обменов было проведено более 600 различных мероприятий с участием более 100 млн молодых россиян и китайцев. Более 100 тыс. человек из 132 учебных заведений двух стран приняли участие в студенческих обменах. К концу 2015 г. между Россией и Китаем было создано 6 профильных вузовских ассоциаций: технологических, педагогических, художественных, экономических, медицинских и региональных. На стадии создания организации ассоциаций еще 3 вузов — авиационных, лингвистических и сельскохозяйственных [Куликова Г.В...].

17 декабря 2015 г. в Доме народных собраний в Пекине с участием председателя правительства РФ Д.А. Медведева и премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна состоялась торжественная церемония закрытия Годов дружественных молодежных обменов и открытия в 2016—2017 гг. Годов СМИ Китая и России. Главы правительств России и Китая вы-

соко оценили успешное проведение Годов молодежных обменов и выразили надежду на то, что работники СМИ Китая и России будут углублять взаимные знания о странах и их культуре, продвигать дальнейшее контакты и взаимопонимание между народами обеих стран.

Объявление о том, что в 2016—2017 гг. Россия и Китай сообща проведут Годы китайских и российских СМИ, было сделано 8 мая 2015 г. президентом РФ В.В. Путиным и находившимся с визитом в Москве председателем КНР Си Цзиньпином.

На заседании Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, состоявшемся 9 октября 2015 г., руководитель российской части подкомиссии по сотрудничеству в области СМИ, заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ А.К. Волин сообщил, что российские и китайские СМИ запланировали в 2016—2017 гг. более 200 мероприятий. Тогда же были обнародованы 10 направлений сотрудничества. Все они нашли отражение в Плане мероприятий по проведению Годов российских и китайских СМИ. Среди них — более 10 медийных форумов с участием молодых, в том числе региональных, журналистов; различные журналистские конкурсы; обсуждение совместного производства художественных и документальных фильмов и телевизионных сериалов; организация переводов кинематографической продукции двух стран, организация выставок известных фотожурналистов и т. п. (Исаев А.С...).

В результате перекрестных Годов СМИ России и Китая было осуществлено более 250 мероприятий, касавшихся политики, экономики, культуры и жизни их народов. (Китай. 2018. № 1. С. 31).

Накануне 2018 г. президент РФ и председатель КНР объявили о проведении в 2018—2019 гг. перекрестных Годов межрегионального сотрудничества России и Китая.

7 февраля 2018 г. в Харбине состоялось открытие Годов межрегионального сотрудничества и обменов. В церемонии приняли участие заместитель премьера Госсовета КНР Ван Ян и заместитель председателя правительства РФ Ю.П. Трутнев.

10 июля 2018 г. в рамках V российско-китайского ЭКСПО в Екатеринбурге был проведен новый Российско-китайский форум межрегионального сотрудничества. Стороны обсудили участие регионов России и Китая в политической сфере, экономике, сельском и лесном хозяйстве, логистике, создании технопарков, торговле и в области гуманитарных обменов.

15 июня 2019 г. в Харбине был проведён второй Китайско-российский форум межрегионального сотрудничества, в мероприятиях

которого приняли участие 11 российских регионов. Выступая на Форуме, заместитель председателя правительства РФ М.А. Акимов сообщил, что в торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем в настоящее время участвуют практически все субъекты РФ. С китайскими партнерами заключено почти 100 соглашений, меморандумов и протоколов о намерениях. Из них 60 подписаны за последние 3 года в рамках механизма «Волга—Янцзы».

Межрегиональное сотрудничество — это не только один из важных каналов участия регионов России и Китая в торгово-экономическом взаимодействии, но вклад регионов в укрепление двустороннего гуманитарного сотрудничества.

26 августа 2020 г. посредством видеосвязи состоялась официальная церемония открытия перекрестных Годов научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая. Президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин направили приветственные послания участникам этой церемонии.

18 сентября 2020 г. в Пекине прошло первое мероприятие Годов научно-технического и инновационного сотрудничества — Китайско-российский молодежный конкурс инноваций и предпринимательства, 23 октября в Харбине состоялся Китайско-российский форум по развитию новых технологий производства; 24 ноября в Пекине был организован Китайско-российский форум инженерных технологий; в Сиане — Китайско-российский форум промышленного новаторства и т. д.

22 декабря 2020 г. в России был торжественно открыт китайский центр Российской инженерной академии [Китай. 2021. № 1. С. 37].

Программа Годов научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая включала более тысячи проектов.

Перекрестные годы научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая — эти седьмые по счету тематические национальные годы, объявленные на государственном уровне. Учитывая их особое значение для решения задач социально-экономического развития двух стран, их действие продлено до 2025 г.

Важным проектом российско-китайского гуманитарного взаимодействия является Программа перевода и издания произведений китайской и российской классической и современной литературы, инициатором которой в 2013 г. выступили Главное государственное управление по делам прессы, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Федеральное агентство по печати и средствам массовой коммуникации РФ. В реализации программы

участвуют Китайское общество по коллективному управлению авторскими правами и Российский институт перевода. Первоначально программа предполагала, что каждая страна в течение 6 лет должна перевести и издать по 50 книг, в 2015 г. это число было доведено до 100 книг с каждой стороны. Программа успешно выполняется.

Свой вклад в российско-китайское гуманитарное сотрудничество вносят представители литературных кругов России и Китая. В 2011 г. в Москве был проведен литературный вечер на тему «Литература — духовный мост между народами России и Китая», участие в котором приняли молодые московские прозаики и поэты, а также переводчики китайской литературы и поэзии.

В 2016 г. по приглашению китайской стороны делегация молодых российских писателей и поэтов из разных городов России приняла участие в первом китайско-российском Литературном форуме в Шанхае, а в 2018 г. молодые китайские писатели приехали в Москву для участия во втором российско-китайском Литературном форуме, состоявшемся в Государственном институте мировой литературы им. М.А. Горького.

В настоящее время предварительно объявлено, что 2022—2023 гг. станут Годом российско-китайского сотрудничества в области физкультуры и спорта, тем более что в 2022 г. в Пекине состоялись зимние Олимпийские и Паралимпийские игры, а в 2023 г. Россия станет страной, в которой пройдет летняя Универсиада.

Разработкой и реализацией программы всех семи перекрестных годов российско-китайского сотрудничества занимаются пять российско-китайских межправительственных комиссий, в том числе Комиссия по гуманитарному сотрудничеству и входящие в ее состав подкомиссии.

21-е заседание этой Комиссии, состоялось в формате видеоконференции 25 ноября 2020 г. На нем была поставлена задача увеличения числа российских и китайских студентов, обучающихся в вузах России и Китая, до 100 тыс. человек. Принято решение о создании Библиотечного архива и Библиотечного российско-китайского альянса. В ходе заседания отмечена успешная работа Совместного университета в Шэньчжэне, учредителями которого были МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинский политехнический институт. Число его студентов достигло почти 1000 человек.

25 декабря 2020 г. на IX отчетно-выборной конференции Общества российско-китайской дружбы в Москве было сообщено, что в течение последних лет только в российской столице по линии Общества

было проведено 350 мероприятий, что свидетельствует об активном участии Общества в российско-китайском гуманитарном сотрудничестве. В 2021 г. — году 20-летия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой и 100-летия Коммунистической партии Китая — только в Москве по линии ОРКД было проведено 10 крупномасштабных мероприятий, среди которых большая фотоэкспозиция в Государственной Думе ФС РФ. Их участниками были не только москвичи, но и представители отделений Общества в различных регионах страны.

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики к 20-летию подписания Договора говорится, что «особое внимание Стороны продолжают уделять развитию гуманитарных обменов, играющих важную роль в углублении взаимопонимания и передачи традиций добрососедства и дружбы народами России и Китая из поколения в поколение» [Совместное заявление РФ и КНР...].

В статьях министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и министра иностранных дел КНР Ван И, опубликованных в «Российской газете» и газете «Жэньминь жибао», также подчёркивалось, что «глубокая дружба — бесценное достояние и неиссякаемая движущая сила для развития китайско-российских отношений. Важно в дальнейшем укреплять обмены между народами, обогащать гуманитарные связи, поощрять обмен знаниями и опытом между молодыми людьми двух стран, чтобы китайско-российская дружба стала трендом современной эпохи, глубоко укоренилась в народе, передавалась из поколения в поколение». [Ван И...].

Общество российско-китайской дружбы, которое идет к 65-летию юбилею с новым Уставом, задачами и кадрами, вносило и будет и впредь вносить активный вклад в расширение общественной базы российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху.

Библиографический список (глава 3)

Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016 / [Т.А. Махмутов и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 56 с. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Asia-Arctic-Report26-ru.pdf/> (дата обращения: 15.07.2021).

Александрова М.В. Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М.: ИДВ РАН, 2003.

Александрова М.В. Китайские инвестиции в России: отраслевой срез//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 219—242.

Арктика — мировой природный ресурс. URL: <https://goarctic.ru/news/arktika-mirovoyu-prirodnuyu-resurs/> // (дата обращения: 15.07.2021).

Арктический совет. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/> (дата обращения: 15.07.2021).

Бандман М., Малов В. Транспортный комплекс азиатской России в решении геополитических проблем страны // 2-я Международная конференция по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Новосибирск, 2002. С. 244—250.

Бахтина О. Подробности новой концепции Китая о пике выбросов углерода и углеродной нейтральности. URL: <https://neftegaz.ru/news/ecology/704115-podrobno-sti-novoou-kontseptsii-kitaya-o-pike-vybrosov-ugleroda-i-uglerodnoy-neutralnosti/> (дата обращения: 25.10.2021).

Блинкен выступил с программной речью о внешнеполитических приоритетах США // Голос Америки. 03.03.2021. URL: <https://www.golosameriki.com/a/blinken-remarks-brief-version/5799957.html> (дата обращения: 06.07.2021).

Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва. 19.11.2020. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNo nkJE02Bw/content/id/4443750#16 (дата обращения: 05.07.2021).

Ван И. Статья Министра иностранных дел КНР Ван И в «Российской газете». URL: <https://rg.ru/2021/06/01/van-i-druzhiba-mezhdu-kitaem-i-rossiej-dolzhnastat-tradiciej.html> (дата обращения: 25.07.2021).

Ван Фан. Ради углубления китайско-российского гуманитарного сотрудничества: интервью с Чжоу Цзи — министром образования КНР // Китай. 2009. № 2.

Внуков К.В. Российский медведь и китайская панда: два государства вместе // Россия—Китай XXI век. 2007.

Всегда будет солнце: как Китай откажется от нефти и газа. 13.10.2020. URL: <https://nangs.org/news/renewables/vsegda-budet-solntse-kak-kitay-otkazhetsya-ot-nef-ti-i-gaza>. (дата обращения: 06.07.2021).

Гутерриш Антониу. Борьба с изменением климата: настало время действовать // Независимая газета. 21.04.2021. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (дата обращения: 07.07.2021).

Дыхание Китая. Здравствуй, Китай. Мультимедийный проект в рамках Года китайского языка в России // Дыхание Китая. 2010. № 2; Китай. 2018. № 1; 2021. № 1.

Женевский разворот на Север. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/06/16/874419-zhenevskii-razvorot/> (дата обращения: 15.07.2021).

Журавель В. П. Белая книга Китая по Арктике: взгляд в будущее URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belaya-kniga-kitaya-po-arktike-vzglyad-v-budushee> (дата обращения: 15.07.2021).

Институт океанологии и ведущая Китайская Национальная Лаборатория подпишут соглашение о сотрудничестве. URL: <https://ocean.ru/index.php/novosti-left/novosti-instituta/item/1304-soglashenie-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 15.07.2021).

Исаев А.С. Сотрудничество средств массовой информации России и Китая: история, проблемы, возможности // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2.

Китаю внезапно понадобился российский уголь // Прайм. 15.03.2021. URL: <https://lprime.ru/energy/20210315/833236789.html> (дата обращения: 07.07.2021).

Китай готов сотрудничать с РФ по проекту арктической станции «Снежинка». URL: <https://ria.ru/20210513/arktika-1732062397.html> / (дата обращения: 15.07.2021).

Китай и Россия готовы к наращиванию межрегионального сотрудничества в разных областях в постэпидемическую эпоху: URL: http://russian.news.cn/2020-11/13/c_139513984.htm (дата обращения: 11.07.2021).

Китай как крупнейший инвестор арктических проектов. URL: <https://goarctic.ru/work/kitay-kak-krupneyshiy-investor-arkticheskikh-proektov/> / (дата обращения: 12.05.2018).

Китай оборачивается на Север: «Снежный дракон» движется во льдах Арктики URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11231833/> (дата обращения: 15.07.2021).

Котляров Н.Н., Островский А.В. Иностранные инвестиции в КНР: место и роль в экономической реформе // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1.

Кузница глобальных металлургических трендов. ООО «АТОН». 27.05.2021. URL: <https://investfunds.ru/analytics/254469/download/> (дата обращения: 10.07.2021).

Куликова Г.В. Общество российско-китайской дружбы. К 60-летию создания. М.: ИДВ РАН, 2017.

Леонтьев Р.Г., Хмель В.А. Международные транспортные коридоры: трансформация региональной инфраструктуры. М.: ВИНТИ РАН, 2003.

Лю Яньдун. Совместные проекты будут продолжены // Дыхание Китая. 2010. № 2.

Не до экологии: почему Китай ставит на уголь // Газета.ru. 07.12.2019. URL: https://finance.rambler.ru/markets/43291385/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.07.2021).

Необъявленная торговая война между Китаем и Россией: что не так со стратегическим партнерством? URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dmitry-afanasiev/neob-yavlenneya-torgovaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-rossiy-cto-ne-tak-sya> (дата обращения: 01.07.2021).

Нефтегазовый клондайк Арктики. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2018/12/545/ / (дата обращения: 15.07.2021).

Новатэк. Проект Лялал СПГ». URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/> (дата обращения: 15.07.2021).

Новый Шелковый путь и его значение для России / отв. ред. В.Е. Петровский. М.: ДеЛи плюс, 2016.

Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу. URL: <http://government.ru/info/18359> (дата обращения: 15.07.2021)

О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. URL: <http://government.ru/info/18360> (дата обращения: 15.07.2021).

Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: МБА, 2020.

Пироженко В. Климатическая повестка США и битва с Китаем за кремний // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/26/klimaticheskaja-povestka-ssha-i-bitvas-kitaem-za-kremnij-53452.html> (дата обращения: 10.07.2021).

Порада Г. Год Китая завершён // Россия-Китай XXI век, 2007. Председательство России в Арктическом совете в 2021—2023 гг. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/russian-chairmanship-2/> (дата обращения: 12.05.2018).

Природные ресурсы Арктики URL: <https://ru.arctic.ru/resources/> (дата обращения: 12.05.2018).

Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. М.: ИДВ РАН, 2019. Кн. 1, 2.

Проект «Арктик СПГ-2». URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/> (дата обращения: 15.07.2021).

Проект «Ямал СПГ». URL: <http://yamallng.ru/project/about/> (дата обращения: 15.07.2021).

Путин В.В. Шелковый путь дотянулся до Севера. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4797575/> (дата обращения: 15.07.2021).

Российско-китайская постоянная рабочая группа обсудила перспективы межрегионального инвестиционного сотрудничества: URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiysko_kitayskaya_postoyannaya_rabochaya_gruppa_obsudila_perspektivy_mezhregionalnogo_investicionnogo_sotrudnichestva.html (дата обращения: 12.07.2021).

Российско-китайское Экспо в Екатеринбурге перенесли на 2022 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11794221> (дата обращения: 15.07.2021).

Россия, помоги! Китаю не хватает угля. Агентство Прайм. 23.06.2021. URL: <https://1prime.ru/articles/20210623/834007993.html> (дата обращения: 10.07.2021).

Рыба ждет покупателя. URL: <https://expert.ru/expert/2021/15/ryba-zhdet-pokupatelya/> (дата обращения: 05.07.2021).

Скосырев В. Вашингтон начал с Пекином климатическую битву // Независимая газета. 21.04.2021. URL: https://nvo.ng.ru/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (дата обращения: 15.07.2021).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к 20-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>. 28.06.2021 (дата обращения: 25.07.2021).

Совместное коммюнике по итогам 25-й регулярной встречи глав правительств России и Китая: URL: <http://www.russia.org.cn/ru/news/sovместное-kommunike-po-itogam-dvadsat-pyatoj-regulyarnoj-vstrechi-glav-pravitelstv-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 25.06.2021).

Соглашение между Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением (Китайская Народная Республика) о внесении изменений в Протокол между Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину о фитосанитарных требованиях к кукурузе, рису, сое, рапсу, экспортируемым из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику: URL: https://fsvps.gov.ru/fsvps-docs/ru/importExport/china/files/soy_24072019.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

США и Китай договорились сотрудничать по борьбе с изменениями климата // *Le Monde*. 18.04.2021 (Материал представлен в пересказе ИноТВ). URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-04-18/Le-Monde-SSHA-i-Kitaj> (дата обращения: 15.07.2021).

Титаренко М.Л. Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО. Новосибирск, 2008. № 3.

Уголь в Китае. (Не)зависимое государство. Портал для недропользователей. Dprom.online. URL: <https://dprom.online/chindustry/ugol-v-kitae-ne-zavisimoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 15.07.2021).

Цзоу Сюфан. Анализ и прогноз регионального сотрудничества Северо-Востока Китая и российского Дальнего Востока / Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. М.: ИДВ РАН, 2019. Кн. 1. С. 119—120.

Чэнь Сяочэнь, Чжан Тинтин. Ледовый шелковый путь // *China.org.cn*. 25.06.2018. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения: 15.07.2021).

Электроэнергетика Китая: итоги 2020 г. 26.01.2021. URL: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/35556-elektroenergetika-kitaja-itogi-2020-goda.html> (дата обращения: 15.07.2021).

Юрий Трутнев провёл совещание о ситуации с экспортом рыбной продукции из Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна: URL: <http://government.ru/news/41501> (дата обращения: 24.06.2021).

И дай и лу. Хуанпишу — 2014 [«Один пояс — один путь». Желтая книга — 2014] // Сост. Ян Яньхун. Иньчуань, 2015. С. 42—43. (на кит.).

Чжунго — Элосы цзинци хэцзо фачжань баогао [Ежегодный доклад российско-китайского экономического сотрудничества и развития] / гл. ред. Чжу Юй (КНР), Островский А.В. (РФ). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2018. (на кит.).

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2019 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2019 г.]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (дата обращения: 11.10.2021). (на кит.).

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2020 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2020 г.]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 11.10.2021). (на кит.).

Чжунго тунци чжайяо — 2019 [Китайский статистический сборник — 2019]. Пекин, 2019. С. 101 (на кит.).

ЧжунЭ гуаньси дэ лиши юй сяньши [История и современное состояние российско-китайских отношений] // гл. ред. Луань Цзинхэ. Чжэнчжоу: Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004. (На кит.яз).

2020 нянь: вого юляо ючжи цзинькоу лян цзай чуан лиши цзуй гао шуйпин: [2020: импорт масел и жиров Китаем достиг самого высокого уровня в истории]. URL: <https://www.weihengag.com/index.php/home/article/detail/id/9041.html> (дата обращения 08.07.2021) (На кит.яз.).

2021 нянь юляо чанье шуцзюй фэньси баогао: [Отчет по анализу данных маселоперерабатывающей отрасли КНР за 2021 год]. URL: https://www.weihengag.com/home/data/productdetail/id/133/doc_id/9511.html (дата обращения: 12.07.2021). (На кит. яз.)

State Council Information Office of the PRC (2018, Jan 26). China's Arctic Policy. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm. (accessed: 07.05.2021). (На англ.яз.).

Ostrovskii A.V. (2017). Prospect to Interface the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Union Projects. Herald of the Russian academy of Sciences, 2017. v/87. No. 6. (На англ. яз.).

Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event [Electronic resource]. The White House. 2017, June 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/> (accessed: 20.04.2020). (На англ. яз.).

BP — Statistical Review of World Energy 2020: 69th edition [Electronic resource]. — 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 07.05.2021). (На англ. яз.).

BP — Statistical Review of World Energy 2021: 70th edition [Electronic resource]. — 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 07.05.2021) (На англ.яз.).

References

Aziatskie igroki v Arktike: interesy', vozmozhnosti, perspektivy'. Doklad № 26. 2016 . Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam (RSMD). M.: NP RSMD, 2016. — 56 s. [Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects. Report. No. 26., 2016. Russian International Affairs Council (RIAC). M.: NP RIAC, 2016. 56 p.] URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Asia-Arctic-Report26-ru.pdf>. (accessed: 15.07.2021) (In Russian).

Aleksandrova M.V. Kitaj i Rossiya: osobennosti regional'nogo e'konomicheskogo vzaimodejstviya v period reform. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2003. [China and Russia: Peculiarities of Regional Economic Cooperation in the Period of Reforms. M.: Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2003.] (In Russian).

Aleksandrova M.V.(2017) Kitayskiye investitsii v Rossii: otraslevoiy srez [Chinese Investments in Russia: Sectoral Dimension], Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity], issue XXII. Moscow: IDV RAN [IFES RAS]: 219—242. (In Russian).

Arktika — mirovoy prirodnyy resurs. [The Arctic is a global natural resource] URL: <https://goarctic.ru/news/arktika-mirovoy-prirodnyy-resurs/> (accessed: 11.09.2021) (In Russian).

Arkticheskij sovet [Arctic Council], URL: <https://arctic-council.org/ru/about/> (accessed: 15.07.2021) (In Russian).

Bandman M., Malov V. Transportnyy kompleks aziatskoy Rossii v reshenii geopoliticheskikh problem strany / Sbornik sochineniy 2-y Mezhdunarodnoy konferentsii po regional'nomu sotrudnichestvu i razvitiyu mezhdru Kitayem i Rossiyey. Novosibirsk, 2002 [The transport complex of Asian Russia in solving the geopolitical problems of the country / Collection of works of the 2nd International Conference on Regional Cooperation and Development between China and Russia. Novosibirsk, 2002. P. 244—250.]. (In Russian).

Blinken vystupil s programmnoy rech'yu o vneshnepoliticheskikh prioritetakh SSHA // Russkaya sluzhba «Golos Ameriki». 03.03.2021. [Blinken made a keynote speech on US foreign policy priorities // Voice of America Russian Service. 03.03.2021.] URL: <https://www.golosameriki.com/a/blinken-remarks-brief-version/5799957.html> (accessed: 06.07.2021) (In Russian).

BP — Statistical Review of World Energy 2020: 69th edition [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 07.05.2021).

BP — Statistical Review of World Energy 2021: 70th edition [Electronic resource]. — 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed: 07.05.2021).

Brifing oficial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V.Zaharovoj, Moskva, 19 noyabrya 2020 goda [Briefing by Foreign Ministry Spokeswoman Maria Zakharova, Moscow,

November 19, 2020]; URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4443750#16 (accessed: 05 July, 2021) (In Russian).

Chen Xiaochen, Zhang Tingting. Ledovyy shelkovyy put' // China.org.cn. 2018. 25 iyunya [Ice Silk Road] // China.org.cn. 2018. June 25. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (accessed: 15.07.2021) (In Russian).

Dykhanie Kitaya. Zdravstvuy, Kitay. Mul'timediynnyy proyekt v ramkakh Goda kitayskogo yazyka v Rossii // Dykhanie Kitaya. 2010. № 2; 2018. № 1; 2021. № 1. [Breath of China. Hello China. Multimedia project as part of the Year of the Chinese Language in Russia // Breath of China. 2010. No. 2., China Magazine. 2018. No. 1; 2021. No. 1.] (In Russian).

Elektroenergetika Kitaya: itogi 2020 goda. 26.01.2021 [China's electric power industry: results of 2020. 26.01.2021.] URL: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/35556-elektroenergetika-kitaya-itogi-2020-goda.html> (date of access: 07.15.2021). (In Russian)..

Guterres Antonio.. Bor'ba s izmeneniyem klimata: nastalo vremya deystvovat'. Nezavisimaya gazeta. 21.04.2021. [Fighting climate change: the time has come to act. Nezavisimaya gazeta. 21.04.2021] URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (accessed: 07.07.2021) (In Russian).

Institut okeanologii i vedushchaya Kitayskaya Natsional'naya Laboratoriya podpishut soglasheniye o sotrudnichestve [The Institute of Oceanology and the leading Chinese National Laboratory will sign a cooperation agreement] URL: <https://ocean.ru/index.php/novosti-left/novosti-instituta/item/1304-soglashenie-o-sotrudnichestve/> (accessed: 15.07.2021) (In Russian).

Isaev A.S. Sotrudnichestvo sredstv massovoy informatsii Rossii i Kitaya: istoriya, problemy, vozmozhnosti. PDV, 2016, № 2 [Cooperation between the media of Russia and China: history, problems, opportunities. Problems of the Far East., 2016, No. 2.] (In Russian).

Kitay gotov sotrudnichat' s RF po projektu arkticheskoy stantsii Snezhinka [China is ready to cooperate with the Russian Federation on the project of the Arctic station Snezhinka.] URL: <https://ria.ru/20210513/arktika-1732062397.html> / (accessed: 15.07.2021) (In Russian).

Kitay i Rossiya gotovy k narashchivaniyu mezhregional'nogo sotrudnichestva v raznykh oblastyakh v postepidemicheskuyu epohu [Russia and China are ready for building up trans-regional cooperation in different fields in postepidemic period]: URL:http://russian.news.cn/2020-11/13/c_139513984.htm (accessed: 11 July, 2021) (In Russian).

Kitay kak krupneyshiy investor arkticheskikh proyektov [China as the largest investor in Arctic projects.] URL: <https://goarctic.ru/work/kitay-kak-krupneyshiy-investor-arkticheskikh-proektov/> (accessed:12.05.2018) (In Russian).

Kitay oborachivayetsya na Sever: "Snezhnyy drakon" dvizhetsya vo l'dakh Arktiki [China Turns to the North: Snow Dragon Moves in the Ice of the Arctic] URL <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11231833/> (accessed: 15.07.2021) (In Russian)

Kitayu vnezapno ponadobil'sya rossiyskiy ugol'. Agentstvo Praym. 15.03.2021 [China suddenly needed Russian coal. Agency Prime. 15.03.2021]. URL: <https://lprime.ru/energy/20210315/833236789.html> (accessed: 07.07.2021) (In Russian).

Kotlyarov N.N., Ostrovskiy A.V. (2018) Inostrannyye investitsii v KNR: mesto i rol' v ekonomicheskoy reforme // Problemy Dal'nego Vostoka. 2018. № 1. [Foreign investment in China: place and role in economic reform. // Problems of the Far East. 2018. No. 1.] (In Russian)

Kuznitsa global'nykh metallurgicheskikh trendov. OOO «ATON». 27.05.2021 [Forge of global metallurgical trends. Forge of global metallurgical trends. ATON LLC. 27.05.2021]. URL: <https://investfunds.ru/analytics/254469/download/> (accessed: 10.07.2021) (In Russian)

Kulikova G.V. Obshchestvo rossiysko-kitayskoy družby. K 60-letiyu sozdaniya. M.: IDV RAN, 2017 [Kulikova G.V. Society of Russian-Chinese Friendship. To the 60th anniversary of creation. M. IFES RAS, 2017.] (In Russian)

Leontiev R.G., Khmel' V.A. Mezhdunarodnyye transportnyye koridory: transformatsii regional'noy infrastruktury. M.: VINITI RAN, 2003. [International transport corridors: transformations of regional infrastructure. M.: VINITI Russian Academy of Science, 2003.] (In Russian)

Liu Yandong (2010) Sovmestnoye proyektuy budut prodolzheny // Dykhaniye Kitaya. 2010. № 2. [Joint projects will continue // Breath of China, 2010, No. 2.] (In Russian)

Ne do ekologii: pochemu Kitay stavit na ugol' [Not up to the environment: why China puts on coal]. URL: https://finance.rambler.ru/markets/43291385-ne-do-ekologii-i-pochemu-kitay-stavit-na-ugol/?utm_content=finance_accessed:11.01.2021 (In Russian).

Neob'yavlenneya trgovaya vojna mezhdu Kitaem i Rossiej: chto ne tak so strategicheskimi partnerstvom [Undeclared trade war between China and Russia: what is wrong with the strategic partnership?]: URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dmitry-afanasiev/neobyavlenneya-torgovaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-rossiej-chto-ne-tak-so-> (accessed: 01 July, 2021) (In Russian).

Neftegazovyy klondayk Arktiki [Oil and gas klondike of the Arctic]. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2018/12/545/ (date of access: 15.07.2021).

Novyy Shelkovyy put' i yego znacheniye dlya Rossii / Otv.redaktor V.Ye. Petrovskiy. M.: DeLi plus, 2016.[The New Silk Road and Its Significance for Russia / Editor-in-Chief V.E. Petrovsky. Moscow: DeLi plus, 2016.] (In Russian)

O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2020 goda [On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2020] URL: <http://government.ru/info/18360> (date of access: 07.11.2021) (In Russian)

Ob Osnovakh gosudarstvennoy politiki Rossii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neyshuyu perspektivu [On the Fundamentals of the State Policy of Russia in the Arctic for the period up to 2020 and beyond] URL: <http://government.ru/info/18359>(date of access: 12.10.2021) (In Russian)

Ostrovskiy A.V. Kitay stanovitsya ekonomicheskoy sverkhderzhavoy. M.: MBA, 2020. [China is becoming an economic superpower. M.: MBA, 2020.] (In Russian)

Ostrovskii A.V. (2017). Prospect to Interface the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Union Projects. Herald of the Russian academy of Sciences, 2017, v/87, No.6.

Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event [Electronic resource]. The White House. 2017, June 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-s-statements/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event/> (accessed: 20.04.2020).

Pirozhenko V. Klimaticheskaya povestka SSHA i bitva s Kitayem za kremniy [The US climate agenda and the battle with China for silicon] URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/26/klimaticheskaja-povestka-ssha-i-bitva-s-kitaem-za-kremnij-53452.html> (date of access: 10.07.2021).

Porada G. God Kitaya zavershen // Rossiya-Kitay XXI vek, 2007. [Porada G. The Year of China is over // Russia-China XXI century, 2007.] (In Russian).

Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom sovete v 2021—2023 godakh [Russian Chairmanship of the Arctic Council in 2021—2023] URL: <https://arctic-council.org/ru/about/russian-chairmanship-2/> (date of access: 05.12.. 2020). (In Russian).

Prirodnyye resursy Arktiki [Natural resources of the Arctic] URL: <https://ru.arctic.ru/resources/> (date of access: 05.12.2018) (In Russian).

Problemy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva rossiyskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya. M.: IDV RAN, 2019, kn.1,2.[Problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and the Northeast of China. M.: IFES RAS, 2019, books 1,2.] (In Russian).

Proyekt «Arktik SPG 2» [Arctic LNG 2 projec] URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/> (date of access: 15.07.2021) (In Russian).

Proyekt Yamal SPG [Yamal LNG project]. URL: <http://yamallng.ru/project/about/> (date of access: 15.07.2021) (In Russian).

Putin: Shelkovyy put' dotyanulsya do Severa [Vladimir Putin: The Silk Road has reached the North]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4797575/> (date of access: 15.07.2021) (In Russian).

Rossijsko-kitajskaya postoyannaya rabochaya gruppa obsudila perspektivy mezhregional'nogo investicionnogo sotrudnichestva [Russian-Chinese Standing Working group discussed perspectives of the trans-regional investment cooperation]. URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiysko_kitajskaya_postoyannaya_rabochaya_gruppa_obsudila_perspektivy_mezhregionalnogo_investicionnogo_sotrudnichestva.html (accessed: 12 July, 2021) (In Russian).

Rossijsko-kitajckoe Ekspo v Ekaterinburge perenesli na 2022 god [Russiab-Chinese Expo in Yekaterinburg has been postponed and set for 2022]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11794221> (accessed: 15.07. 2021) (In Russian).

Rossiya, pomogi! Kitayu ne khvatayet uglya. Agentstvo Praym. 23.06.2021 [Russia, help! China is short of coal. Agency Prime]. URL: <https://1prime.ru/articles/20210623/834007993.html>. (accessed: 10.07.2021) (In Russian).

Ryba zhdet pokupatelya [The fish is waiting for the customer]. URL: <https://expert.ru/expert/2021/15/ryba-zhdet-pokupatelya> (accessed: 05.07.2021) (In Russian).

Skosyrev V. Vashington nachal s Pekinom klimaticheskuyu bitvu // Nezavisimoye voyennoye obozreniye Nezavisimoy gazety. 21.04.2021 [Washington started the climate battle with Beijing // Nezavisimoe voennoe obozreniye Nezavisimaya Gazeta.

21.04.2021]. URL: https://nvo.ng.ru/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (date of access: 15.07.2021). (In Russian).

Soglasenie mezhdru Federal'noj sluzhboj po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru (Rossijskaya Federaciya) i Glavnym tamozhennym upravleniem Kitajskoj Narodnoj Respubliki o vnesenii izmenenij v Protokol mezhdru Federal'noj sluzhboj po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru i Glavnym gosudarstvennym upravleniem po kontrolyu kachestva, inspekcii i karantinu Kitajskoj Narodnoj Respubliki o fitosanitarnyh trebovaniyah k kukuruze, risu, soe, rapsu, eksportiruemym iz Rossijskoj Federacii v Kitajskuyu Narodnuyu Respubliku [Agreement between the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance (the Russian Federation) and the General Administration of Customs of the People's Republic of China on amending the Protocol between the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance and the General Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine of the People's Republic of China on phytosanitary requirements for the export of maize, rice, soybean and rapeseed from the Russian Federation to the People's Republic of China]. URL: https://fsvps.gov.ru/fsvps-docs/ru/importExport/china/files/soy_24072019.pdf (accessed: 07.07. 2021) (In Russian).

Sovmestnoye Zayavleniye Rossijskoj Federatsii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki k dvadtsatiletiyu podpisaniya Dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru RF i KNR [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the 20th Anniversary of the Signing of the Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>, 28.06.2021 (accessed 25.07.2021). (In Russian).

Sovmestnoe kommyunike po itogam dvadcat' pyatoj regul'arnoj vstrechi glav pravitel'stv Rossii i Kitaya [Joint communique on the 25th regular meeting of the prime ministers of Russia and China]. URL: <http://www.russia.org.cn/ru/news/sovместное-коммюнике-по-итогам-двадцати-пятилетней-регулярной-встречи-глав-правительств-россии-и-китая/> (accessed: 25 June 2021) (In Russian).

SSHA i Kitay dogovorilis' sotrudnicat' po bor'be s izmeneniyami klimata // Le Monde. 18.04.2021 (Material predstavlen v pereskaze InoTV) [The United States and China agreed to cooperate to combat climate change // Le Monde. 18.04. 2021 (The material is presented in the retelling of InoTV)]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-04-18/Le-Monde-SSHA-i-Kitaj> (accessed: 15.07. 2021) (In Russian).

State Council Information Office of the PRC (2018, Jan 26). China's Arctic Policy. January 26, 2018. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 07.05.2021).

Titarenko M.L. Ekonomicheskoye vzaimodeystviye Rossii s Kitayem // EKO, Novosibirsk, 2008. № 3 [Economic interaction between Russia and China // ECO, Novosibirsk, 2008, no. 3.] (In Russian).

Ugol' v Kitaye. (Ne)zavisimoye gosudarstvo. Portal dlya nedropol'zovateley. Dprom.online. [Coal in China. (Independent state. Portal for subsoil users. Dprom.online. URL: <https://dprom.online/chindustry/ugol-v-kitae-ne-zavisimoe-gosudarstvo/> (date of access: 15.07.2021). (In Russian).

Vnukov K.V. Rossiyskiy medved' i kitayskaya panda: dva gosudarstva vmeste // Rossiya-Kitay XXI vek, 2007. [Russian bear and Chinese panda: two states together // Russia-China XXI century. 2007.] (In Russian).

Vsegda budet solntse: kak Kitay otkazhetsya ot nefti i gaza. 13.10.2020. [There will always be sun: how China will abandon oil and gas. 10.13.2020]. URL: <https://nangs.org/news/renewables/vsegda-budet-solntse-kak-kitay-otkazhetsya-ot-nefti-i-gaza> (accessed: 06.07.2021) (In Russian).

Wang Fan . Radi uglubleniya kitaysko-rossiyskogo gumanitarnogo sotrudnichestva: interv'yu s Zhou Ji — ministrom obrazovaniya KNR // Kitay. 2009. № 2. [Wang Fan. For the sake of deepening Chinese-Russian humanitarian cooperation: an interview with Zhou Ji — Minister of Education of the People's Republic of China // China. 2009. No. 2.] (In Russian).

Wang Yi. Stat'ya Ministra inostrannykh del KNR Van I v Rossiyskoy gazete. [Article by the Minister of Foreign Affairs of the PRC Wang Yi in Rossiyskaya Gazeta]. URL: <https://rg.ru/2021/06/01/van-i-druzhba-mezhdu-kitaem-i-rossiej-dolzha-stat-tradiciej.html> (accessed: 25.07.2021) (In Russian).

Yi dai yi lu. Huangpi shu — 2014 [The “one belt and one road initiative” Yellow book — 2014] // Editor-in-Chief Yang Yanhong. Yinchuan: Ningxia People's Publishing House, 2015, Pp. 42—43. (In Chinese)

Yurij Trutnev provyol soveshchanie o situacii s eksportom rybnoj produkcii iz Dal'nevostochnogo rybohozyajstvennogo bassejna [Yuri Trutnev held a meeting on the situation over the fish products export from the Far East fishery area]: URL: <http://government.ru/news/41501> (accessed: 24 June 2021) (In Russian).

Zhongguo Eluosi jingji hezuo yu fazhan baogao [Annual Report on Economic Cooperation and Development of Russia and China]. ch. ed. Zhong Yu (PRC), Ostrovskiy A.V. (RF). Beijing: Shehui kexue wenxian, 2018 ((accessed: 08 July, 2021) (In Chinese)

Zhonghua renmin gongheguo 2019 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji baogao [Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2019 National Economic and Social Development]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (accessed: 08 July, 2021) (In Chinese)

Zhonghua renmin gongheguo 2020 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji baogao [Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html; http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202002/t20200228_1728913.html (accessed: 11.10, 2021) (In Chinese)

Zhongguo tongji zhaiyao 2019 [China Statistical Abstract 2019]. Beijing, China Statistics Press, 2019. P. 101 (In Chinese)

ZhongE guanxi de lishi yu xianshi [Sino-Russia Relations:History and Reality]. ch. ed. Luan Jinghe. Zhengzhou: Hehan daxue chubanshe, 2004 (In Chinese)

Zou Xufang. Analiz i prognoz regional'nogo sotrudnichestva Severo-Vostoka Kitaya i rossiyskogo Dal'nego Vostoka / Problemy trgovno-ekonomicheskogo sotrudnichestva rossiyskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya. M.: IDV RAN, 2019. Kn. 1. S. 119—120 [Analysis and forecast of regional cooperation between the Northeast of China and the Russian Far East / Problems of trade and economic cooperation between the

---

Russian Far East and the Northeast of China. M.: IFES RAS, 2019, book 1. P. 119—120.] (In Russian).

2020 nian: woguo youliao youzhi jinkou liang zai chuang lishi zui gao shupin [2020: Oil and fats import in China reached its maximum in the entire history]. URL: <https://www.weihengag.com/index.php/home/article/detail/id/9041.html> (accessed: 08 July, 2021) (In Chinese)

2021 nian youliao changye fenxi baogao [Report on the analysis of the China oilprocessing industry on 2021]. URL: https://www.weihengag.com/home/data/product/detail/id/133/doc_id/9511.html (accessed: 12 July, 2021) (In Chinese)

Заключение

В резолюции прошедшего в ноябре 2021 г. 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва, предваряющего очередной съезд КПК в 2022 г., в контексте оценки проводимой Китаем дипломатической работы говорилось о том, что «всесторонне развивается дипломатия великой державы с китайской спецификой, а создание сообщества единой судьбы человечества уже стало четким ориентиром, направляющим тенденции эпохи и указывающим направление человеческого развития».

В партийном документе, который фиксирует доктринальные рамки, включая международную роль Китая и его внешней политики, подчеркнуто, что стране «удалось открыть новые перспективы в серьезнейших переменах в мире, трансформировать кризис в возможность на фоне глобальных беспорядков»; отмечено, что «значительно повысилось международное влияние Китая, заметно наращивалась его притягательная и формирующая сила». «Коммунистическая партия Китая и китайский народ своей мужественной и упорной борьбой торжественно объявили миру: китайская нация совершила великий скачок — встала на ноги, стала жить лучшей жизнью и превращаться в могучую нацию».

Пленум подтвердил, что КНР продолжает следовать утвердившимся к началу 2020-х гг. основным внешнеполитическим установкам, определяемым ныне как «внешняя политика и дипломатическая доктрина Си Цзиньпина» и как «лидерская дипломатия». Узловыми тезисами в ней продолжают служить создание «сообщества человечества с единой судьбой», продвижение «мультилатерализма» и «отсутствие» у возвышающейся КНР гегемонистских намерений. При этом неоднократное упоминание в резолюции «решающего» значения главенства КПК практически во всех сферах жизни страны, в том числе в дипломатической работе, говорит о том, что обозначенное в период 100-летнего юбилея КПК положение о руководящей роли партии во внешней политике Китая будет закрепляться и усиливаться.

Изложенные на пленуме тезисы показательно отразили как нынешнюю самоидентификацию КНР на международной арене, так и основной вектор дальнейшего движения — «вставшая на ноги» и «нарастившая свою притягательность и формирующую силу» страна ныне ощущает себя «великой державой», способной предложить миру узловое направление долгосрочной повестки дня («сообщество человечества с единой судьбой»). При этом КНР намерена продолжить «великий поход» к всестороннему «превращению в могучую возрожденную нацию».

Эти положения, в том числе очевидный рост претензий на все более важную глобальную роль, безусловно, должны нужным образом учитываться в РФ при построении диалога с Китаем.

Абстрагируясь от языка официальных деклараций, отметим, что для практической внешней политики Китая 2021 год оказался, как и предыдущий, весьма непростым. Претензии к КНР как к вероятному первоисточнику эпидемии COVID-19, выдвигавшиеся США и их союзниками, несколько поутихли, однако инспекционная поездка в Китай экспертов Всемирной организации здравоохранения окончательной ясности в вопрос о происхождении вируса не внесла.

Отношения КНР с США в первый год президентства Д. Байдена стали менее жесткими, чем при Трампе, однако достичь приемлемого уровня взаимодействия сторонам пока не удалось. Более того, США де-факто не только продолжили, но в чем-то усилили курс прежней администрации на формирование глобального антикитайского союза, о чем свидетельствуют создание австрало-англо-американского блока AUKUS и первая встреча глав государств индо-тихоокеанского формата QUAD (Япония, Австралия, Индия, США).

Резкой болевой точкой для Пекина становится усилившаяся поддержка Соединенными Штатами тайваньской администрации. В рамках треугольника КНР—США—РФ Вашингтон прошупывает возможность ослабить тесные связи Китая с Россией. По той же «тайваньской причине» отмечается и некоторое ухудшение европейско-китайских отношений. При этом отсутствие единства в формировании и проведении общей внешней политики даже в рамках ЕС приводит к серьезному расколу среди европейских стран относительно того, как нужно строить диалог с Китаем. Отдельные представители ЕС (Польша, прибалтийские страны, в первую очередь Литва) готовы пойти на значительное ухудшение отношений с КНР в надежде компенсировать возможные издержки путем улучшения отношений с американскими партнерами.

В отношениях с Индией трудный, но в целом неуклонный прогресс предыдущих трех десятилетий существенно затормозился, прежде всего из-за постоянных пограничных трений, которые с лета 2020 г. особенно остро дают о себе знать на спорных участках в районе Ладакха.

Однако, несмотря на неблагоприятную международную обстановку, Китай не ушел в «глухую оборону». Не случайно в упомянутой резолюции 6-го пленума говорится об успехах, позволивших «на фоне глобальных беспорядков трансформировать кризис в возможность».

Как уже отмечалось выше, Пекин умножает усилия с целью конвертировать несомненные экономические и иные достижения страны в рост ее международного влияния, в том числе за счет продвижения и пропаганды китайских успехов и китайского опыта борьбы с COVID-19, обеспечивших Китаю более ранний и «мягкий» выход из кризиса пандемии. Но и за рамками «пандемийной темы» используются любые возможности, позволяющие продемонстрировать важную роль КНР в мире и показать ее способности и потенциал в урегулировании тех или иных международных и глобальных проблем. В этом ряду можно отметить афганскую тематику после прихода к власти талибов, такие темы, как 50-летие восстановления членства КНР в ООН, сохранение биоразнообразия планеты, борьба с глобальным потеплением, ближневосточные и африканские инициативы КНР и т. д. Следует также отметить очевидную «реанимацию» Китая дифференцированной политики в отношении западных стран и интенсификацию связей Пекина с регионами мира, ранее не числившимися в приоритетах его внешней политики (Центральная Азия, Ближний Восток, Тихоокеанские острова).

Отношения с Россией получили в 2021 г. дополнительную основу для укрепления в виде празднования 20-летия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ. Договор был продлен на новое пятилетие, а всеобъемлющее партнерство с РФ Пекин продолжает декларировать как один из приоритетов своей внешней политики, называя российско-китайское партнерство «незыблемым и нерушимым».

То, что отношения двух стран «достигли беспрецедентных высот и стали образцом межгосударственного сотрудничества в XXI веке», подчеркивают и в Москве. Такие подходы были подтверждены в Совместном заявлении, подписанном высшими руководителями двух стран летом 2021 г.

При этом в политическом и экспертном сообществе России в достаточной мере отдают отчет в существовании менее афишируемой двусторонней повестки, которая сопряжена с известными рисками и сложностями. Главные пункты такой повестки известны. Это особенности в ряде региональных подходов (Украина, Грузия, положение в Южно-Китайском море, объективная конкуренция в ЦАР, в том числе в связи с продвижением китайской инициативы «Пояса и пути»), упомянутые экономические вопросы (порой «спорный» уровень товарооборота, его структура и объем взаимных инвестиций). Ряд разногласий касается исторических сюжетов (не ушедшая в Китае окончательно в прошлое тема «неравноправных территориальных договоров, навязанных ему в свое время царской Россией», отдельные этапы советско-китайских отношений).

Не случайно некоторые российские специалисты не без оснований полагают, что подспудно идущий в Китае «ремонт истории» затрагивает и историю его отношений с Советским Союзом. Отойдя от относительно объективной оценки 20-летней давности (периода празднования 80-летия КПК), когда ответственность за ухудшение отношений возлагалась на обе стороны, в ходе нынешнего 100-летнего юбилея во всех грехах в Пекине стали вновь обвинять Советский Союз, тогда как Китай, оказывается, «всегда стоял на правильной стороне истории». Поэтому согласно таким оценкам, несмотря на самые высокие эпитеты в адрес нынешних отношений КНР и РФ, они на деле все еще имеют основание считаться «браком по расчету».

Такое положение вещей при несомненной задаче дальнейшего укрепления дружественных и партнерских связей с растущим соседом, в которых действительно достигнуты многие позитивные рубежи, подчеркивает необходимость видеть объективную картину во всей ее реальной сложности. Не преуменьшая, но и не преувеличивая как достижения, так и риски. Не в интересах России отступать от текущей линии тесного взаимодействия с Китаем, однако в то же время вполне очевидно, что она должна реализовываться на основе прагматичного и максимально возможного учета национальных интересов самой РФ.

Сведения об авторах

Александрова Мария Викторовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

Vyacheslav I. BALAKIN, Ph.D. (Law), Assistant Professor, Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Васильев Леонид Евгеньевич — старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

Leonid Ye. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: levdvina@mail.ru

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Associate Professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE); Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: vinandr@mail.ru

Давыдов Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Andrey S. DAVYDOV, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Исаев Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Aleksandr S. ISAEV, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: aisaev51@mail.ru

Клименко Анатолий Филиппович — кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

Куликова Галина Вениаминовна — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Galina V. KULIKOVA, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Chairman of the Russian-Chinese Friendship Society, Honored Worker of Culture of the Russian Federation.

E-mail: orkd@ifes-ras.ru

Локшин Григорий Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН.

Grigory M. LOKSHIN, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: glokshin@gmail.com

Ломанов Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences; Deputy Director for Scientific Work, Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS); Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Матвеев Владимир Александрович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: matveeva@mail.ru

Мамахатов Тлеш Муратович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

Tlesh M. МАМАКХАТОВ, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович — старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Aleksandr Ch. МОКРЕТСКИЙ — Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: 88am@mail.ru

Островский Андрей Владимирович — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН; профессор Московского государственного педагогического университета.

Andrei V. OSTROVSKIY, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; Professor of Moscow Pedagogical State University.

E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru

Петровский Владимир Евгеньевич — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Сафронова Елена Ильинична — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Уянаев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

Sergey V. UYANAIEV, Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences*.

E-mail: svuyav@yahoo.com

---

* В 2022 г. Институт Дальнего Востока РАН был переименован в Институт Китая и современной Азии РАН (Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.)

Научное издание

**Россия—Китай:
отношения на рубеже 20-летия «Большого договора»**

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 01.12.2022. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 13,6.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5